ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

выпуск XXXVI
Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион
2016 – 2017 гг.

МОСКВА
2017

«Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»
издается с 1998 года
под руководством
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Индекс **65047** в подписном каталоге «Издания научно-технической информации» агентства «Роспечать»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС 77-34876 от 29.12.2008**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по **истории** и **политологии**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосяков Д.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Малетин Н.П.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Астафьева Е.М.

РЕДАКТОРЫ
Астафьева Е.М., Другов А.Ю., Симония А.А., Соколов А.А., Фомичева Е.А.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Акимов А.В.	Другов А.Ю.
Захаров А.О.	Канаев Е.А.
Колотов В.Н.	Костюнина Г.М.
Мазырин В.М.	Малетин Н.П.
Пале С.Е.	Рогожин А.А.
Соколов А.А.	Симония А.А.
Фомичева Е.А.	Федоровский А.Н.

ISSN 2072-8271

© ИВ РАН, 2017
© Редколлегия, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Мосяков Д.В. Новое качество конфликта в Южно-Китайском море 5
Канаев Е.А. АСЕАН четвертая промышленная революция .. 11
Костюнина Г.М. Государственная поддержка инвестиционных проектов в странах АСЕАН 24
Бэ Бумки Асеаноцентричные диалоговые форматы и эволюция морских территориальных споров СВА в контексте Большой Евразии 35
Королев А.С. ВРЭП в системе многостороннего экономического сотрудничества в АТР 46
Пале С.Е. Закат «тихоокеанской державы»: США стремительно теряют вес в Океании 58

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Другов А.Ю. Индонезия: что показали выборы губернатора в Джакарте 69
Петрова О.Л. Обзор индонезийско-китайских отношений за последние годы 94
Бектимирова Н.Н. Межпартийное противостояние в Камбодже в 2017 г. тенденции и перспективы 110
Симония А.А. Массовый исход бенгальцев-рохинджа: кто виноват и что делать? 124
Астафьева Е.М. Безальтернативные президентские выборы в Сингапуре в 2017 г. и первая женщина президент: а была ли возможна альтернатива? 140
Локшин Г.М. Российско-вьетнамские отношения и фактор Китая 146
Ле Ван Выонг Основные направления обеспечения качества подготовки в системе высшего образования СРВ в условиях международной региональной и двусторонней интеграции 160

Теханович А.И. Вьетнам в контексте борьбы США и КНР за влияние в Юго-Восточной Азии 171

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Захаров А.О. Заметки о политогенезе в Юго-Восточной Азии в I тыс. 178
Москалев П.Э. «Зарубежные китайцы» в историческом развитии Лаоса..... 210

КУЛЬТУРА

Фомичева Е.А. Таиланд: культура и политика 228
Сюннерберг М.А. Франко-вьетнамский «Правовой журнал» как источник о семейно-брачных отношениях в позднем колониальном Вьетнаме..... 237

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Астафьева Е.М. Новые тенденции и перспективы экономического и политического сотрудничества стран ЮВА с Россией, Китаем и США 257
Кукушкина Е.С. К итогам зимне-весеннего цикла заседаний научного семинара общества «Нусантара», 2017. 276

ПРИЛОЖЕНИЯ

Аннотации, ключевые слова 285
Summaries and Keywords 293
Сведения об авторах..... 300

С условиями публикации
можно ознакомиться на сайте http://sea.ivran.ru/
Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12,
Институт востоковедения РАН,
Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
E-mail: sea-apd@bk.ru, uva6254535@yandex.ru

© ***Мосяков Д.В.***
ИВ РАН

НОВОЕ КАЧЕСТВО КОНФЛИКТА в ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Сегодня ситуация в Южно-Китайском море самым существенным образом отличается от той, с которой мы имели дело во время работы первой и второй международных конференций, которые состоялись в Москве в 2013 и 2015 годах. Дело в том, что за последние годы произошло несколько важных событий, которые привели к тому, что качественно изменилась вся архитектура существующего конфликта.

Первое такое событие, влияние которого ощущается ныне и, как представляется, будет только усиливаться в будущем, это решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Как известно этот суд, принявший свои решения в прошлом году, не признал за Китаем юридического права на 80% акватории Южно-Китайского моря, отверг идею исторического права и постановил, что единственным путем юридического урегулирования конфликта может быть только путь на основе современного международного права. Хотя Китай и некоторые другие страны и, в том числе Россия, не признали решения этого суда, посчитав их не вполне объективными, юридические обоснования и основные принципы, сформулированные им, также как и известная Конвенция по морскому праву 1982 г., остаются единственным, основанным на международном праве, фундаментом для урегулирования конфликта.

Уже понятно, что если и пойдет процесс мирного урегулирования, то он не будет основан на историческом праве, а только на современном международном праве, что сразу же заметно упростит процесс урегулирования конфликта.

Не менее, а может быть и более важным событием, самым существенным образом изменившим характер конфликта, явилось фактическое превращение США в полноценного его участника. Это произошло не сразу, я еще прекрасно помню, как на встречах с асеановскими лидерами американские пред-

ставители указывали им на то, что они сами должны искать компромисса с Китаем. Сегодня в рамках политики возвращения США в Азию все изменилось. Американцы самым активным образом вмешались в конфликт, их корабли бороздят объявленные Китаем закрытые для других судов зоны в районе спорных островов, подвергая мир опасности прямого столкновения с китайскими войсками. Развернувшееся американо-китайское противостояние в ЮКМ превратило вялотекущий конфликт государств-соседей, который долгое время мало кого интересовал в мире, в противостояние современных сверхдержав. Причем, что интересно, события развивались, как будто были списаны с учебника конфликтологии, когда конфликт зарождается на основе мало кому понятных мелких противоречий, а потом, если его не купировать, начинает развиваться, получает собственную логику, и, в конце концов, втягивает в себя все новые страны и народы. Конфликт в ЮКМ прошел уровень двусторонних споров и столкновений между Китаем и Вьетнамом за мало кому известные безводные острова, затем перешел к стадии регионального конфликта, в который втянулись Китай и страны АСЕАН в первую очередь Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Бруней, а позже и Индонезия. Произошло это после того как в 2009 г. КНР объявила чуть ли не 80% Южно-Китайского моря своей территорией, полностью проигнорировав интересы своих соседей.

Сегодня, с втягиванием в него США, конфликт превратился в глобальный, угрожающий миру и безопасности не только в ЮКМ и не только в Азии, но и всему миру. Дело в том, что любое военное столкновение китайских и американских сил, может вызвать большую войну между ведущими мировыми державами. Угроза такого развития событий происходит регулярно, так как раз за разом либо американский самолет пролетит под прицелом китайских ПВО в объявленном КНР запретном районе, или эсминец США пройдет под дулами китайских пушек в зоне насыпных островов, которая также объявлена Китаем запретной. Любой несанкционированный и случайный выстрел может кардинально изменить ситуацию. Причем положение сфере безопасности только ухудшается особенно после того как было объявлено, что с 18 февраля 2017 г. в

ЮКМ началось патрулирование группы американских военных кораблей, которую возглавил авианосец Карл Винсон. Поставленная тогда задача постоянного присутствия американского флота в ЮКМ стала лишь прелюдией другого еще более опасного для мира и стабильности в регионе решения о том, что заходы американских кораблей в зоны, которые Китай объявил для них запретными, будут происходить на регулярной основе. Это означает, что весь регион ЮВА буквально обречен на постоянную нервозность и нестабильность, ожидание конфликта, как это уже бывало не раз и последний раз - 2 июля 2017 г., когда американский военный корабль «Стетхем» намеренно и демонстративно зашел в воды спорных территорий ЮКМ, провоцируя китайскую береговую артиллерию на сокрушительный ответ.

Подобное развитие событий поводов для оптимизма относительно возможности урегулирования конфликта не дает. Но если несколько оттолкнуться от всех этих хорошо известных и очень опасных событий и попытаться понять, а что собственно меняется в новой ситуации, когда конфликт в ЮКМ приобрел все черты конфликта глобального. Понятно, что это ведет к совершенно иному освещению в мировой прессе, совершенно иная роль и место в обсуждении на крупнейших международных форумах и особенно в ООН. Я специально, проанализировал два важных события, которые произошли сравнительно недавно. Одно - это обострение китайско-индонезийских отношений по поводу островов Натуна, а второе - плавание американского эсминца «Стетхем» в запретной зоне насыпных островов. Об обострении китайско-индонезийских отношений и о мерах Индонезии по упрочению своего присутствия на островах Натуна сообщали, главным образом, в региональной прессе стран АСЕАН, на международной арене прошло лишь несколько коротких сообщений. Проход же «Стетхема» стал ударным материалом мировой прессы. Об этом, естественно, писали все американские газеты, обсуждали аналитики с СНН, не говоря уже о региональных масс-медиа стран АСЕАН. То есть первая новость осталась во многом региональной, вторая же вышла на мировой уровень, подчеркивая глобальное значение самого события.

Но смысл глобальности в отношении конфликта в ЮКМ состоит не только в масштабе освещения, более важным является то, что переход к глобальному уровню коренным образом меняет всю политическую архитектуру в ситуации сложившейся в ЮКМ. Действительно в новых условиях и конфликт Китая и Вьетнама, и конфликт стран АСЕАН с Китаем как бы отходят на второй план, они естественно никуда не исчезают, но уступают место глобальному противоборству. В связи с этим, естественно, меняются и основные мотивации и, так сказать реперные точки, определяющие характер конфликта. Ведь, если в условиях конфликта с Вьетнамом действия Пекина без сомнений носили агрессивный и экспансионистсткий характер, что также можно отнести и к отношениям Пекина со странами АСЕАН, то в новой ситуации, эти же действия получают несколько иное измерение - могут рассматриваться как формирование оборонительной линии безопасности КНР против угрозы со стороны США. Новое качество конфликта неизбежно порождает и новые обоснования старых явлений, и вот уже строительство насыпных островов можно рассматривать не как жест явно недружественный по отношению к своим соседям, а как попытку создать альтернативу американским авианосцам, превратив насыпные острова в неприступные крепости, способные контролировать значительные морские акватории. Как мы видим, в новой реальности старый конфликт теряет казалось бы незыблемые ранее оценки и ориентиры.

Кроме того, в новых условиях конфликт стран АСЕАН с Китаем перестает быть ключом для решения конфликта, а пальма первенства переходит к отношениям США и Китая. Более того, АСЕАН оказывается и в сложном геополитическом положении, когда требуется немалое искусство и воля, чтобы сохранить свободу действий и внутреннее единство в ситуации, когда и США и КНР остаются ключевыми и важнейшими партнерами в сфере экономики и политики. Американцы сегодня, несмотря на смену администрации в Вашингтоне, продолжают придерживаться в целом так называемой «хедж полиси» - стратегии направленной на то, чтобы превратить соседей КНР в его врагов и, соответственно, в друзей и союзников США. Так они рассчитывают контролировать всю ситуацию в регионе и

иметь рычаги влияния и на страны АСЕАН, и через них и на Китай. К сожалению, какой-то единой линии, в отношении американских усилий пока не просматривается, достаточно сравнить политику равноудаленности, проводимой Филиппинами даже с некоторым посылом в отношении Китая и все более проамериканскую линию Вьетнама, который так видит теперь вопросы своей безопасности.

В то же время, анализируя сложившуюся сегодня в регионе ЮКМ ситуацию, наряду с тревогой и пессимизмом относительно возможностей договориться и остановить соперничество КНР и США, я испытываю определенный оптимизм по поводу возможных компромиссов между Китаем и его соседями. Ведь практически все аналитики привыкли утверждать, что побудительными мотивами КНР к экспансии являлись расчеты на богатые залежи нефти и газа, на контроль над ключевыми морскими торговыми путями, проходящими через ЮКМ и Малаккский пролив, а также над рыболовными зонами в одном из самых богатых по рыбным запасам морей. Теперь эти расчеты на фоне глобального противостояния и совершенно новых мотиваций могут стать полем для компромисса, так как можно утверждать, что одна из причин экспансии КНР в ЮКМ связана со стратегией развития и продвижения ее ядерных сил. Морской компонент своих стратегических ядерных сил Китай развивает на подводных лодках, крупнейшей базой которых стала гавань Юйлинь на острове Хайнань. Особенность рельефа морского дна делает именно акваторию ЮКМ наиболее логичным местом, где китайские атомные ракетоносцы смогут выходить в открытый океан достаточно незаметно для американских спутников. Если следовать логике китайских военных, то контроль над Спратли и значительной частью ЮКМ необходим КНР, чтобы США и их союзники не смогли перекрыть жизненно важную артерию и удушить страну экономической блокадой, о которой постоянно говорится в американской прессе.

Как мы видим, переход конфликта в ЮКМ в новое качество ведет к серьезному пересмотру казалось бы давно устоявшихся представлений, и в некотором роде открывает новые возможности для поиска компромисса. Во-первых, у всех участников этой игры уже совершенно иные ставки, которые

требуют максимально ответственного подхода к своим действиям. Во-вторых, если не рыбные запасы этого моря и не нефтегазовые перспективы являются главным драйвером китайской политики, то очевидно, что у Китая открывается окно возможностей для поиска компромисса со странами АСЕАН, так как их притязания носят вполне конкретный характер и очень далеки от стратегического противоборства с США. Если отойти от вопросов подтверждения суверенитета на те или иные острова, то стремятся они к свободе рыболовства к возможности эксплуатировать богатства ЮКМ в своих интересах. В новой ситуации власти КНР вполне могут пойти им навстречу. Ведь в условиях противостояния с США Китаю крайне важно, чтобы страны АСЕАН не превратились в вашингтонских марионеток, что, кстати, соответствует и желанию большинства асеановских политических элит, которое они уже не раз уже публично озвучивали. Асеановцы хотели бы иметь с КНР конструктивные отношения, они против того чтобы взять на себя как роль передового фронта против КНР, так и несокрушимого барьера на пути экспансии США.

Но сложность и особость текущей ситуации в Южно-Китайском море заключается в том, что даже серьезные возможные подвижки в отношениях Пекина со своими соседями совершенно не гарантируют снижения напряженности и мало чем помогут избежать возможной новой войны. Мы сможем рассчитывать лишь на некоторое ослабление напряженности, но конфликт не будет исчерпан, так как глобальные противоречия современных супердержав Китая и США носят куда более глубокий характер и охватывают не только спорные акватории Южно-Китайского моря. В этой констатации есть и горечь от того, что не удалось урегулировать конфликт, когда он находился еще на стадии регионального и тревога относительно того, насколько мы сможем найти выход, столкнувшись с одной из опаснейших черт глобализма.

© ***Канаев Е.А.***
НИУ ВШЭ

АСЕАН и ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Четвертая промышленная революция (ЧПР) и связанные с ней изменения – вопрос уже ближайшего будущего. Она затронет все аспекты бытия человечества, до неузнаваемости изменив мир. Уже сейчас определяя характер и содержание многих тенденций глобального и регионального развития, ЧПР существенным образом влияет на политику и перспективные планы многих региональных акторов, в числе которых АСЕАН.

Особенностями нынешнего этапа глобализации можно считать растущее взаимопроникновение физического и виртуального миров и связанные с этим изменения экономической, социальной и даже онтологической сторон жизни современного человека. Не пересказывая существующие публикации о сути Четвертой промышленной революции и ее последствий, важно проследить в опережающем режиме, в чем состоят вызовы для Ассоциации, и уточнить, в чем может и должен заключаться ее ответ.

«Глобализация недоверия» как контекст развития АСЕАН

Суммируя факторы, определяющие глобальный контекст развития АСЕАН, в том числе формируемый Четвертой промышленной революцией, выделим наиболее важные.

Просматривается отчетливая перспектива снижения доли труда в ВВП. Масштабированная деятельностью глобальных цифровых платформ, соединяющих потребителей и производителей общественных благ, развитие этой тенденции создает предпосылки маргинализации производительного труда, в том числе квалифицированного, как вида человеческой деятельности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы индивидуальных исследовательских грантов факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Происходит лавинообразное наращивание информационной взаимозависимости. Согласно данным McKinsey@Company, если в 2005 г. суммарный объем передаваемой в секунду информации составлял 4,7 терабитов, то в 2014 он возрос до 211,3 терабитов, увеличившись в 45 раз[1]. Часть этой информации почти наверняка используется спецслужбами государств с продвинутыми возможностями в сфере ИКТ. На фоне перспективы высвобождения избыточной рабочей силы и дальнейшего развития технологий, позволяющих мобилизовать большое количество людей на социальные протесты, угроза стабильности режимов и управляемости внутриполитических процессов просматривается более чем явно.

Происходит десакрализация политики как сферы общественной деятельности. Налицо измельчание элит, когда на волне популистских лозунгов в политической жизни многих стран участвуют люди, не обладающие качествами сильных политических лидеров, например, уровня Ли Куан Ю, Ш. де Голля или Ф.Кастро. Власть и оппозиция апеллируют к текущим потребностям электората, основное из которых – потребление «здесь и сейчас», в том числе в ущерб долгосрочным, стратегическим по своему характеру приоритетам. В отсутствие «большого проекта» общество погружается в идейный вакуум, заполняемый консьюмеризмом как смыслом существования.

Происходит слом институтов глобального регулирования и снижение возможностей мирового сообщества дать консолидированный отклик на вызовы нового этапа глобализации. В современном мире не остается ни одной серьезной проблемы, по которой у международного сообщества была бы единая позиция. Кризис ВТО и неспособность ООН снизить остроту северокорейской и сирийской проблем – яркие тому подтверждения. Интеллектуальные и социальные запросы, а также уровень компетентности, многих современных «лидеров общественного мнения» не позволяет надеяться даже на серьезное осмысление этих проблем, не говоря об их эффективном решении.

Для самой Ассоциации в этом контексте важными становятся несколько моментов. Первый из них – одновременная эскалация традиционных и нетрадиционных угроз безопасности с

их проекцией на Юго-Восточную Азию. Развитие ядерных программ КНДР на неопределенный срок отложило присоединение ядерных держав к такому проекту Ассоциации, как создание в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия. Неся потери на Ближнем Востоке, ИГИЛ распространяет свою деятельность на другие регионы, среди которых ЮВА с ее многочисленным мусульманским населением. Согласно распространенным в ЮВА оценкам, в обозримой перспективе угроза международного терроризма будет оставаться одной из наиболее острых для расположенных там государств[2].

Перспективные проекты экономического сотрудничества приносятся в жертву сиюминутной политической конъюнктуре. Примеров тому множество, и один из них – экономическая война, развязанная «коллективным Западом» против России. Отделение экономики от политики и использование экономических возможностей для смягчения политических противоречий – та сверхзадача, которую Ассоциация ставила, приступая к формированию диалоговых площадок Региональный Форум АСЕАН, Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит. Тем большее разочарование Ассоциация испытывает, убеждаясь, что на глобальном уровне, где АСЕАН стремится утвердить себя в качестве влиятельного игрока, ситуация развивается по наихудшему сценарию.

Особую обеспокоенность АСЕАН вызывает то, что она может оказаться в «двойной ловушке» – в сфере геополитики и геоэкономики. В первом случае речь идет о выборе между США и Китаем по актуальным угрозам безопасности, в первую очередь проблеме Южно-Китайского моря. Нарратив США о формировании Индо-тихоокеанского региона и перспектива возобновления Четырехстороннего сотрудничества с участием Индии, Японии, Австралии и США ставят ЮВА в эпицентр противостояния Китая с одной стороны и США и их союзников и партнеров с другой. Во втором – по мере активизации политики Китая и Индии в ЮВА их противоречия могут проецироваться на ЮВА и АСЕАН. Проект Инициатива пояса и пути рассматривается Индией не в экономических, а в геополитических категориях – как превращение Южной Азии и ЮВА в

арену повышенной проницаемости геополитических интересов КНР в ущерб Индии[3].

Современная форма глобализации контрастирует с существовавшей в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда экономическая взаимозависимость подкреплялась стремлением глобальных игроков налаживать и поддерживать диалог по актуальным политическим вопросам. Сейчас налицо отсутствие даже базовых предпосылок для коллективного обсуждения назревших и перезревших проблем. По совокупности всех факторов современный этап развития человеческого общества заслуживает определения «глобализация недоверия». Именно такой является внешняя среда, в которой АСЕАН придется отвечать на вызовы Четвертой промышленной революции.

АСЕАН и ЧПР: возможности и вызовы

Констатируя, что Четвертая промышленная революция несет Ассоциации как возможности, так и вызовы, важно четко понимать содержание тех и других.

Говоря о возможностях, отметим перспективу увеличения числа самозанятой рабочей силы в сферах, позволяющих капитализировать эффект масштаба. Основой их деятельности едва ли станет производство, будь то квалифицированные услуги или товары с высокой добавленной стоимостью. Глобальные тенденции создают запрос, прежде всего, молодежи, на развлекательный контент наподобие светской журналистики, реалити-шоу и эпатажного видео-блогинга. Запроса на «длинные инвестиции», в том числе интеллектуальные, современная ситуация не формирует, и страны ЮВА не являются исключением.

Отметим и расширение возможностей малых и средних предприятий стран ЮВА привлекать дополнительное финансирование. О значении таких предприятий для экономик стран ЮВА говорит то, что они составляют от 89% до 99% от общего числа предприятий стран ЮВА, обеспечивая от 52% до 97% занятости работников[4]. Реклама в интернете вполне позволяет таким предприятиям найти новых инвесторов, в том числе за пределами ЮВА.

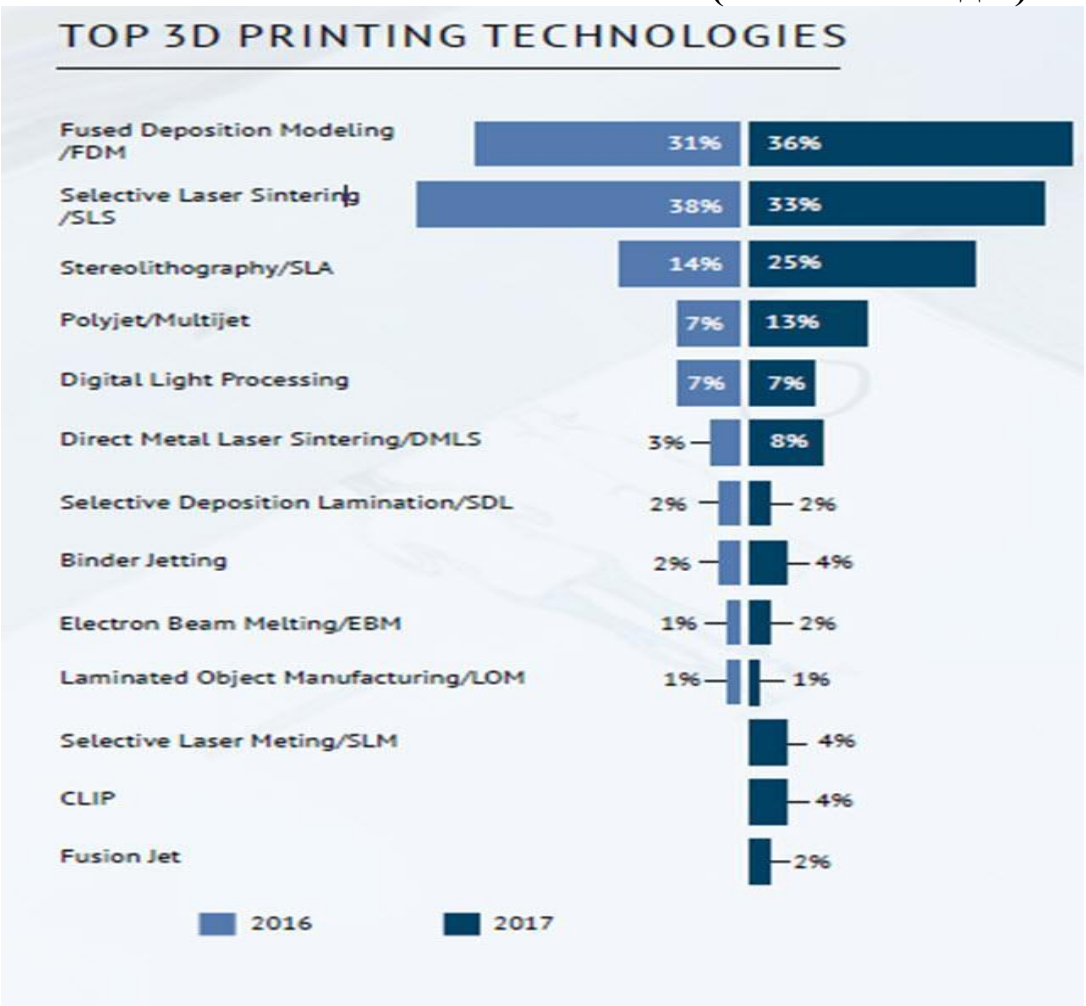
Наконец, повысятся возможности стран ЮВА прогнозировать стихийные бедствия и ликвидировать их последствия. ЮВА расположена в зоне повышенной сейсмической активности, и технологии, позволяющие повысить эффективность мероприятий по ликвидации последствий землетрясений, цунами и наводнений, будут явно не лишними. Технологически продвинутые средства радиолокации позволят находить погребенных под завалами людей, беспилотные летательные аппараты – доставлять терпящим бедствие людям продовольствие, питьевую воду, медикаменты и пр. Это особенно актуально для сельских районов стран ЮВА с неразвитой транспортной инфраструктурой.

Применительно к вызовам, отметим главное: Четвертая промышленная революция не позволяет Ассоциации реализовать крупный проект, сопоставимый с ее предыдущими «историями успеха». ЧПР может перевести в режим он-лайн управления многие компоненты экспортоориентированных производств, составивших основу экономической модернизации стран ЮВА. По имеющимся оценкам, роботизация производств приведет к сокращению рабочих мест на 60% в автомобильной промышленности Индонезии и 73% Таиланда соответственно. Порядка 60% рабочих мест в Индонезии, на Филиппинах, во Вьетнаме и в Таиланде будут автоматизированы. В производстве текстиля, одежды и обуви это угрожает 64% рабочих мест в Индонезии, 86% во Вьетнаме и 88% в Камбодже. В сфере розничной торговли это произойдет с 68% рабочих мест в Таиланде, 71% в Камбодже, 85% в Индонезии и 88% на Филиппинах[5]. Фактически, это означает конец традиционной «азиатской фабрики», когда развитые страны переносили производства в ЮВА с целью их удешевления. В перспективе развитие 3D печати вполне позволит производить необходимые узлы в непосредственной близости от производственного ядра, и необходимость в локализации производств в ЮВА, с трансфером инвестиций, технологий, повышением квалификации работников за счет работодателя и прочими атрибутами «азиатской фабрики» будет снижаться.

В этом контексте важно подчеркнуть: 3D печать становится все более технологически продвинутой. От печати при-

митивных изделий она распространяется на сектора, составляющие основу «экономики 21 века».

Основные технологии 3D печати (2016-2017 годы)[6]



Потерявших работу людей нужно будет отвлечь от текущих проблем, чем ожидаемо займутся всевозможные шоумены и иные представители индустрии развлечений. Пополнив число бенефициаров ЧПР, они вызовут еще большее раздражение уволенных работников. Огромную массу людей, оставшихся не у дел, недовольных своим положением и не видящих социальных перспектив, можно легко мобилизовать на социальные протесты, технологии чего уже отработаны.

Но главное – у Ассоциации как международного актора отсутствуют ресурсы для достижения крупных «историй успеха». В самом общем виде ресурсы, необходимые Ассоциации для таких проектов, могут быть суммированы следующим образом. По внешнему треку это готовность партнеров АСЕАН

рассматривать ее как единое целое и в идеале – делегировать ей инициативу в выстраивании многостороннего сотрудничества. По внутреннему – готовность Ассоциации выполнять такую задачу. С институциональной точки зрения важна степень готовности АСЕАН предложить своим партнерам конкурентоспособные идеи и институты для выстраивания такого сотрудничества.

Партнеры Ассоциации едва ли склонны рассматривать ее как единое целое. Прежде всего потому, что АСЕАН не реализует экономического проекта, который мог бы, принеся выгоду каждому из участников сотрудничества, повысить их заинтересованность в услугах АСЕАН как его модератора. Не завершены переговоры о формировании РВЭП, которые стартовали до того, как нарратив о ЧПР стал пронизывать дискуссии политиков и интеллектуалов ЧПР. Соответственно, сотрудничество под патронажем АСЕАН по направлениям, хотя бы косвенно связанным с ЧПР, ожидаемо вызовет противодействие партнеров «десятки».

Это тем более вероятно, что проект Инициатива пояса и пути содержит ИКТ-составляющую. По экспертным оценкам, это может дать китайским он-лайн платформам конкурентные преимущества, а китайским спецслужбам – возможность отслеживать информацию, относящуюся к вопросам национальной обороны стран-участниц проекта ИПП[7]. С учетом остроты нынешних китайско-индийских противоречий по поводу ИПП сомнительно, что Китай и Индия будут координировать такое сотрудничество, тем более под патронажем АСЕАН.

В сфере цифровой экономики Ассоциация развивает отношения с США в рамках Инициативы по наращиванию взаимосвязанности. Помимо прочего, это предполагает поддержку Вашингтоном усилий АСЕАН в сфере инноваций, инклюзивного экономического роста и «наращивания возможностей» *(capacity building*). Однако в планы США едва ли входит координация таких мероприятий с другими партнерами Ассоциации, прежде всего с Китаем.

Сама АСЕАН не готова взять на себя роль движущей силы сотрудничества в сфере ИКТ. Для выполнения такой задачи нужно быть на шаг впереди своих партнеров, однако между

странами ЮВА остаются слишком большие разрывы с точки зрения доступа к благам цифровой экономики. Лишь 26% населения Мьянмы и Лаоса имеют доступ к интернету (среднее значение по ЮВА составляет 53%)[8]. Примерно 70% жителей ЮВА не пользуются банковскими услугами, а в некоторых странах лишь 5% населения имеет кредитные карточки[9]. Но главное – инфраструктура стран АСЕАН уязвима перед кибератаками, а технологий и компетенций, необходимых для их предотвращения, у асеановцев нет.

Объемы электронной коммерции в ЮВА существенно уступают конкурентам. В настоящее время на ЮВА приходится 9 млрд долларов он-лайн продаж, или 14 долларов на человека. В Китае – 426 млрд долларов и 327 долларов на человека соответственно[10]. В странах ЮВА нет он-лайн платформ, способных конкурировать с гигантами мировой IT-индустрии. По имеющимся оценкам, в глобальном масштабе Google контролирует 90% контекстной рекламы, Facebook – 77% социального трафика, а Amazon – 75% рынка электронных книг. Появление асеановских компаний с хотя бы частично сопоставимыми возможностями маловероятно[11].

Одновременно Ассоциация вынуждена серьезно переосмыслить будущий курс развития собственных проектов регионализма. В условиях виртуализации продуктов, вместо экспорта и импорта готовой продукции, компании торгуют ее дизайном и используют 3D печать для оперативного производства необходимых компонентов. Это ставит перед Ассоциацией ряд вопросов по линии Зоны свободной торговли: если предприятие одной из стран АСЕАН покупает виртуальный продукт, печатает его в собственной стране и в результате несет убытки, кто их должен возмещать? Как гармонизировать сферу, например, торговли медицинскими услугами и при этом сохранять медицинскую тайну в тех случаях, когда это необходимо? Как в условиях временного цейтнота повысить долю квалифицированной рабочей силой в общем объеме таких обменов, если сейчас число работников, охваченных соглашениями о взаимных признаниях квалификаций (*Mutual Recognition Arrangements*), составляет всего 1,5%, а 87% рабочих-мигрантов заняты неквалифицированным трудом и находятся вне правового по-

ля[12]? Как должно осуществляться налогообложение и социальная защита работников по мере роста торговли виртуальными продуктами? Как часто должна обновляться правовая база проектов экономического регионализма АСЕАН наподобие АФТА или АТИГА? И это лишь часть вопросов.

Что касается институционально-идейной основы сотрудничества, то принципы АСЕАН с акцентом на консенсус, правило «последнего готового» и добровольности выполнения взятых на себя обязательств препятствуют реализации проектов, если они все-таки будут запущены. Традиционно неторопливый асеановский стиль ведения дел приходит во все большее противоречие с реалиями сегодняшнего дня, когда в условиях ЧПР залогом конкурентоспособности становится быстрота реагирования на перемены.

В целом, наступающая эпоха ставит перед Ассоциацией ряд вызовов, способных маргинализировать ее как международного актора. Применительно к АСЕАН ремарка председателя совета директоров компании Alibaba Group Д.Ма, что в течение следующих тридцати лет новые технологии принесут больше проблем, чем поводов для радости[13], представляется вполне уместной.

Дорожная карта ответа

Анализируя возможности Ассоциации дать ответ АСЕАН на порождаемые ЧПР вызовы, важно понимать, что Ассоциация не может и может сделать. АСЕАН не может остановить ход ЧПР и изолировать от нее Юго-Восточную Азию. Однако АСЕАН может провести перезагрузку сотрудничества между своими участниками и внести вклад в формирование Большой Евразии как внешнего контекста своего развития, одновременно проведя перезагрузку сотрудничества между своими участниками. Это позволит Ассоциации вернуть базовые предпосылки своих «историй успеха».

Применительно к внешнему треку подчеркнем: именно в рамках проекта Большая Евразия партнеры Ассоциации будут рассматривать АСЕАН как единое целое. Причина проста: к формированию евразийского пространства безопасности и соразвития будут адаптированы асеановские многосторонние

диалоговые площадки по вопросам безопасности – Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Отмечая, что тема кибербезопасности занимает все более высокое место в приоритетах асеаноцентричных диалоговых площадок, а также то обстоятельство, что ИГИЛ (запрещена в России) активно осваивает интернет-пространство, АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, координируемые усилиями Ассоциации, будут востребованы и предоставят евразийским партнерам АСЕАН свои лучшие наработки.

Эти наработки реально существуют. В 2016 году в рамках СМО АСЕАН+8 была создана Экспертная рабочая группа по кибербезопасности. Хотя ее назначение состоит, главным образом, в поощрении информационных обменов между АСЕАН и ее партнерами и содействии повышению их способностей реагировать на угрозы безопасности в киберсфере[14], примечательна готовность ее участников развивать такое сотрудничество в стратегической перспективе. Противодействие киберпреступности получает все большее внимание на заседаниях Регионального форума АСЕАН (АРФ)[15].

На внутриасеановском треке участие в евразийском проекте станет мощным внешним стимулом, который подтолкнет Ассоциацию к формированию новой операционной среды регионализма в ЮВА. В числе необходимых мероприятий: перезагрузка работы Секретариата АСЕАН (одно из предложений – внести в нее элементы деятельности платформ по образцу Apple IOS или Android), делегируя больше полномочий Фонду развития инфраструктуры АСЕАН и Управлению макроэкономических исследований АСЕАН+3. Другие назревшие шаги включают измерение практики долгосрочного планирования наподобие Дорожных карт на семь-десять лет вперед на трехлетние планы, интеграцию инновационных кластеров в отдельных странах и зон экономического роста, охватывающих три-четыре государства, в единое инновационное пространство ЮВА[16]. Наконец, необходимо переосмыслить многие компоненты «Пути АСЕАН», т.к. реалии Четвертой промышленной революции требуют быстрого принятия решений и их оперативной практической реализации.

Занимаясь развитием Генерального плана АСЕАН по ИКТ, Ассоциация нацелена на превращение ЮВА в ареал продвинутой цифровой экономики, безопасной, устойчивой и способной к переменам, а также развитие инновационного, инклюзивного и интегрированного Сообщества АСЕАН. Эта задача будет реализована посредством выполнения программ по непрерывному образованию, предоставлению гражданам АСЕАН современной инфраструктуры, технологий и компетенций в ИКТ-сфере. Примечательно внимание АСЕАН к информационной безопасности как одному из ключевых направлений сотрудничества, одним из компонентов чего является создание «цифровой экономики доверия» (*trusted digital economy*)[17].

Идейная составляющая успешной политики АСЕАН в контексте евразийского сотрудничества является продолжением первых двух компонентов. Если проект Большая Евразия будет институциализирован в формате АСЕАН-ШОС-ЕАЭС, Ассоциация может получить статус его «движущей силы»[18]. Тем самым сотрудничество на пространстве Большой Евразии будет осуществляться на основе асеановских принципов с акцентом на невмешательство во внутренние дела суверенных государств. Из проблем евразийской безопасности, на состоянии которых это положительно скажется, можно обоснованно отметить кибербезопасность.

Выводы

В Четвертую промышленную революцию АСЕАН встраивается на правах ведомого игрока. В нынешней системе координат ресурсы Ассоциации недостаточны для того, чтобы в сжатые сроки нарастить необходимые ресурсы до уровня, позволяющего повысить конкурентоспособность ЮВА как единого геоэкономического пространства и выправить перекосы в доступе к он-лайн экономике между входящими в нее странами.

Изменение к лучшему сложившейся для АСЕАН ситуации предполагает не столько наращивание ее ресурсов в рамках уже существующей парадигмы, сколько формирование принципиально иного контекста развития. Органично сопрягаясь с преобразованиями по внутриасеановскому треку, такой кон-

текст позволит купировать развитие неблагоприятных, заведомо деструктивных для АСЕАН тенденций.

Проект Большая Евразия имеет шансы стать тем самым внешним контекстом, который позволит Ассоциации усилить предпосылки успешности ее политики. Вкупе с проведением необходимых внутренних реформ участие АСЕАН в формировании Большой Евразии и последующее использование результатов этого проекта позволит Ассоциации достойно встретить вызовы Четвертой промышленной революции.

---

[1] McKinsey Global Institute analysis Digital Globalization: The New Era of Global Glows. 2016 Available at http://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows

[2] 50 Tahun ASEAN, 2 Tantangan Terbesar ke Depan. Tempo. 27 Agustus 2017. URL: // https://dunia.tempo.co/read/903652/50-tahun-asean-2-tantangan-terbesar-ke-depan; (2017) Jokowi: Kejahatan Terorisme Jadi Tantangan Baru ASEAN. Republika.co.id. 11 Agustus. URL: http://nasional.republika.co.id/berita/nasional/umum/17/08/11/ouildv425-jokowi-kejahatan-terorisme-jadi-tantangan-baru-asean

[3] Park S., Singh R. Why India Boycotted the Belt and Road Forum. East Asia Forum. 13 June 2017. URL: // http://www.eastasiaforum.org/2017/06/13/why-india-boycotted-the-belt-and-road-forum/

[4] ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 8.

[5] Pham Thi Phuong Thao. The New Economy in ASEAN. ASEAN Focus. 2017. № 3. P. 14-15.

[6] Columbus L. The State of 3D Printing, 2017. Forbes. 23 May 2017. URL: // https://www.forbes.com/sites/louiscolumbus/2017/05/23/the-state-of-3d-printing-2017/#401c6d3b57eb

[7] Basu Das S. OBOR's Digital Connectivity Offers Both Benefits and Risks. ISEAS Perspective. 2017. № 60. URL: // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_60.pdf

[8]Kemp S. Digital in Southeast Asia in 2017. We Are Social. 16 February 2017. URL: // https://wearesocial.com/special-reports/digital-southeast-asia-2017

[9] Pham Thi Phuong Thao. The New Economy in ASEAN. ASEAN Focus. 2017. № 3. P. 14-15.

[10]По оценкам Азиатского банка развития. ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 8.
[11] Там же. P. 11.
[12] Koty A. Labor Mobility in ASEAN: Current Commitments and Future Limitations. ASEAN Briefing. 13 May 2016. URL: // https://www.aseanbriefing.com/news/2016/05/13/asean-labor-mobility.html
[13] Solon O. Alibaba founder Jack Ma: AI will cause people 'more pain than happiness'. The Guardian. 24 April 2017. URL: // https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/24/alibaba-jack-ma-artificial-intelligence-more-pain-than-happiness
[14] Establishment of the ADMM-Plus Experts' Working Group on Cyber Security. Concept Paper. Draft as of 22 April 2016. URL: // http://mod.gov.la/10thADMM/assets/6-revised-concept-paper-on-establishment-of-ewg-on-cyber-security-as-of-20160423.pdf
[15] Bima Yudna Wibawa Manopo, Diah Apriani Atika Sari. ASEAN Regional Forum: Realizing Regional Cyber Security in ASEAN Region. // Belli ac Pacis. 2015. Vol. 1. N. 1. P.44-51.
[16] ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 15-17.
[17] The ASEAN ICT Master Plan 2020. Jakarta: ASEAN Secretariat. URL: // http://www.asean.org/storage/images/2015/November/ICT/15b%20--%20AIM%202020_Publication_Final.pdf
[18] См., например: Канаев Е. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии. Международные процессы. 2017. Т.15. № 3. С. 81-89.

© ***Костюнина Г.М.***
МГИМО (У) МИД РФ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ в СТРАНАХ АСЕАН

Введение

Страны-участницы Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)[1] выступают крупными реципиентами прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые отличаются более динамичными темпами роста притока инвестиций по сравнению с общемировыми прямыми инвестициями. За 2000-2016 гг. их доля в мировых накопленных ПИИ возросла с 3,44% до 7,0%, в стоимостном выражении их объем – с 257,6 млрд долл. до 1872,2 млрд долл., или в 7,3 раза. Для сравнения приток мировых ПИИ за рассматриваемый период увеличился с 7489,6 млрд долл. до 26728,3 млрд долл.[2], или в 3,6 раза. Причины связаны с динамичным экономическим ростом стран, инвестиционной либерализацией, относительно благоприятным инвестиционным климатом, включая государственные гарантии защиты прав иностранных инвесторов и государственную поддержку реализации инвестиционных проектов.

История предоставления инвестиционных стимулов для инвестиционных проектов, главным образом, в промышленности разных стран АСЕАН отличается. Если в Малайзии такие стимулы применяются с начала 1990-х гг., то во Вьетнаме и Индонезии – с 2005 г. и 2007 г. соответственно.

Во всех государствах АСЕАН сформированы государственные органы, которые уполномочены предоставлять стимулы при реализации инвестиционных проектов, в том числе, с зарубежным капиталом. Так, например, в Малайзии – Орган инвестиционного развития Малайзии (Malaysian Investment Development Authority, MIDA), в Таиланде и на Филиппинах – Совет по инвестициям (Board of Investment, BOI).

Государственная поддержка инвестиционных проектов в странах АСЕАН ведется по нескольким направлениям: (1) раз-

работка государственных программ поддержки инвестиций в приоритетных отраслях промышленности; (2) поддержка кластерного подхода к развитию промышленности; (3) предоставление инвестиционным проектам налоговых стимулов; (4) предоставление инвестиционным проектам неналоговых стимулов; (5) создание свободных экономических зон, особенно в депрессивных регионах. Стимулы различаются как законодательно установленные, так и дискреционные. Законодательно установленные стимулы предоставляются всем инвесторам в рамках национального режима. Для получения дискреционных стимулов необходимо пройти процесс одобрения на соответствие установленным критериям, который занимает от 1 до 6 месяцев в разных странах. Как правило, компания-инвестор получает соответствующий сертификат, который предоставляет инвестиционному проекту приоритетный (квалифицированный) статус.

Государственные программы поддержки инвестиций в приоритетных отраслях промышленности

Практически во всех странах АСЕАН разработаны программы поддержки вложения инвестиций в приоритетные отрасли, списки которых периодически пересматриваются. Так, например, в Брунее действует список из 25 приоритетных отраслей, который включает в том числе фармацевтическую промышленность, производство алюминия, текстиля, химической продукции, мебели, стекла, пластмассовых изделий, деревообрабатывающей продукции и электротехнического оборудования.

Для проектов в приоритетных отраслях Брунея предлагаются такие налоговые стимулы, как: освобождение от налогообложения прибыли корпораций на срок в 5-11 лет; освобождение от уплаты пошлин при импорте оборудования, машин, компонентов и сырья[3].

В Сингапуре для приоритетных проектов установлена нулевая ставка налога на прибыль корпораций сроком на 15 лет; для проектов по развитию или расширению промышленного производства – ставка в 5 или 10% на срок до 40 лет; вычет капитальных расходов с суммы налогооблагаемой прибыли в 30-

50%; налоговый вычет расходов на НИОКР с коэффициентом до 300%. Критериями получения таких льгот являются внедрение высоких технологий в промышленность и объем предпринимательских расходов[4].

Государство также разрабатывает программы поддержки инвестиций в экспортноориентированные отрасли (например, в Брунее) или в отрасли с высокой добавленной стоимостью (в частности, программа «Глобальный инвестор» в Сингапуре). Цель последних – увеличение промышленного потенциала страны, использование технологий и внедрение международных бизнес-практик в промышленность, привлечение ТНК. Налоговые стимулы для таких программ следующие: освобождение от налогообложения прибыли корпораций или ее сокращение в размере 0-15% (в стране – 17%) в отраслях с более высокой добавленной стоимостью; налоговые каникулы; ускоренная амортизация. Критерии их получения включают: создание дополнительных рабочих мест, развитие новых видов предпринимательской деятельности, объем вкладываемых капиталовложений.

Поддержка кластерного подхода к развитию промышленности

Активно поддерживается в странах АСЕАН формирование промышленных кластеров, что особо отличается практику экономически более развитых государств-членов, как например, Сингапур, Малайзия или Индонезия.

Кластеризация в Индонезии осуществляется в рамках программы формирования шести экономических коридоров, призванных повысить связность между системами логистики, транспорта, связи и информации. Ежегодно составляется список отраслей экономических коридоров, в которых действуют налоговые льготы с учетом критериев, как, например, национальный интерес; защита интересов потребителей; повышение конкурентоспособности; создание новых рабочих мест и вклад в доходную часть бюджета. Из числа мер государственной поддержки развития экономических коридоров следует выделить: беспошлинный ввоз капиталоемких товаров в таких отраслях промышленности, как нефтепереработка и строитель-

ство геотермальных станций; снижение ставки пошлины на 5% сроком на 2 года в отношении импорта оборудования и сырья, необходимых для производства, для промышленных компаний, развивающих или расширяющих бизнес в Индонезии.

В Малайзии действует программа развития экономических коридоров в пяти регионах, нацеленная на трансформацию экономики страны в полностью индустриальное государство к 2020 г. и стимулирование экономического роста. Приоритет отдан формированию кластеров в сферах нефтегазовой отрасли, промышленности, сельского хозяйства, туризма и образования. Для реализации этой цели утверждён пакет стимулов для промышленных компаний, включающий освобождение от налогообложения корпоративных доходов на 10 лет, освобождение от налога на переводимые за рубеж доходы сроком на 10 лет, неприменение национальных правил инвестиционного регулирования на территории коридоров, смягчение валютных ограничений, отсутствие ограничений на количество занятых иностранцев[5].

Предоставление инвестиционным проектам налоговых стимулов

Главным инструментом господдержки промышленности во всех странах АСЕАН выступают налоговые стимулы и прежде всего, в форме освобождения от налогообложения прибыли корпораций на срок от 1 года до 20 лет в зависимости от сложившейся практики и установленных критериев, а также беспошлинный ввоз продукции, необходимой для процесса производства. Из числа других налоговых стимулов следует выделить: сниженную ставку налога на прибыль после истечения срока освобождения от налогообложения (кроме Брунея и Лаоса); инвестиционные скидки (Малайзия, Сингапур, Камбоджа); налоговый вычет капитальных расходов (Сингапур, Вьетнам, Малайзия), или расходов на НИОКР (Сингапур, Таиланд, Малайзия, Мьянма), или расходов на оплату земельных участков, электроэнергии и водоснабжения в размере 100-200% (Таиланд); гораздо реже практикуется ускоренная амортизация (Сингапур, Мьянма) и налоговый кредит на сырье, полуфабрикаты, используемые в производстве экспортной продукции

(Филиппины). Сравнительная таблица налоговых стимулов в государствах АСЕАН представлена ниже.

Таблица 1

Формы налоговых стимулов в практике стран АСЕАН

Страна	Освобождение от налога на прибыль	Сниженная ставка налога на прибыль	вычет расходов т.ч. на НИОКР	Ускоренная амортизация	Инвестиционная скидка	Беспошлинный импорт
Бруней	5-20 лет					✓
Вьетнам	4 года	10% на 5-9 лет; 50% на 4 года для регионов со сложной с/э ситуацией	✓			✓
Индонезия	5-10 лет	50% на 2 года		10 лет		✓
Лаос	1-10 лет					✓
Камбоджа	9 лет	✓			✓	✓
Малайзия	10 лет	50-70% на 10 лет	✓		✓	✓
Мьянма	5 лет	✓	✓	✓		✓
Сингапур	15 лет	5 или 10% на 40 лет	✓	✓	✓	✓
Таиланд	3-8 лет	50% на 5 лет	✓	✓		✓
Филиппины	3-6 лет	5%	✓			✓

Источник. Составлено автором на основе Doing Business in ASEAN: A Legal & Tax Perspective. Bangkok Bank, 6 March 2015.

В качестве примера можно рассмотреть практику Вьетнама. Основной формой налоговых льгот выступает сниженная ставка налога на прибыль корпораций в 10% на срок 15 лет для проектов в депрессивных регионах, на 30 лет для крупномасштабных проектов, в высокотехнологических отраслях, отраслях, особо нуждающихся в привлечении иностранных инвестиций; на весь период предпринимательской деятельности для проектов в сферах образования, здравоохранения, подготовки

кадров, культуры, спорта и экологии. Другие формы налоговых льгот – налоговый вычет капитальных расходов до 5 лет; освобождение от уплаты налога на переводимые за рубеж доходы; освобождение от налогообложения аренды земельных участков на 15 лет в отдельных отраслях промышленности в промышленных зонах, размещенных в депрессивных регионах[6].

Предоставление инвестиционным проектам неналоговых стимулов

Применение неналоговых* стимулов в отношении инвестиционных проектов в промышленности Ассоциации ограничено по объему и инструментам. Одна из причин связана с ограниченностью финансовых ресурсов, необходимых для финансовых стимулов. Лишь в практике Сингапура как наиболее развитого государства АСЕАН используются формы господдержки промышленных проектов, характерные для развитых стран Европы и Северной Америки, как предоставление субсидий (грантов), гарантии, льготное кредитование и функционирование институтов развития, как Венчурный фонд. Относительно широкая практика неналоговых стимулов сформировалась в Индонезии (льготное кредитование и его гарантирование, субсидирование). Их отдельные формы можно встретить и в практике других государств АСЕАН, как Малайзия или Таиланд (см.табл.2).

Таблица 2

Формы неналоговой господдержки в странах АСЕАН

Страна	Гарантии	Льготное кредитование	Субсидии	Программы по росту инвестиций	Промышленные кластеры/экономические коридоры	СЭЗ	Освобождение от арендных платежей
Бруней						✓	
Вьетнам			✓			✓	15 лет

* По классификации ЮНКТАД неналоговые стимулы включают финансовые стимулы (субсидирование, покрытие части капитальных и иных расходов, льготное кредитование и его гарантирование) и прочие стимулы (создание СЭЗ, разработка госпрограмм поддержки депрессивных регионов, смягчение требований в отношении использования иностранной рабочей силы и др.).

Индонезия	✓	✓	✓	✓	✓	✓	
Камбоджа						✓	
Лаос						✓	
Малайзия	✓			✓	✓	✓	
Мьянма						✓	
Сингапур		✓	✓	✓	✓	✓	
Таиланд	✓					✓	
Филиппины						✓	

Источник. Составлено автором.

В практике Сингапура для стимулирования капиталовложений в производство и инновации применяется одноименная схема кредитования (productivity&innovation credit, PIC). Она дает право на получение 400%-ого вычета из налогооблагаемой суммы первоначально инвестируемого капитала (не менее 400 тыс. синг. долл.) в течение 8 лет в таких видах предпринимательской деятельности, как НИОКР, приобретение и лицензирование прав интеллектуальной собственности (ИПС), регулирование ИПС, разработка промышленного дизайна, покупка или лизинг оборудования и программного обеспечения для автоматизации производства, подготовка кадров.

Для малых и средних компаний может применяться схема PIC+ на основе конвертации расходов МСП в необлагаемую налогом сумму в 100 тыс. синг. долл. сроком на 8 лет при уровне конверсии в 40-60%[7]. Такая схема предоставляет МСП возможность ограничивать оплату расходов наличными.

В целом, наиболее популярным инструментом из числа неналоговых стимулов в странах АСЕАН выступает гарантирование кредитов, что отличает практику Индонезии (государственная организация Perum Jaminan Kredit Indonesia (Perum Jamkrindo) или Малайзии – государственно-частная организация Credit Guarantee Corporation Malaysia Berhad (CGC).

В некоторых АСЕАН применяется также субсидирование. Например, во Вьетнаме оно ведется в отношении снижения издержек при приобретении земельных участков и сооружении инфраструктуры; в Индонезии – спонсирования участия в национальных и зарубежных выставках и ярмарках, семинарах,

встречах с потенциальными инвесторами, размещения информации о компаниях на специальном сайте.

Предусмотрены и прочие стимулы для инвесторов, как: (1) возможность создания 100% иностранного предприятия; (2) возможность приобретения земли в собственность; (3) неограниченный найм иностранной рабочей силы.

Создание свободных экономических зон

Во всех странах АСЕАН крупный пакет стимулов применяется в отношении резидентов разных типов свободных экономических зон, включая освобождение от уплаты налога на прибыль корпораций; беспошлинный импорт необходимых для осуществления процесса производства машин, оборудования и средств транспорта, компонентов и сырья; освобождение от экспортных пошлин при вывозе произведенной продукции за рубеж.

В качестве примера рассмотрим практику Таиланда. В стране развиваются 36 промышленных зон в 16 провинциях с тремя ключевыми сферами: производство электроники, автомобилей и потребительской продукции. Они призваны стимулировать вложение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в сборку и промышленное производство.

Пакеты стимулов разнятся в зависимости от типа СЭЗ и включают: освобождение от импортных пошлин и внутренних налогов товаров, ввозимых из-за рубежа или произведенных в зоне, или ввезенных из других зон, как машины, оборудование и компоненты; освобождение от экспортных пошлин реэкспортных товаров; освобождение от требований контроля за качеством сырья, ввезенного на территорию зоны для производства, сборки и упаковки продукции при условии ее реэкспорта в другие государства. Иностранному инвестору разрешается не привлекать местного предпринимателя для совместного ведения предпринимательской деятельности (такое требование действует в отношении иностранных инвестиций, вкладываемых в экономику Таиланда).

Неналоговые стимулы включают: разрешение приобретать в собственность земельные участки; разрешение привлекать иностранных специалистов; разрешение переводить ино-

странную валюту за рубеж; разрешение на пребывание в стране инвестора и членов его семьи; упрощенные административные формальности в рамках программы «одного окна».

Больший объем инвестиционных стимулов действует для резидентов тайских научно-технологических парков: освобождение от импортных пошлин ввозимого оборудования, освобождение от корпоративного налога сроком на 8 лет с последующим снижением ставки корпоративного налога на 50% на 5 лет, разрешение нанимать на работу иностранных специалистов и исследователей, ускоренная амортизация, 200% налоговый вычет из расходов на НИОКР[8].

Современный этап тайской политики зонирования связан с формированием пяти специальных экономических зон (СЭЗ) в регионах, граничащих с партнерами по АСЕАН (Малайзия, Лаос, Мьянма и Камбоджа), а в 2016 г. - еще 5 зон. Зоны получили название специальных экономических зон, но по сути – трансграничные свободные экономические зоны[9]. Резидентным компаниям предлагаются налоговые и неналоговые льготы: освобождение от корпоративного налога сроком на 3 года; двойной налоговый вычет издержек на транспорт, электроэнергию и водоснабжение; сокращение строительных издержек на 25%; освобождение от импортных пошлин сырья и материалов, используемых в экспортноориентированном производстве; освобождение от импортных пошлин ввозимого оборудования для налаживания процесса производства; разрешение привлекать иностранную неквалифицированную рабочую силу; разрешение привлекать иностранную квалифицированную рабочую силу и экспертов; разрешение иностранным инвесторам приобретать землю в собственность. Помимо перечисленных стимулов компания может получить и специальные льготы, если ее предпринимательская деятельность признается ключевой в соответствующей СЭЗ. Это: освобождение от корпоративного налога сроком на 8 лет с последующим 50%-ым сокращением ставки налога на прибыль на 5 лет.

Инвестиционные стимулы играют важную роль в привлечении инвесторов и инвестиций в СЭЗ, хотя и не являются главным показателем благоприятности инвестиционного климата. Тайская практика это доказала. Количество зарегистриро-

ванных резидентных компаний в СЭЗ Таиланда составляет 3945, численность занятых – более 445 тыс. чел., количество предприятий – 3142. Примерно 77% территории тайских СЭЗ занимают совместные предприятия. Объем вложенных инвестиций – 54,8 млрд долл. Иностранные инвестиции поступают из Японии (41,4%), развивающихся стран Азии (27,27%), Европы (15,05%) и США (10,6%)[10].

Большинство промышленных зон стали кластерами в сферах (1) электроники и электротехники (12 зон, в том числе Пичит, Лаем Чабанг, Амата); (2) автомобилестроения (9 зон, включая Истерн Сиборд, Лаем Чабанг, Амата сити); (3) нефтехимии, чугуна и стали (7 зон, в т.ч. Падаенг и Южный регион); (4) ювелирной продукции и обработки драгоценных камней (1 зона – Гемополис); (5) издательского дела и упаковки (1 зона – Синсакхон Принтинг сити); (6) текстиля и одежды (3 зоны, включая Ратчабури и Смутсакхон).

Таким образом, во всех государствах АСЕАН сформированы действенные системы государственной поддержки промышленных инвестиционных проектов на основе предоставления инвесторам, главным образом, налоговых и в гораздо меньшем объеме – неналоговых стимулов. Формы налоговых стимулов достаточно разнообразны и включают нулевую ставку налога на прибыль на разные сроки, беспошлинный ввоз продукции для процесса производства, налоговый вычет расходов на НИОКР или капитальных расходов, ускоренную амортизацию, тогда как неналоговые стимулы – в основном, гарантирование кредитов. Немалое место в системах господдержки инвестиционных проектов в странах АСЕАН занимает разработка программ поддержки инвестиций в приоритетных и/или экспортноориентированных отраслях промышленности, поддержки кластерного подхода к развитию промышленности и создания свободных экономических зон, особенно в депрессивных регионах.

[1] Более подробно см. Костюнина Г.М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). / Международная экономическая интеграция. Под ред.Н.Н.Ливенцева. М., Экономистъ, 2006. С.226-260.

[2] World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017. Annex table 2. FDI stock, by region and economy, 2000, 2010 and 2016.P.226-227.
[3]Investment incentives in Brunei. URL: http://www.mofat.gov.bn/Pages/Investment-Incentives.aspx
[4]Taxation and Investment in Singapore 2016. Deloitte. 2016. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-singaporeguide-2016.pdf
[5]Tax incentives in Asia-Pacific. Malaysia. URL: http://www.ey.com/sg/en/services/tax/ey-tax-incentives-in-asia-pacific-malaysia
[6]Tax incentives in Asia-Pacific. Vietnam. URL: http://www.ey.com/sg/en/services/tax/ey-tax-incentives-in-asia-pacific-vietnam
[7]Taxation and Investment in Singapore 2016. Deloitte. 2016. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-singaporeguide-2016.pdf
[8] Костюнина Г.М. Практика функционирования свободных экономических зон в Таиланде / Г.М.Костюнина // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – №5. – С. 38-53.
[9] Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) / Г.М.Костюнина, В.И.Баронов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 169-178.
[10] Industrial Estates Offer Investors Convenience, Time Savings and Cost Efficiencies. Thailand Investment Review. 02.10.2016. P.7-8.

© ***Бэ Бумки***
аспирант ИМЭМО РАН

АСЕАНОЦЕНТРИЧНЫЕ ДИАЛОГОВЫЕ ФОРМАТЫ и ЭВОЛЮЦИЯ МОРСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ СВА в КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Одной из тенденций, определяющих контуры современной мировой политики, стало складывание «новой биполярности». Один из ее полюсов объединяет США и их союзников, в то время как другой представляет собой формирующееся пространство Большой Евразии[1]. Последнее может быть институционально оформлено посредством синергии форматов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС при последующем подключении ЕС. Китайский проект Инициатива пояса и пути (ИПП) будет играть одну из ключевых ролей в целенаправленной реализации евразийского проекта. Государства Северо-Восточной Азии (СВА), не входящие ни в АСЕАН, ШОС и ЕАЭС, ни в проект ИПП, остаются за бортом этих процессов.

Констатируя, что без подключения государств азиатского северо-востока евразийский проект не сможет полноценно состояться, отметим и высокий уровень конфликтности в отношениях между основными странами СВА. Он вызван, помимо прочих факторов, застарелыми территориально-пограничными спорами на морях.

Современная ситуация является уникальной с точки зрения возможностей асеаноцентричных диалоговых форматов – Регионального форума АСЕАН (АРФ), Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатского саммита (ВАС) подключить страны СВА к процессам складывающегося евразийского сотрудничества и одновременно – реально содействовать снижению остроты морских территориальных проблем азиатского северо-востока.

Асеаноцентричные диалоговые форматы по вопросам безопасности: исчерпание повестки

Начало формирования «треугольной» асеаноцентричной системы безопасности на основе сотрудничества, представлен-

ной в настоящее время форматами АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, пришлось на первые пост-биполярные годы. Сокращение американского военного присутствия в АТР, неясные перспективы политики новой России, растущий запрос Японии на повышение своего участия в решении региональных проблем и напористая политика Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ) подталкивали Ассоциацию к своевременному и адекватному отклику. Таковым стало формирование Регионального форума АСЕАН, назначение которого виделось Ассоциации и ее партнерам в проведении мониторинга развития региональной обстановки и выработке общего видения существовавших угроз.

Выступая в качестве первого «угла» асеаноцентричной системы и объединяя 26 государств и Европейский союз[2], АРФ представляет собой площадку, где взаимодействуют Ассоциация и практически все ее партнеры. Деятельность АРФ включает как взаимодействие на уровне министров иностранных дел или иных высокопоставленных представителей внешнеполитических ведомств участников переговоров, так и экспертно-аналитический трек.

АРФ был и остается ориентирован на решение проблем политического и отчасти военного характера для формирования более предсказуемых отношений между региональными игроками. Основным направлением сотрудничества выступает противодействие нетрадиционным угрозам безопасности.

Практические результаты деятельности АРФ едва ли впечатляют. Несмотря на многократные обсуждения актуальных проблем азиатско-тихоокеанской безопасности, они далеки от своего разрешения. Не привели эти обсуждения и к гармонизации отношений между ведущими азиатско-тихоокеанскими акторами.

Другой «угол» асеаноцентричной многосторонней диалоговой системы представлен Совещанием министров обороны (СМО) АСЕАН+8. Его создание отразило стремление Ассоциации диверсифицировать направления сотрудничества с партнерами по диалогу для более эффективного решения вопросов безопасности ЮВА. Хотя первоначально АСЕАН планировала развивать такое сотрудничество собственными усилиями, что подтверждало создание Совещания министров обороны

АСЕАН в 2006 г., впоследствии она скорректировала свою стратегию, пригласив к такому сотрудничеству внерегиональных партнеров.

Основная причина этого шага заключалась в стремлении государств «десятки» устранить намечавшиеся нежелательные для АСЕАН тенденции. Политика Китая в ЮКМ после подписания Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. побуждала Ассоциацию уравновесить политику КНР сотрудничеством с другими крупными игроками АТР. Предложения Австралии и Японии о формировании Азиатско-тихоокеанского сообществ в 2008-2009 гг. грозили лишить Ассоциацию ее основного внешнеполитического актива — права определять повестку и параметры развития многостороннего диалога по актуальным региональным проблемам.

Объективный предел возможностей СМО АСЕАН+8 стал очевиден спустя несколько лет после ее создания. Причина состояла в том, то эти заседания не только не способствовали снижению остроты комплекса проблем, связанных с ЮКМ, но и, фактически, раскачали их еще больше. Отказ участников Куала-Лумпурской сессии СМО АСЕАН+8 принять итоговую декларацию на фоне обострения китайско-американского соперничества в ЮКМ осенью 2015 г. служит тому подтверждением.

Не менее важная причина такова, что повестка СМО вышла на максимум своих возможностей в 2013 г., когда в основном был сформирован ее институциональный каркас и апробированы направления сотрудничества. Следующий шаг должен был заключаться в крупной «истории успеха», которой было призвано стать снижение остроты проблемы ЮКМ. Результат, как продемонстрировали события 2015 г., когда участники СМО АСЕАН+8 не приняли итоговую декларацию по причине разногласий из-за ЮКМ, оказался прямо противоположным.

В целом, в контексте деятельности СМО АСЕАН+8 просматривается намеренная попытка Ассоциации, как его координатора, дистанцироваться от наиболее чувствительных аспектов проблемы ЮКМ, а также в целом от территориально-пограничных проблем, в том числе в отношениях между государствами СВА.

Восточноазиатский саммит (ВАС), созданный в 2005 г., выступает «вершиной» асеаноцентричной системы безопасности на основе сотрудничества. По замыслу создателей ВАС, присутствие на его заседаниях глав государств и правительств наиболее влиятельных государств АТР позволит ему определять параметры формирования стратегической среды региона и тенденции его развития.

В реальности повестка ВАС с самого начала стала конкурентной. Еще до образования саммита вопрос о составе его участников, фактически, подрывал основу для сотрудничества на устойчивой, долгосрочной, а главное — консолидирующей основе. Отсюда – конкурирующие друг с другом проекты Китая и Японии – Зона свободной торговли Восточной Азии (*East Asia Free Trade Area – EAFTA*) и Всеобъемлющее экономическое партнерство в Восточной Азии (*Comprehensive Economic Partnership in East Asia – CEPEA*). Укрепление связей между американскими союзниками во второй половине 2000-х – середине 2010-х гг. и обострение китайско-американских противоречий по проблеме ЮКМ усилили поляризацию ВАС уже по политическому треку.

Восточноазиатский саммит является, возможно, одной из самых переоцененных международных диалоговых площадок. Спустя двенадцать лет после его образования не появилось *ни одного* (выделено нами – Б.Б.) серьезного достижения, которое Саммит мог бы занести себе в актив.

Суммируя основные результаты деятельности асеаноцентричного треугольника по вопросам безопасности, подчеркнем два момента. Первый из них – недостаточное внимание, уделяемое проблемам азиатского северо-востока. Участники АРФ и ВАС первоначально «проаутсорсили» ситуацию в СВА шестисторонними переговорами, резонно полагая, что снижение остроты северокорейской ядерной проблемы окажет общий позитивный эффект на состояние безопасности в субрегионе. После китайско-американской полемики по вопросам о ЮКМ море на индонезийской сессии ВАС и последующим отказом министров иностранных дел АСЕАН принять совместную декларацию в 2012 г. Ассоциация стала концентрироваться в первую очередь на проблемах ЮВА. Активизация угрозы международ-

ного терроризма в ЮВА в 2015-2017 гг. еще больше усилила нацеленность Ассоциации на решение проблем «своего» субрегиона.

Вторая причина состоит в том, что асеаноцентричный «треугольник» безопасности на основе сотрудничества не имеет экономического фундамента. Ранее созданные форматы — например, Многосторонняя инициатива Чианг Май или Восточноазиатский резервный рисовый фонд — не включают страны Южной Азии и Южной части Тихого океана, а также Россию и США. Основной перспективный проект Ассоциации — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) едва ли будет развиваться бесконфликтно вследствие сохраняющихся серьезных противоречий между его участниками по политическим и экономическим вопросам.

В общем и целом, асеаноцентричные диалоговые форматы нуждаются в новой миссии и обновленной повестке. Обе должны как учитывать наработанный к настоящему времени опыт Ассоциации по части координации многостороннего диалога, так и вписать его в современные глобальные тенденции.

Отклик АСЕАН и его евразийское измерение

Предлагая пути решения накопившихся проблем, эксперты Ассоциации учитывают современный контекст их развития. Таковой формирует политика администрации Д. Трампа и перспектива снижения интереса Вашингтона к ЮВА, фактический отказ участников проекта ТТП от его реализации и китайская Инициатива пояса и пути (ИПП).

Констатируя необходимость обновления параметров сотрудничества Ассоциации, ее эксперты все чаще обращаются к евразийскому контексту[3]. Подчеркивается потребность в интеграции АСЕАН в формирующееся евразийское пространство как залог диверсификации политики АСЕАН, а следовательно, — повышения ее эффективности в новых международных условиях. Это связано с объективно стоящей перед АСЕАН потребностью максимально эффективно координировать собственные перспективные планы с приоритетами ее партнеров, прежде всего КНР.

Институциональной базой евразийского проекта может стать связка АСЕАН-ШОС-ЕАЭС при адаптации к ней существующих асеаноцентричных форматов, в том числе упомянутых выше АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Ожидаемые последствия таковы.

Прежде всего, это облегчит формирование трансевразийской системы безопасности, потребность в чем объективно назрела. Опыт АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС будет адаптирован к евразийскому сотрудничеству с точки зрения функционала этих диалоговых форматов и конкретных направлений взаимодействия. В первом случае важно то, что Ассоциация обрела практический опыт в выстраивании взаимодействия между представителями внешнеполитических и оборонных ведомств по снижению остроты угроз региональной безопасности, а во втором — понимание, по каким именно направлениям проще всего добиться компромиссных, устраивающих всех решений.

В этом контексте важно, что после приостановки Шестисторонних переговоров Региональный форум АСЕАН остается единственной площадкой, в деятельности которой принимает участие КНДР. Для успешного функционирования трансевразийской системы безопасности и соразвития поддержка постоянного канала коммуникации с Пхеньяном становится насущной задачей.

Наконец, формируемая система должна быть открытой для диалога с акторами, не входящими в ее состав. Структуры АРФ-СМО АСЕАН+8 и ВАС могли бы оказаться полезными и тут – в состав каждой из них входят США, а в АРФ еще и Европейский союз.

В первом приближении конкретными направлениями сотрудничества при содействии АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС могли бы стать проблематика ЮКМ и международного терроризма. В первом случае сотрудничество между евразийскими государствами по линии развития транспортно-логистических коридоров может отчасти перенаправить торговые потоки с морских путей на сухопутные. Во втором – опыт АРФ и СМО АСЕАН+8 может быть использован для противодействия угро-

зе терроризма на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на евразийском пространстве в целом[4].

В результате реализации этого сценария укрепятся предпосылки к формированию Транс-евразийского пространства соразвития, аналитическую разработку которой предлагают эксперты ИМЭМО им. Е.М.Примакова[5]. Частью этого пространства станет Северо-Восточная Азия.

Последствия для морских территориальных споров в СВА

Реализация евразийского проекта и его институциональное оформление посредством связки АСЕАН-ШОС-ЕАЭС при адаптации к нему АРФ, ВАС и СМО АСЕАН+8 может привести к положительным результатам для морских территориальных споров в Северо-Восточной Азии. Основными видятся следующие:

Прежде всего, существующие противоречия будут помещены в принципиально другой контекст. Отмечая, что Китай не включил СВА в ИПП, нельзя не задаться вопросом о причинах. Одна из таковых — незаинтересованность китайского руководства в изменении международного статус-кво вблизи северо-восточных рубежей КНР, что неминуемо отвлечет ресурсы от «броска на Запад».

Во-вторых, реализация евразийского проекта будет стимулировать развитие Арктики, в чем заинтересованы и азиатские государства. В свою очередь, это укрепит тенденции к сотрудничеству между государствами СВА. Транспортировка арктической нефти в государства азиатского северо-востока и ее переработка, заказы на готовые суда и судостроительное оборудование, общий рост деловой активности в одном из самых перспективных субрегионов мира – все это в совокупности повысит мотивацию Пекина, Токио и Сеула к тому, чтобы поддерживать градус национализма в своих странах на контролируемом уровне.

При реализации проекта Большая Евразия в ткань хозяйственной жизни АТР будет интегрирован российский Дальний Восток. Тем более, что в настоящее время поворот России на Восток все ощутимее становится частью евразийского проек-

та[6]. В результате расширятся возможности решения экономических и социальных проблем, с которыми государства СВА сталкиваются на современном этапе своей модернизации. Помимо уже упоминавшегося укрепления энергетической безопасности, что стимулирует обновление базовой инфраструктуры и модернизации ряда экономических секторов, в том числе инновационных, снижение остроты продовольственной проблемы позволит, прежде всего Китаю, выправить существующие социальные дисбалансы.

Дополнительным и очень важным следствием станет поиск государствами СВА новых форм сотрудничества, чтобы компенсировать отсутствие в проекте ИПП. Эксперты ставили вопрос о целесообразности такого взаимодействия еще в начале 2010-х гг.[7]. Хотя к настоящему времени заметных успехов не достигнуто, реализация евразийского проекта может активизировать этот процесс с положительным кумулятивным эффектом для безопасности СВА.

Можно ожидать новой волны интереса государств СВА к инициативам сотрудничества, которые ранее в силу различных причин не получили развития. В их числе – совместные экономические проекты на оспариваемых территориях. Элиты стран СВА могли бы позиционировать это для внутренней аудитории как политическую победу, т.к. им удалось получить доступ и к ресурсам, и к самой территории (пусть даже и без официального взаимного и международного признания). При развитии совместных проектов, одна из сторон может инвестировать в развитие спорных территорий, а другая – предоставлять доступ к технологиям, оборудованию и практикам эффективного и экологически чистого освоения ресурсов.

В настоящее время переговоры о сотрудничестве в спорных водах СВА ощутимо буксуют. Причинами выступают приверженность государств СВА принципам защиты суверенитета, отсутствие доверия и высокая степень конкуренции интересов. Реализация евразийского проекта, в том числе усилиями АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, может изменить такую ситуацию.

Наконец, отмеченные выше тенденции могут способствовать формированию специализированной диалоговой площадки, нацеленной на обсуждение угроз безопасности СВА, – Ме-

ханизма по обеспечению мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Согласно существующим оценкам, этот формат необходим для решения проблем СВА, в числе которых – урегулирование ситуации вокруг ядерной программы и ракетных испытаний в КНДР, содействие проведению северокорейских реформ и стимулирование объединительных тенденций на Корейском полуострове[8]. Решение этих проблем не может состояться отдельно от укрепления безопасности СВА, в том числе – снижения остроты морских территориальных споров. В случае отказа КНДР от участия в таких переговорах они будут проводиться в пятистороннем формате[9].

В контексте снижения остроты морских пограничо-территориальных вопросов своевременным шагом может стать подписание многостороннего соглашения о безопасности и сотрудничестве на морях, объявляющего акваторию спорных территорий зоной лимитированного военно-морского присутствия, а также совместной добычи природных ресурсов. По сумме всех вышеперечисленных обстоятельств со временем это может привести к снижению остроты противоречий.

Выводы

Сталкиваясь с нарастающей критикой своей деятельности, АСЕАН и ведомые ее усилиями многосторонние диалоговые площадки стоят перед необходимостью обрести новую сверхзадачу. Для привнесения в деятельность АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС сильного консолидирующего компонента, такая сверхзадача по своей масштабности и глубине должна быть сопоставима с той, которую Ассоциация решала после окончания «холодной войны».

В свою очередь, погранично-территориальные споры Северо-Восточной Азии не могут бесконечно долго находиться в состоянии полного отсутствия компенсаторных механизмов. Их поддержка в управляемом состоянии, в условиях нарастания элементов конкуренции в отношениях между многими региональными игроками, становится актуальной и исключительно важной задачей как для самих стран СВА, так и для их евразийских партнеров.

Для ее решения необходимо не столько вырабатывать новые подходы к собственно накопившимся противоречиям, сколько формировать такой контекст, в котором сотрудничество превалировало бы над конкуренцией. Этот контекст, созданный в том числе усилиями асеаноцентричных многосторонних диалоговых форматов, едва ли приведет к отказу государств, вовлеченных в морские территориальные конфликты, от своих притязаний. Однако он укрепит для этих стран стимулы к сотрудничеству, компромиссному мышлению и дальнейшему развитию диалога, что само по себе станет ощутимым прогрессом.

---

[1] Караганов С. Кто правит миром? Россия в глобальной политике. 17 мая 2017. URL: // http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kto-pravit-mirom-18707 (дата обращения: 12 ноября 2017)

[2] Кроме государств АСЕАН, в АРФ также представлены Китай (КНР), Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Российская Федерация, США, а также Канада, Восточный Тимор, Папуа-Новая Гвинея, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Монголия и КНДР (единственный международный формат, за исключением ООН, в котором представлено данное государство)

[3] См., например: Ling Han. ASEAN a New Opportunity for the Eurasian Economic Union. The Diplomat. 22 September 2016. URL: // https://thediplomat.com/2016/09/asean-a-new-opportunity-for-the-eurasian-economic-union/ (дата обращения: 2 ноября 2017)

[4] Подробнее см.: Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 458-468.

[5] Михеев В.В., Швыдко В.Г. (ред.) Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства. М.: ИМЭМО РАН. 2017. С. 60.

[6] Караганов С.А. (ред.) К Великому Океану – 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Сентябрь 2017. URL: // http://valdaiclub.com/files/15301/ (дата обращения: 5 ноября 2017)

[7] Федоровский А.Н. Вызов стабильности и развитию Северо-Восточной Азии. Север – Юг – Россия 2012. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН. 2013. С. 138-140.

[8] Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад. / Отв. ред. – В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 61

[9] Вода К.Р., Федоровский А.Н. Ядерные амбиции КНДР и перспективы пятисторонних переговоров. // Институт мировой экономики и международных отношений РАН. URL:http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2114&ret=527 (дата обращения: 29.03.2017)

© ***Королев А.С.***
НИУ ВШЭ

ВРЭП в СИСТЕМЕ МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА в АТР *

Современный этап развития интеграционных процессов характеризуется фрагментацией глобального экономического управления и, как следствие, переходом к регионализации. Появляются новые механизмы финансово-экономического регулирования, дополняющие уже существующие институты – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС, Пул условных валютных резервов БРИКС, Евразийский банк развития (ЕАБР). Наряду с этим появляются и мега региональные инициативы, пришедшие на смену старой модели, в основу которой были положены механизмы ВТО [1].

Еще одной магистральной тенденцией является смена социально-экономической парадигмы АТР, лежавшей в основе экономического роста региона в предыдущие десятилетия. Модель «Азия для мира» трансформируется в «Азию для Азии»: из «глобальной фабрики» для всего мира экономика азиатских стран превращается в самодостаточную систему. Растет доля внутрирегиональной торговли, внутриазиатских инвестиций, все больше цепочек добавленной стоимости начинаются и заканчиваются в Азии.

ВРЭП как механизм торгово-экономического взаимодействия

Переговоры по созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) были официально запущены в августе 2012 г. в Камбодже, в ходе 44-й встречи министров экономики АСЕАН.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

В них принимают участие страны АСЕАН, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Партнерство объединяет торгово-экономические системы 16 азиатских стран, на долю которых приходится 49% населения мира (3,5 млрд человек), около трети мирового ВВП ($22,8 трлн) и около 30% мировой торговли, а также около 30% мирового притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ)[2].

ВРЭП, будучи одной из наиболее ресурсных экономических инициатив в АТР, имеет ряд особенностей по своему функционалу и механизмам реализации. Во-первых, несмотря на заявленный статус «высококачественного и всеобъемлющего сотрудничества» (*high quality and comprehensive cooperation*), ВРЭП в гораздо меньшей степени сконцентрирован на регулировании нетарифных барьеров и в целом не предлагает своим участникам обязывающие формы взаимодействия, выходящие за рамки обязательств ВТО[3]. Оно не предполагает жесткого регулирования рынка труда, не затрагивает вопросы окружающей среды, санитарные и фитосанитарные нормы, не вводит жестких ограничений на поддержку государственных компаний, не имеет механизма разрешения споров, позволяющего транснациональным компаниям подавать в суд на правительства.

Во-вторых, при реализации торговых и инвестиционных режимов ВРЭП стремится учитывать особенности и приоритеты каждого из участников, а также разный уровень развития национальных экономик.

В-третьих, ВРЭП закрепляет за АСЕАН центральную роль в интеграционных процессах в АТР [4].

В-четвертых, отличительной чертой объединения является характер экономического сотрудничества. Так, центральной идеей ВРЭП служит наращивание региональной взаимосвязанности (физической, институциональной и человеческой), развитие инфраструктурного потенциала в странах-участницах объединения, интеграция стран региона в глобальные торгово-экономические, технологические и инвестиционные цепочки, что находит отражение в основополагающих документах АСЕАН.

В-пятых, ВРЭП предусматривает прозрачную и удобную процедуру принятия новых членов. Единственным admini-

стративным требованием к потенциальным участникам ВРЭП является наличие зоны свободной торговли (ЗСТ) с АСЕАН.

Успешная реализация ВРЭП имеет важное значение для большинства его потенциальных участников. В первую очередь, для Китая. Пекин изначально рассматривал инициативу ВРЭП в качестве инструмента реализации следующего комплекса мер: во-первых, Китай стремился создать перспективную модель региональной экономической интеграции, за бортом которой останутся США; во-вторых, за счет значительных финансовых вливаний и реализации масштабных инфраструктурных проектов руководство КНР рассчитывало снизить напряженность с соседними странами, испытывающими обеспокоенность из-за растущей китайской мощи и территориальных споров с участием Пекина (Индия, Япония, Республика Корея, страны АСЕАН)[5]. Наконец, ВРЭП логически вписывается в концепцию «мирного возвышения» Пекина, предполагающую более активную роль и самостоятельность КНР в принятии международных торгово-экономических решений.

АСЕАН, в свою очередь, преследует следующие цели: во-первых, Ассоциация стремится закрепить свою позицию «движущей силы» многостороннего экономического сотрудничества в АТР; во-вторых, унифицировав правовые и институциональные условия сотрудничества с крупными экономиками Северо-Восточной и Южной Азии, АСЕАН рассчитывает активизировать приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и технологий в менее развитые страны Юго-Восточной Азии, создав благоприятные условия для размещения там филиалов крупных компаний стран-участниц ВРЭП. Результатом станет постепенное выравнивание уровней экономического и инфраструктурного развития десяти государств Ассоциации. В-третьих, АСЕАН стремится не допустить, чтобы экономическое сотрудничество между Китаем, Японией и Республикой Корея развивалось в ущерб интересам объединения. В-четвертых, в рамках ВРЭП планируется отработать институциональные практики многостороннего сотрудничества. В-пятых, АСЕАН рассчитывает, что ВРЭП позволит более эффективно координировать перспективные планы Ассоциации с АТЭС по линии не только наращивания взаимосвязей, что осуществляет-

ся с 2011 г., но и торгово-инвестиционной либерализации. В частности, АСЕАН была заинтересована в том, чтобы именно на базе ВРЭП выстраивать Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли АТЗСТ[6].

Наконец, продвигая ВРЭП, АСЕАН стремится подвести экономическую базу под созданную «треугольную» систему обсуждения актуальных международных проблем в формате Регионального форума АСЕАН (АРФ) – Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 – Восточноазиатского саммита (ВАС). Эта задача тем более актуальна, что в понимании Ассоциации и ее партнеров по диалоговым площадкам региональная безопасность имеет ярко выраженное экономическое измерение. Содержательный вклад в ее укрепление в значительной степени состоит в создании условий для экономических обменов, содействующих устойчивому развитию стран региона.

Проблемы экономического и технического характера в рамках переговоров по ВРЭП

Несмотря на общую заинтересованность стран в реализации инициативы, существует ряд противоречий, препятствующих скорому завершению переговорного процесса. Прежде всего, при создании ВРЭП предполагается, что таможенные пошлины будут устранены по 95% тарифных линий. Однако, как видно из *таблицы 2*, наблюдается существенное различие по уровню тарифной либерализации среди стран-членов партнерства по основным товарным группам[7]. В частности, ЗСТ АСЕАН–Новая Зеландия и Австралия предусматривает устранение тарифных барьеров по 100% товарных линий, в то время как соглашение с Индией – лишь 78,8%. Столь протекционистская политика Индии во многом обусловлена боязнью потерять конкурентоспособность в результате наплыва дешевой китайской продукции[8]. Кроме того, в результате снижения тарифов индийское производство может стать уязвимым перед импортом из АСЕАН одежды и текстиля в части тех товарных позиций, тарифы на которые не были снижены в рамках ЗСТ АСЕАН–Индия. Наконец, ужесточение правил патентной защиты фармацевтической продукции может привести к сокращению производства дженериков в Индии, которая обеспечи-

вает доступность лекарственных средств для бедных слоев населения во многих странах.

Наряду с этим возникают разногласия и среди других участников соглашения по вопросам либерализации торговли. В частности, Австралия и Новая Зеландия выступают за отмену субсидий в сфере рыболовства, тогда как Япония против ограничений государственной поддержки.

Таблица 2

Охват тарифной либерализацией товарной номенклатуры стран – потенциальных членов ВРЭП в ЗСТ АСЕАН+1

	Австралией и Новой Зеландией	Китаем	Индией	Японией	Республикой Кореей	Среднее значение
Бруней	99,2	98,3	85,3	97,7	99,2	95,9
Камбоджа	89,1	89,9	88,4	85,7	97,1	90,0
Индонезия	93,7	92,3	48,7	91,2	91,2	83,4
Лаос	91,9	97,6	80,1	86,9	90,0	89,3
Малайзия	97,4	93,4	79,8	94,1	95,5	92,0
Мьянма	88,1	94,5	76,6	85,2	92,2	87,3
Филиппины	95,1	93,0	80,9	97,4	99,0	93,1
Сингапур	100	100	100	100	100	100
Таиланд	98,9	93,5	78,1	96,8	95,6	92,6
Вьетнам	94,8	-	79,5	94,4	89,4	89,5
Австралия	100					
Китай		94,1				
Индия			78,8			
Япония				91,9		
Корея					90,5	
Новая Зеландия	100					
Среднее значение	95,7	94,7	79,6	92,8	94,5	

Источник: Fukunago Y., Isono I. Taking ASEAN+1 FTAs towards the RCEP: A Mapping Study // Economic Research Institute for ASEAN and EAST Asia, 2013, pp.1-38.

Соглашения о свободной торговле между его участниками имеют различный статус – некоторые уже подписаны и вступили в силу, в то время как переговоры с участием других стран далеки от завершения (ЗСТ Япония-Китай-Республика Корея)[9]. Соответственно, не согласованы многие вопросы. В их числе – номенклатура торгуемых товаров, список и доля позиций, на которые планируется распространить снижение тарифов.

Таблица 3

Действующие соглашения о свободной торговле в рамках ВРЭП (в ячейках – год вступления в силу)

		Корея	Япония	Китай	Индия	Австралия	Новая Зеландия	АСЕАН
1	Корея			2016	2010	2014	2015	2007
2	Япония				2007	2015	+	2008
3	Китай	2016				2016	2008	2005
4	Индия	2010	2007			*	*	2010
5	Австралия	2014	2015	2016	*	2010		
6	Новая Зеландия	2015	+	2008	*			
7	АСЕАН	2007	2008	2005	2010			1993

Примечание:
* Ведутся переговоры о ЗСТ.
+ Изучается возможность создании ЗСТ.
Источник: Free Trade Agreements // Asia Regional Integration Center

Актуальная проблема также - унификация торговли. На сегодняшний день лишь для 30% товарных позиций, торгуемых между странами ВРЭП, существуют одинаковые правила происхождения товара[10]. Индия и Япония часто применяют более жесткие правила по сравнению с другими участниками переговоров.

Наконец, важно выделить и проблему механизмов взаимодействия в рамках ВРЭП. В основе инициативы лежат принципы сотрудничества АСЕАН, а именно консенсусный подход, что в значительной степени затягивает процесс согласования и реализации намеченных планов.

Политический фактор в ходе переговорного процесса по ВРЭП

Стоит также выделить и блок политических противоречий между участниками переговорного процесса.

Во-первых, нарастание американо-китайских противоречий, что в перспективе способно подорвать единство внутри АСЕАН и, как следствие, центральную роль Ассоциации в процессах многостороннего экономического сотрудничества.

Во-вторых, в АСЕАН по-прежнему отсутствует консенсус по проблеме Южно-Китайского моря. Ряд стран-членов (Малайзия, Таиланд, Мьянма, Лаос, Камбоджа) придерживаются нейтральной позиции по отношению к данной проблеме, либо и вовсе предпочитают сотрудничать с КНР, в то время как другие государства выступают с более жесткой позицией (Вьетнам, Сингапур, Индонезия). Вне всяких сомнений, дальнейшее наращивание китайского присутствия в оспариваемом регионе приведет к росту антикитайской риторики в стане АСЕАН и негативно скажется на продвижении мега инициативы.

В-третьих, наличие ряда противоречий в треугольнике Китай-Япония-Республика Корея также является одной из причин вялотекущего переговорного процесса по ВРЭП. Отношения между Японией и Китаем традиционно находятся на низком уровне, что подкрепляется периодическим обострением территориального спора вокруг островов Сенкаку, японской позицией по тайваньской проблеме, а также регулярными призывами к руководству Поднебесной проводить более решительную политику в отношении КНДР.

Что касается китайско-южнокорейских отношений, то можно констатировать резкий рост напряженности, причиной которого стало решение руководства РК разместить на своей территории американский комплекс противоракетной обороны (ПРО) *THAAD*. Ответом со стороны Китая стало введение санкций в отношении Сеула, что негативно сказалось на южнокорейской экономике [11].

Оценка последних раундов переговоров

После выхода США из соглашения по ТТП в январе 2017 г. и последующей пробуксовки инициативы в экспертных кругах ожидалось ускорение переговоров по подписанию ВРЭП. Однако на деле наблюдается иная картина. С момента «решения» Трампа было проведено 3 раунда переговоров по ВРЭП, 3-я Межсессионная встреча министров торговли стран ВРЭП, а также 5-я встреча министров торговли стран ВРЭП, которые не привели к существенному прорыву. Сторонам вновь не удалось прийти к консенсусу по вопросам либерализации тарифов, а также доступа на рынок товаров и услуг, во-

просам таможенного контроля, защиты прав интеллектуальной собственности, повышения конкурентоспособности национальных производителей.

По-прежнему основным «тормозом» переговоров выступает Индия. По инициативе стран АСЕАН в ходе последних раундов переговоров было принято решение обнулить тарифные пошлины на 92% товарных линий после вступления в силу ВРЭП, против чего выступила Индия[12]. Дели по-прежнему не готов идти на серьезные уступки, соглашаясь лишь на снижение тарифов на 80% товарных линий для развивающихся стран и 75% для развитых. Помимо этого, Индия требует облегчения ей доступа на рынок инвестиций и рынок услуг. В частности, Индия настаивает на введении специальных бизнес-виз с целью беспрепятственного перемещения предпринимателей в странах ВРЭП [13].

Таким образом, Индия нацелена на сохранение трехуровневой системы, которая подразумевает, что сокращение тарифов в рамках ВРЭП должно происходить в соответствии с существующими ЗСТ входящих в соглашение стран. К примеру, для Индии к первому уровню относятся страны АСЕАН (формат АСЕАН+1, как и для всех участников ВРЭП), ко второму – Республика Корея и Япония (с которыми у Индии есть ЗСТ), а к третьему уровню – Китай, Австралия и Новая Зеландия, с которыми у страны нет ЗСТ. По отношению к странам третьего уровня при заключении ВРЭП снижение барьеров, как предполагается, произойдет в наименьшей степени.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на интерес к ВРЭП со стороны всех участников, успех переговоров в ближайшем будущем представляется маловероятным. Политическая напряженность вокруг Южно-Китайского моря, сложности согласования позиций внутри АСЕАН, а также неуступчивость Индии - серьезные препятствия для подписания соглашения в 2017 г. С высокой долей вероятности заключение соглашения будет отодвинуто на весну 2018 г. и привязано к следующему саммиту АСЕАН в Сингапуре, либо на осень, перед форумом АТЭС – если в ходе следующих раундов перего-

воров между участниками не возникнет новых принципиальных разногласий.

При этом стоит упомянуть, что для АСЕАН выполнение поставленной цели в 2017 г. носит принципиальный характер, поскольку именно в этот год Ассоциация отмечает свое 50-летие. Очередной перенос сроков реализации инициативы (первый датировался 2015 г.) может серьезно подорвать репутацию АСЕАН и поставить под вопрос роль Ассоциации в процессах экономического регионализма. Более того, формализация инициативы ВРЭП на фоне провала проекта ТТП продемонстрирует успешность асеаноцентричной модели взаимодействия, на деле закрепив за Ассоциацией статус главного локомотива многостороннего экономического сотрудничества в АТР.

Наконец, успешное завершение переговоров по ВРЭП также имеет большое значение для Филиппин - страны-председателя АСЕАН в 2017 г., и лично президента страны Родриго Дутерте, который подобным образом сможет укрепить свой авторитет не только на внутренней арене, но и в регионе в целом.

Однако, как уже было сказано ранее, достичь цели в 2017 г. будет крайне сложно. Для этого всем без исключения странам потребуется пойти на уступки. Критически важным для всех сторон станет достижение консенсуса с Индией по наиболее чувствительным вопросам. В этом отношении обращает на себя внимание смена модели ведения переговоров с Нью-Дели. От попытки «дипломатического нажима» со стороны стран АСЕАН (Малайзия, Сингапур, Вьетнам), который, по большому счету, не привел к ожидаемым результатам - к гибкой модели, направленной на поиск взаимовыгодного решения.

Не исключено, что в основу второй модели в обозримом будущем будет положен подход, инициатором которого выступили Филиппины, – *opt out and reciprocity*[14]. Суть его заключается в следующем: если страна не может принять условия, которые разделяют большинство участников соглашения, она может отказаться от этого положения и вернуться к переговорам, когда будет готова подписать положение договора. Другими словами, Манила готова предоставить время Индии на

размышление по вопросу снижения тарифных барьеров с последующим возвращением Нью-Дели к переговорам. Обратной стороной этого предложения может стать искусственное затягивание Индией переговорного процесса, поскольку такой подход не содержит четких временных рамок.

Наконец, для ускорения подписания соглашения необходимо более активное вовлечение в переговорный процесс Китая, реальный вклад которого стал менее заметным в последнее время из-за продвижения собственной флагманской инициативы – «Одного пояса, одного пути» и, в частности, подготовки и последующего проведения первого в истории Форума Шелкового пути.

Китай внес реальный вклад в ускорение ВРЭП в ходе 15-го раунда переговоров, который прошел в китайском Тяньцзине с 11 по 22 июня 2016 г. Основным достижением по итогам июньской встречи стало завершение переговоров по проекту текста главы будущего соглашения «Экономическое и техническое сотрудничество»[15]. Однако с тех пор страны АСЕАН полностью перехватили инициативу и стали выдвигать конкретные предложения. Речь, прежде всего, идет о способах преодолеть разногласия с Индией, о чем было сказано ранее.

В ходе заключительных раундов и отдельных встреч на двустороннем уровне Китай в лице министра иностранных дел Ван И лишь призывал стороны принимать более активные меры по ускорению переговоров по ВРЭП[16]. Более того, в ходе визита на Филиппины в марте 2017 г. вице-премьер КНР Ван Ян заявил, что именно Манила должна сыграть ключевую роль в продвижении мега инициативы, что главным образом связано со статусом председателя АСЕАН в 2017 г.[17].

В целом, роль Китая в качестве движущей силы ВРЭП в обозримом будущем будет базироваться на трех условиях: 1) сможет ли Китай, объединив усилия с АСЕАН, убедить Индию пойти на уступки; 2) сможет ли Китай в случае неготовности Индии выполнять нынешние условия предложить новый формат взаимодействия, устраивающий все стороны, включая Дели; 3) сможет ли Китай разработать «план Б» в случае возможного выхода Индии из переговоров.

[1] Суслов Д. В. Регионализация и хаос во взаимозависимом мире: глобальный контекст к началу 2016 года // Валдайские записки. – 2016. – №. 3. – С. 43.
[2] Jungbluth C., Aichele R., Felbermayr G. Asia's Rise in the New World Trade Order // Global Economic Dynamics. 2016. P.40. URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/BSt/Publikationen/GrauePublikationen/NW_Asia_s_Rise_in_the_New_World_Trade_Order.pdf (дата обращения 01.05.2017).
[3] Канаев Е. А. ТТП и РВЭП в системе экономического регионализма АТР //Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС. – ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – С. 48-66.
[4] Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/news/Documents/joint-declaration-on-the-launch-of-negotiations-for-the-regional-comprehensive-economic-partnership.pdf (дата обращения 05.04.2017).
[5] Королев А.С. РВЭП и внешнеполитическая стратегия Китая // Запад-Восток-Россия. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 147 с.
[6] Sanchita B. The Regional Comprehensive Economic Partnership: New Paradigm or Old Wine in a New Bottle? // ISEAS Economic Working Paper, 2014. P. 1-41.
[7] Fukunago Y., Isono I. Taking ASEAN+1 FTAs towards the RCEP: A Mapping Study // Economic Research Institute for ASEAN and EAST Asia, 2013. P. 1-38.
[8] India need not genuflect at RCEP // Business Line, 12.09.2016. URL: http://www.thehindubusinessline.com/opinion/india-need-not-genuflect-at-rcep/article9100768.ece (дата обращения 01.05.2017).
[9] Free Trade Agreements // Asia Regional Integration Center. URL: https://aric.adb.org/fta-country (дата обращения 12.06.2017).
[10] RCEP will not live up to its potential if 'flexibility' is carried too far // Bangkok Post, 08.07.2013. URL: http://www.bangkokpost.com/print/358893/ (дата обращения 18.05.2017).
[11] China's «unofficial» sanctions rattle South Korea // CNN, 03.03.2017. URL: http://money.cnn.com/2017/03/03/news/economy/china-south-korea-thaad-tourism-trade-sanctions/index.html (дата обращения 04.05.2017).
[12] Trade calculations: India offers to parley on RCEP tariff terms // The Economic Times, 24.05.2017. URL: http://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/trade-calculations-india-offers-to-parley-on-rcep-tariff-terms/articleshow/58814035.cms (дата обращения 03.05.2017).
[13] India proposes RCEP business visa card under mega deal // The Times of India, 23.05.2017. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/business/india-

business/india-proposes-rcep-business-visa-card-under-mega-trade-deal/articleshow/58813760.cms (дата обращения 08.05.2017).
[14] The RCEP Negotiations: From One Round to Another to Another // Madhyam, 05.06.2017. URL: http://www.madhyam.org.in/the-rcep-negotiations-from-one-round-to-another-to-another/ (дата обращения 07.05.2017).
[15] Fifteenth Round of Negotiations – 17-21 October 2016, Tianjin, China // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, 21.10.2016. URL: http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/news/Pages/fifteenth-round-of-negotiations.aspx (дата обращения 12.08.2017).
[16] China, Singapore seek to expedite RCEP trade talks // Reuters, 12.06.2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-singapore-trade-idUSKBN1930RR (дата обращения 15.08.2017).
[17] China cites Philippines' key role in China-led RCEP // ABS-CBN News, 20.03.2017. URL: http://news.abs-cbn.com/business/03/20/17/china-cites-philippines-key-role-in-china-led-rcep (дата обращения 29.05.2017).

© ***Пале С.Е.***
ИВ РАН

ЗАКАТ «ТИХООКЕАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ»: США СТРЕМИТЕЛЬНО ТЕРЯЮТ ВЕС в ОКЕАНИИ

С приходом к власти в США нового президента Дональда Трампа в январе 2017 г. малые островные развивающиеся государства Океании[1] (МОРГ), находящиеся в постоянном поиске средств к существованию, решили выяснить, насколько далеко распространится предвыборный лозунг Трампа «Сделаем Америку великой снова!». А именно, не захочет ли Вашингтон усилить свое геополитическое влияние в Тихом океане в соответствии с титулом «тихоокеанской державы», который в последнее десятилетие становится все менее актуальным применительно к положению США на мировой арене. В частности, не планирует ли новая администрация Трампа увеличить финансирование программ развития МОРГ, выдать больше грантов на обучение студентам из Океании и выделить дополнительные дотации на борьбу с глобальным потеплением, угрожающим затопить более половины южнотихоокеанских островов, и т.д.

Ведь всего пару десятилетий тому назад США гордо называли себя «шерифом Тихого океана», а Австралия – верный военно-политический союзник Вашингтона и наследница британских владений в Океании – именовалась «помощником шерифа». Новая Зеландия – еще одно влиятельное государство в Южнотихоокеанском регионе (ЮТР) – в основном следовала линии Канберры по региональным вопросам. До середины 2000-х гг. эти три крупных игрока оставляли далеко позади Японию и Францию по объемам предоставляемой странам Океании финансовой помощи, укрепляя тем самым свои позиции в Тихом океане.

[1] Океания – часть Южнотихоокеанского региона (ЮТР), в состав которой входят 14 независимых государств и 12 зависимых территорий, расположенных на небольших по размеру островах Тихого океана между Австралией и Новой Зеландией, с одной стороны, и Южной Америкой, с другой. Население Океании не превышает 11 млн человек.

Океания представляет собой стратегическую важность для мировых держав также потому, что здесь после Второй мировой войны Франция, Великобритания и США проводили ядерные испытания атомных и водородных бомб. В настоящее время военные базы Франции остаются в Новой Каледонии и Французской Полинезии, а базы США расположены на Гуаме и еще на нескольких атоллах Микронезии.

Однако после глобального финансового кризиса 2008 г. на сцену вышел новый мощный игрок – Китай, которому удалось справиться с экономическими потрясениями с наименьшими потерями. Как известно, США пострадали от кризиса сильнее остальных стран мира: это отразилось на сокращении американских дотаций в пользу МОРГ и тем самым ослабило влияние Вашингтона в ЮТР. В то же время, Австралия и ее союзница Новая Зеландия, также ощутившие существенный экономический спад, быстро переориентировали свои финансовые интересы с Запада на Восток, связав себя более тесными узами с Китаем.

Пекин, в свою очередь, не упустил возможность расширить свое влияние в ЮТР. Поднебесная стала для тонущих в прямом и переносном смысле стран Океании выгодной альтернативой США, Австралии и Новой Зеландии, подсадив крошечные островные государства на юаневую «кредитную иглу» за последнее десятилетие.

Произошло это на фоне острого соперничества между Китаем Тайванем за голоса 13 океанийских стран-членов ООН, пик которого пришелся на середину 2000-х гг. Оба соперника использовали «дипломатию чековой книжки» в виде прямых денежных перечислений в пользу МОРГ, тем самым почти добровольно подчинив их своей воле. До «дружбы» с Китаем и Тайванем островные государства и зависимые территории получали средства от западных доноров лишь под определенные проекты в рамках строго контролируемых программ развития, или же в виде гуманитарной, технической или медицинской помощи. Следовательно, прямые денежные поступления, которые местные чиновники были способны с легкостью обналичить, заставили океанийцев говорить о «новой эре сотрудниче-

ства» с Китаем… или Тайванем, – в зависимости от того, какой курс избирало то или иное островное правительство.

Из-за конкуренции между Китаем и Тайванем политическая нестабильность охватила большую часть Океании. На фоне глобального финансового кризиса 2008-2010 гг. сокращение дотаций со стороны Австралии, Новой Зеландии, США, Франции, Великобритании и Японии способствовало еще большей дестабилизации Южнотихоокеанского региона. Наконец, в 2010 г. на Тайване начался экономический спад, а ВВП Китая продолжал неуклонно расти вверх. Как следствие, натиск китайцев на Океанию стал столь интенсивным, что СМИ заговорили об угрозе утраты «тихоокеанской державой» – США своего статуса.

Захват южнотихоокеанских рынков китайским капиталом начался со сферы влияния Австралии (Науру, Папуа – Новая Гвинея, Самоа, Тонга, Вануату, Фиджи, Соломоновы Острова), затем – Новой Зеландии (Острова Кука, Ниуэ), далее – Франции (Новая Каледония, Французская Полинезия (Таити), Уоллис и Футуна), и, наконец, китайцы начали активно заполнять юанем рынки, традиционно принадлежавшие США (Американское Самоа, Палау, Северные Марианские Острова, Маршалловы Острова, Федеративные Штаты Микронезии). Немалыми усилиями (а точнее, немалыми финансовыми вливаниями) американской стороне пока еще удается ограждать от китайского проникновения находящийся во владении США Гуам ввиду расположенной здесь крупнейшей в Океании военно-морской базы США.

Следует отметить, что прибытие китайских кредитов в Южнотихоокеанский регион сопровождалось массовой миграцией «хуацяо» в островные государства. В каждой стране Океании, где присутствуют переехавшие сюда китайцы, существуют политические партии или объединения, представляющие интересы китайской финансовой элиты. В правительствах целого ряда стран – Австралии, Новой Зеландии, Папуа – Новой Гвинеи, Самоа, Соломоновых Островов, Таити и др. – есть немало представителей китайского происхождения, открыто лоббирующих юаневые интересы.

Наконец, к 2017 г. КНР вышла на третье место по объемам донорской помощи странам Океании после Австралии и Новой Зеландии.

В настоящее время КНР ведет переговоры с Фиджи и Папуа – Новой Гвинеей о создании военно-морской базы ВВС Китая. К слову, сюда китайцы уже наладили поставки грузов военного характера[1].

Учитывая финансовые трудности, продолжавшиеся в период 2010-2016 гг., политика американского президента Б. Обамы, тем не менее, строилась на укреплении политического участия США в жизни МОРГ для удержания позиций в ЮТР.

Так, в 2011 г. Б. Обама встретился с лидерами стран Океании на полях саммита АТЭС, который был проведен в Гонолулу, Гавайи, - т.е. непосредственно на территории ЮТР.

В 2012 г. Госсекретарь США Хиллари Клинтон присутствовала на ежегодном Форуме тихоокеанских островов (ФТО), который прошел на Островах Кука, и провозгласила три стратегические линии США: развитие торговли, инвестиции в энергетический сектор, обеспечение мира и безопасности в регионе. ФТО – это главная региональная организация со штаб-квартирой в Суве, Фиджи[2].

В 2013 г. госсекретарь США Джон Керри провел встречу с лидерами стран Океании в ООН по вопросам климатических изменений. В 2014 г. он посетил Соломоновы Острова после наводнений, которые нанесли стране огромный экономический ущерб.

В 2015 г. Б. Обама встретился с главами Кирибати, Маршалловых Островов и Папуа – Новой Гвинеи на Парижской конференции по климату.

В сентябре 2016 г. помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниэл Рассел возглавил американскую делегацию на 28-м Форуме тихоокеанских островов в Понпеи, Микронезия. Главными темами обсуждения стали климатические изменения, охрана рыбных ресурсов и региональное развитие[3].

Однако столь удачно построенная линия администрации Б. Обамы была разрушена всего двумя событиями. Первое из них – визит в Океанию главы КНР Си Цзиньпина в 2014 г., в

ходе которого он посетил Австралию, Новую Зеландию и Фиджи. Си Цзиньпин стал первым в истории китайским лидером, побывавшем в ЮТР[4]. Примечательно, что роль Китая на Фиджи в настоящее время является определяющей. Дело в том, что после государственного переворота 2006 г. на Фиджи США, Австралия и Новая Зеландия наложили на страну всевозможные санкции, желая заставить фиджийское правительство уйти в отставку. Но опытный переворотчик Фрэнк Баинимарама, остающийся у власти до сих пор, избрал другую тактику и направил политические устремления на КНР, РФ и Евросоюз, при этом Поднебесная выдала Фиджи максимальное число кредитов и всевозможных безвозмездных дотаций. В итоге плоды усилий Ф. Баинимарамы более чем окупились. Принимая во внимание тот факт, что Фиджи – это наиболее населенная и развитая страна в ЮТР, а также то, что здесь расположен единственный в Океании университет, где стремятся учиться все лучшие умы региона, а также находится штаб-квартира главной региональной организации – ФТО, визит Си Цзиньпина на Фиджи нес в себе более чем существенное значение.

Вторым разрушительным событием для политики по укреплению американского влияния в ЮТР стало избрание президентом США Дональда Трампа. С первых же дней работы новой администрации стало понятно, что Трамп будет четко придерживаться заявленных им принципов торгового протекционизма и антиглобализации, которые не предусматривают участия дополнительного долларового капитала в судьбах южнотихоокеанских государств. Более того, Трамп заявил о желании срезать финансовую помощь в пользу МОРГ на одну треть. В связи с этим в американских СМИ прошла серия сообщений о том, что США было бы нелишним пересмотреть объемы дотаций развивающимся странам в сторону снижения.

Отношения Трампа со странами ЮТР начались с нелицеприятного телефонного разговора с премьер-министром Австралии Малкольмом Тернбуллом в феврале 2017 г., в ходе которого Трамп резко высказался о решении прежней администрации Б. Обамы принимать ближневосточных беженцев из лагерей временного содержания, учрежденных Австралией на

острове Манус (Папуа – Новая Гвинея) и в островном государстве Науру.

Нетерпимое отношение американского президента к чужеземцам нашло свое выражение в том, что некоторые островные страны Океании, находящиеся в зависимости от США, перестали выдавать туристические визы представителям «нелюбимых» Трампом государств (например, Американское Самоа отказало в визе известному путешественнику из РФ весной 2017 г). Это отрицательно скажется на туристическом имидже и, следовательно, на экономике островных государств, которые вряд ли будут благодарны Трампу за падение темпов их ВВП.

Все малые островные государства Океании давно привыкли играть на интересах региональных держав: США, Австралии, Новой Зеландии и Франции, а с середины 2000-х гг. – еще и Китая ради собственной выгоды. В частности, наиболее преуспели в этом вопросе Фиджи. Не теряя времени, сразу после избрания Трампа на президентский пост в ноябре 2016 г. фиджийский премьер-министр Ф. Баинимарама обратился к американскому лидеру с просьбой спасти острова его страны от исчезновения из-за повышающегося уровня морей.

Трамп не только ответил Фиджи отказом выделить финансовую помощь на борьбу с глобальным потеплением, но и объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату в июне 2017 г., чтобы в дальнейшем избежать подобных просьб от прочих тонущих МОРГ – например, Тувалу и Кирибати. Основанием для такого шага послужило непоколебимое убеждение Трампа в том, что глобальное потепление – это лишь «мистификация»[5]. Ужаснувшись подобной политике Трампа, президент тонущих Маршалловых Островов Хильда Хайн тут же обратилась к международному сообществу с призывом «образумить» Трампа, отметив при этом, что после такого решения вера в мировое лидерство США теперь под большим вопросом[6].

Маршалловы Острова – одно из стратегически важных для США мест в Тихом океане. Именно здесь в 1940-60-е гг. американцы проводили ядерные испытания, а сегодня на атолле Кваджалейн размещено американское ПРО и 2 тыс. военнослужащих. Следовательно, любые разногласия с Маршалловы-

ми Островами по финансовым вопросам не сулят Вашингтону ничего хорошего. А подобных разногласий у США и Маршалловых Островов немало. Достаточно вспомнить, что в 2014 г. Маршалловы Острова обратились в Международный арбитражный суд в Гааге с иском к восьми странам с ядерными арсеналами, а также к Израилю, обвинив их в грубом нарушении международного законодательства в сфере ядерного разоружения. Иск не предусматривал выплату компенсаций, а лишь требование о разоружении. Однако обращение так и не было удовлетворено на различных основаниях: в частности, американский суд отклонил иск, ссылаясь на то, что дело может быть решено на политическом уровне без судебных разбирательств.

Тем временем Д. Трамп продолжил ухудшать отношения не только с малыми государствами Океании, но и с большими игроками Южнотихоокеанского региона – Австралией и Новой Зеландией. В январе 2017 г. Трамп объявил о выходе из переговоров по Соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), инициатива создания которого принадлежала в немалой степени Новой Зеландии. Тут же со стороны премьер-министра Австралии М. Тернбулла последовал комментарий о том, что в сложившейся ситуации место США в ТТП со временем может занять Китай, экономика которого уже превзошла американскую по целому ряду показателей.

Одновременно глава КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г. заявил, что Китай с радостью примет из рук США роль мирового торгового лидера, от которой те добровольно отказываются, выходя из ТТП.

Американский журнал «Forbes» тогда не без сожаления писал, что Трамп целиком «подарил» АТР Китаю, навсегда изменив глобальную картину мира не в пользу США[7]. И если 11 стран-участниц ТТП ранее стремились к сохранению американского влияния с целью экономического и геополитического сдерживания КНР, то теперь протекционистская тактика новой американской администрации обрекла их на подчинение экономическим интересам Пекина.

Китай действительно не упустил свой шанс и начал продвигать собственную торговую инициативу «Один пояс – один

путь» (ОПОП) в Южнотихоокеанском регионе. Как известно, главной целью создания так называемого «Нового Шелкового пути» является вытеснение доллара на всей протяженности его маршрута[8].

Уже в марте 2017 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян посетил Австралию и Новую Зеландию, с которыми заключил соглашение о сотрудничестве по реализации этого проекта.

С 22 по 26 марта 2017 г. в ходе официального визита в Австралию Ли Кэцян провел с премьер-министром страны М. Тернбуллом пятую ежегодную встречу глав правительств двух государств, принял участие в Форуме по торгово-экономическому сотрудничеству Китая и Австралии и во втором Форуме ответственных лиц провинций Китая и штатов Австралии[9].

Стороны одобрили реализацию соглашения о свободной торговле между Китаем и Австралией, а также договорились о приведении инфраструктурных проектов Австралии стоимостью $5 млрд. в соответствие с инфраструктурными планами китайской инициативы «ОПОП».

К слову, общая стоимость инфраструктурных проектов, уже инициированных в 68 странах, подписавших «ОПОП», составляет $1,8 трлн. По своей значимости инициатива «ОПОП», являющаяся «визитной карточкой» внешней политики китайского главы Си Цзиньпина, в семь раз превосходит американский «план Маршалла» по переустройству Европы после Второй мировой войны.

С 27 по 29 марта 2017 г. Ли Кэцян совершил визит в Новую Зеландию, где по итогам встречи с новозеландским премьером Биллом Инглишем стороны дали старт переговорам о расширении соглашения о свободной торговле для создания механизма содействия «ОПОП». Новая Зеландия подписала соглашение о сотрудничестве с Китаем по реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века», став первой из развитых западных стран, заключивших подобный договор с КНР.

Тем временем, не желая подтверждать претензии на главенство в Тихом океане финансово, но все же стремясь сохранить видимость могущества в ЮТР, Трамп предпринял совер-

шенно иную тактику. А именно, в апреле и мае 2017 г. американский президент решил «попугать» Северную Корею и запустил две межконтинентальных баллистических ракеты (без ядерного заряда) на атолл Кваджалейн в составе Маршалловых Островов.

Нет смысла думать, что КНДР осталась в долгу: напротив, северокорейский лидер Ким Чен Ын пригрозил Трампу совершить к середине августа 2017 г. ответный запуск ракеты в район крупнейшей американской базы в Тихом океане Апра-Харбор, расположенной на Гуаме (7 тыс. военнослужащих). Сюда еще в 2016 г. (впервые за последние три десятилетия с 1988 г.) был переведен ракетный подводный крейсер стратегического назначения «Pennsylvania», несущий баллистические ракеты. К счастью для Трампа, в середине августа Ким Чен Ын отказался от своего заявления, оказавшись мудрее своего американского коллеги. Однако можно лишь догадываться, какого рода эмоции испытывают жители Гуама к Трампу. Неудивительно, что глава Гуама Эдди Калво в октябре 2017 г. выступил в ООН с предложением о деколонизации Гуама (в настоящее время Гуам имеет статус «неинкорпорированной территории», являющейся владением США). Впрочем, требования о предоставлении Гуаму независимости от США периодически выдвигаются местным правительством в течение последних шести лет, но пока не дали никаких результатов.

Не менее сильно напуганы угрозой ядерной войны между США и КНДР остальные МОРГ, находящиеся в непосредственной близости к Гуаму: Северные Марианские Острова, Палау, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова и др. Под удар северокорейских ракет также могут попасть стратегически важные французские владения в Тихом океане – в частности, Новая Каледония, обладающая четвертыми по величине в мире запасами никеля и, как говорилось выше, военной базой (1,4 тыс. военнослужащих).

Данную тему с тревогой обсуждают СМИ не только в небольших беззащитных странах Океании, но и в Австралии и Новой Зеландии. Австралия небезосновательно полагает, что в случае войны пострадает как минимум ее северная часть, где на

американской базе в г. Дарвине располагаются 2,5 тыс. американских военных.

А в Новой Зеландии, словно предвосхищая события, еще в марте 2017 г. вышел в прокат документальный фильм о возможном ядерном конфликте в Тихом океане под названием «Грядущая война с Китаем» (“The Coming War on China”) известного австралийско-британского писателя и журналиста Джона Пилджера[10].

Подводя итог, следует отметить, что политическая линия Трампа в Тихом океане привела к осложнению отношений США с государствами Южнотихоокеанского региона. Совершенно очевидно, что в дальнейшем Трамп будет четко придерживаться заявленных им еще с первых дней президентства принципов торгового протекционизма и антиглобализации, которые не предусматривают участия американского капитала в судьбах южнотихоокеанских стран. Более того, недальновидная политика Трампа способна поставить регион на грань ядерной войны. Подобная политика приводит к потере доверия к США со стороны ключевых игроков в Южнотихоокеанском регионе – Австралии и Новой Зеландии, а за ними остальных стран Океании. Это, в свою очередь, уже в скором времени позволит Китаю вступить в полноправное владение всем Тихим океаном. А каким способом – финансовым или военным – Поднебесная «похоронит» «американского шерифа» – покажет время.

---

[1] Фиджи против англосаксов, 06.02.2016 // Сегодня.ру - http://www.segodnia.ru/content/172324

[2] Department of State, “Hillary Rodham Clinton: Remarks at the Pacific Islands Forum Post-Forum Dialogue,” Rarotonga, August 31, 2012.

[3] The Pacific Islands: Policy Issues, February 2, 2017 // Congressional Research Service - https://www.hsdl.org/?abstract&did=798831

[4] Xi's visit to Pacific island countries a historical first, 2014-11-13 // Chinadaily - http://www.chinadaily.com.cn/world/2014xiattendg20/node_1142979.htm

[5] Trump’s Stupid and Reckless Climate Decision, June 1, 2017 // The New York Times - https://www.nytimes.com/2017/06/01/opinion/trump-paris-climate-accord.html

[6] Marshall Islands President Seeks Help In Changing Trump's Mind on Climate Change, June 14 2017 // Associated Press - https://weather.com/science/environment/news/marshall-islands-president-trump-climate-change

[7] Trump Hands China A Gift In Dumping Trans-Pacific Partnership, Jan 24, 2017 // Forbes - https://www.forbes.com/sites/johnbrinkley/2017/01/24/trump-dumps-trans-pacific-partnership-sad/#4621589575dc

[8] Китай и Россия переводят расчеты на национальные валюты в преддверии «золотого бума», 19.10.2017 // Новое Восточное Обозрение - https://ru.journal-neo.org/2017/10/19/kitaj-i-rossiya-perevodyat-raschety-na-natsional-ny-e-valyuty-v-predverii-zolotogo-buma/

[9] Визиты Ли Кэцяна в Австралию и Новую Зеландию 22-29 марта 2017 г. - http://russian.news.cn/cnleaders/lkqcf201703/index.htm

[10] John Pilger - http://johnpilger.com/articles/new-john-pilger-film-the-coming-war-on-china

© ***Другов А.Ю.***
ИВ РАН

ИНДОНЕЗИЯ: ЧТО ПОКАЗАЛИ ВЫБОРЫ ГУБЕРНАТОРА в ДЖАКАРТЕ

Выборы губернатора столицы Индонезии Джакарты в феврале-апреле 2017 г. по значению и последствиям далеко вышли за свои формальные рамки. Как в 2015 г. требования пересмотреть оценки массовых репрессий против левых сил в 1966-1967 гг. вскрыли глубинную противоречивость в подходе различных политических сил к демократическим реформам, так и выборная кампания в Джакарте стала призмой, через которую преломились сложность и противоречивость современного политического процесса в Индонезии. На пост губернатора столицы баллотировался Басуки Чахайя Пурнама (мы в дальнейшем будем называть его Ахок – имя, под которым он широко известен в индонезийском обществе), исполнявший эти обязанности с 2014 г., когда он как вице-губернатор автоматически занял пост главы администрации с избранием губернатора Джоко Видодо президентом страны. Они возглавили столичную администрацию в 2012 г., и это стало необычайным событием в двух отношениях. Джоко Видодо до этого был мэром столицы Центральной Явы Суракарты. В свое время он заработал состояние на производстве мебели и в целом был далек от столичной элиты, хотя его поддерживала Мегавати Сукарнопутри, лидер Демократической партии Индонезии (борющейся) (ДПИБ, одной из крупнейших в Индонезии), дочь первого главы независимого индонезийского государства, бывшая в 2001-2004 гг. президентом страны. Избрание Д. Видодо главой государства было признаком роста принципа меритократии в индонезийском обществе.

Вице-губернатором стал Ахок, протестант по вероисповеданию, этнический китаец – событие невозможное еще 12-15 лет назад, свидетельствовавшее о существенных изменениях в политической культуре страны. Деловые качества Ахока создали ему достаточно позитивную репутацию, хотя его известная

резкость в поступках и высказываниях трудно совместима с яванским политесом. Но даже враги никогда не обвиняли его в коррупции и своекорыстии. Теперь ему предстояло отстоять свой статус на очередных выборах. Его и претендента на пост вице-губернатора Джарота поддержал ряд партий правительственной коалиции – ДПИБ, Голкар, Партия народной совести и Национально-демократическая партия, поэтому и сторонники, и противники Ахока не без оснований считали, что за ним стоит президент Джоко Видодо.

Еще один тандем составили Агус Юдойоно, сын С.Б.Юдойоно, президента Индонезии в 2004-2014 гг., и Сильвиан Мурни при поддержке относящихся к правительственной коалиции Партии национального возрождения, Партии единства и развития (обе исламской ориентации) и независимой Партии демократов во главе с отцом кандидата.

В третьей паре баллотировались Анис Басведан (бывший в течение непродолжительного времени министром культуры и образования в кабинете Джоко Видодо), и Сандаго Уно при поддержке оппозиционных партий Движение за великую Индонезии (индонезийское сокращение Гериндра) во главе с бывшим зятем президента Сухарто генералом в отставке Прабово Субианто, командовавшим до 1998 г. войсками специального назначения, и мусульманской Партии справедливости и процветания. В 2014 г. П. Субианто был соперником Джоко Видодо на президентских выборах, уступив ему всего несколько процентов голосов, и по распространенному мнению теперь добивался победы своего кандидата в Джакарте, видя в этом шаг к собственному успеху на президентских выборах в 2019 г. До 2014 г. Ахок был членом Гериндра, но вышел из партии, заняв пост губернатора.

При прочих равных условиях наиболее благоприятные перспективы были у Ахока, которого по данным опросов в начале сентября 2016 г. поддерживали 90% будущих избирателей. Его соперники использовали этнические и религиозные предрассудки с упором на то, что мусульманин не должен голосовать за иноверца. Против Ахока агитировали муллы в мечетях, утверждая, что тех, кто проголосует за него, следует считать неверными. Выступая в одном из районов Джакарты 27

сентября 2016 г. в одном из районов столицы, Ахок призвал присутствовавших не поддаваться тем, кто их одурачивает ссылками на 51-й стих пятой суры Корана: «О, вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они – друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам один из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных» (перевод И.Ю.Крачковского). Противники Ахока использовали слово «одурачивание» обвинив его в богохульстве. Самую активную роль в развертывании кампании против Ахока по обвинению в оскорблении Корана играл Фронт защитников ислама, во главе которого стоял Хабиб Ризик Шихаб. По некоторым данным, в свое время у истоков существования Фронта стояли военные спецслужбы, намеревавшиеся использовать радикалов для противодействия реформаторским тенденциям в политике президентов Б.Ю.Хабиби и, особенно, А.Вахида[1]. Как нередко бывает, в какой-то момент детище вырвалось из-под контроля военных и вскоре у Фронта возникли противоречия с правоохранительными органами, которые, однако, не шли на решительные меры, хотя уже в 2013 г. звучали настоятельные призывы к правительству распустить ФЗИ как проводящего политику, противоречащую идеологии и курсу государства. Для политического стиля Х.Ризика характерен эпизод в апреле 2016 г., когда он обвинил главу Партии народной совести, будущего министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности генерала в отставке Виранто в том, что он «лижет задницы китайцам» и изменил национальной идеологии. Виранто отказался от его судебного преследования, заявив, что не хочет становиться на одну доску с безумцем[2], но примечательно, что правоохранительные органы не вмешались, хотя налицо было разжигание расово-этнической ненависти.

Фронт защитников ислама еще в 2012 г. выступал против избрания Ахока на пост вице-губернатора как иноверца и теперь потребовал привлечь его к уголовной ответственности за богохульство. В предвидении обострения ситуации в стране президент Д. Видодо 1 ноября встретился с руководителями Совета улемов Индонезии и крупнейших мусульманских организаций Мухаммадья и Нахдатул Улама. В той части беседы, которая стала достоянием гласности, президент призвал му-

сульманских лидеров «занимать твердую позицию, не допускать противопоставления ислама и принадлежности к Индонезии, отстаивать индонезийскую самобытность»[3]. Позиция Д. Видодо отразила видение им противоречия между исламом как мировой наднациональной религии и индонезийским национализмом, воплощенным в принципах государственной идеологии Панча сила и государственном девизе «Единство в многообразии».

Инициатором и организатором назначенной на 4 ноября 2016 г. массовой демонстрации с требованием суда над Ахоком выступило Национальное движение в защиту фетв, выносимых Советом улемов Индонезии (Gerakan Nasional Pembela Fatwa MUI), во главе все с тем же Х. Ризиком. Лидеры системных мусульманских организаций Нахдатул улама и Мухаммадья заявили, что не поощряют своих сторонников к участию в демонстрации, Председатель НУ Саид Акил Сирадж заявил, что запрещает ее членам участвовать в акции и использовать ее символы[4].

Генсек Мухаммадьи Мути заявил, что участие в демонстрации является правом каждого гражданина, но символы организации не должны присутствовать. Спикер парламента Аде Камаруддин призвал партийные элиты не участвовать в акции. В то же время лидеры партии Гериндра Фадли Зон, он же вице-спикер парламента, и Партии справедливости и процветания Фахри Хамза (также вице-спикер), которые на выборах поддерживали дуумвират Анис Басведан - Сандиага Уно, заявили, что примут участие в шествии, и это дало основание прессе предположить, что кампания против Ахока имеет одной из основных целей снизить его шансы на избрание. В поддержку демонстрации выступил Прабово Субианто. Министр внутренних дел Чахьо Кумоло предположил, что кое-кто надеется на волне демонстраций стать президентом[5].

Четвертого ноября 2016 г. в центре столицы состоялась демонстрация исламистов с участием нескольких сотен тысяч человек. Среди их были, в частности, представители руководства Партии национального мандата, Партии единства и развития и Партии национального возрождения. В ходе акции прозвучали антиправительственные мотивы. Фахри Хамза заявил,

что есть два способа сместить президента - через формальный парламент и через уличный парламент. Из толпы послышались крики «Долой президента!»[6].

Представителей демонстрантов по поручению Д.Видодо принял министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности Виранто. Присутствовали министр по делам религий, главком вооруженных сил, начальник государственной полиции и другие высшие чиновники. Как было заявлено, президент в это время знакомился с ходом строительства шоссе в районе столичного аэропорта. После 20-минутной встречи Виранто заявил, что есть точки соприкосновения, и выразил надежду, что не будет излишнего упорства и противостояния между властью и демонстрантами[7].

Президент как бы пошел навстречу требованиям демонстрантов, приказав полиции возбудить против Ахока уголовное дело по обвинению в богохульстве. Но почти сразу он заявил, что за демонстрантами стоят политические игроки со своекорыстными интересами[8], воздержавшись от конкретизации, несмотря на требования участников акции. Фадли Зон обвинил его в том, что он действует в стиле прежнего режима, когда говорит об игроках за спинами демонстрантов[9]. Другой вице-спикер Фахри Хамза предложил Джоко Видодо разъяснить свои слова и утверждал, что скорее президента используют в своих интересах лица в его окружении, замешанные в преступлениях и коррупции. «Тот, кто сеет ветер, пожнет бурю»[10]. Председатель Совета улемов Индонезии Дин Шамсуддин высказался в том смысле, что президент пытается отвлечь внимание от требования о суде над губернатором Джакарты[11]. Но не последовало столь же наступательных заявлений в поддержку президента со стороны лояльных ему партий.

В этих условиях Д.Видодо счел необходимым апеллировать к военным. В течение 10-12 дней он побывал и выступил в главном штабе сухопутных войск, главном штабе полиции, в штабе войск особого назначения, в штабе корпуса морской пехоты, мобильной бригады полиции и др. В штабе сухопутных войск (наиболее политизированный вид вооруженных сил) он призвал сохранять сплоченность армии и полиции, которая проявилась в последние дни (между ними были существенные

трения – А.Д.). Он выразил уверенность, что если армия и полиция будут едины, они смогут сплотить в Индонезии расы, этносы и религиозные общины, столь различающиеся между собой, чтобы воплотить в жизнь идеалы независимости. «Станьте орудием единения, - призвал он военных и полицейских, - не колеблясь, действуйте в интересах единства государства». Он приказал нетерпимо относиться к движениям, направленным на раскол нации, на стравливание людей между собой путем политических провокаций. В другом случае он сказал, что в чрезвычайных условиях без колебаний использует войска спецназа[12]. Обратим внимание, что армия и полиция обозначены им как самодовлеющие институты, способные автономно, своими силами обеспечить целостность страны. На встрече с лидерами Мухаммадьи президент сказал, что не будет защищать Ахока, предоставив все юридическому процессу[13].

Генералы четко восприняли ситуацию. Главком вооруженных сил генерал Гатот Нурмантьо 6 ноября встретился с мусульманскими священнослужителями из разных районов страны. Высоко оценив роль духовенства в ходе демонстраций, он просил их молиться за то, чтобы индонезийская армия наращивала свои силы во имя защиты нации, общества, сохранения любимого отечества. Восемнадцатого ноября начальник полиции генерал Тито Карнавиан посетил штаб-квартиру Совета улемов Индонезии. Он сказал, что отдал распоряжение всем структурам полиции на всех уровнях установить более интенсивные отношения с массовыми мусульманскими организациями[14]. Армия, а вместе с ней полиция, опять выступили как главный, если не единственный, реально действующий государственный институт.

В этой напряженной ситуации неожиданно распространились слухи, что президент намерен сместить генерала Нурмантьо с его поста. Встревоженный Д. Видодо приказал начальнику государственной полиции найти источник этих слухов и дал самую высокую оценку военачальнику. В свою очередь генерал заявил, что верен присяге и скорее готов быть принесенным в жертву, чем стать президентом. Впрочем, в октябре 2017 г., отвечая на вопрос, намерен ли он после ухода на

пенсию баллотироваться в 2019 г. на президентских выборах, генерал ответил, что готов служить стране в любом качестве[15].

Возможно, что для этой провокации были использованы сложности, которые возникли в начале 2016 г. между властью и военными в связи с трагическим наследием 1965-1966 гг. После того, как в Джакарте прошел симпозиум, пришедший к выводу, что необходимо достичь взаимопонимания и примирения с пострадавшими от террора, отставные генералы с участием радикальных исламистов провели свой симпозиум, на котором отвергли возможность компромисса по этой проблеме и осудили демократические реформы в Индонезии после 1998 г. Поскольку президент с оговорками выступал за поиск компромисса, военные (генералы в Индонезии по своему духу отставными не бывают) противопоставили свою позицию мнению главы государства. Борьба вокруг Ахока отодвинула эту проблему на второй-третий план, и от этого выиграла армия. Пересмотр оценки тех событий мог повести к пересмотру ее роли, делегитимации режима «нового порядка» как детища государственного переворота, совершенного военными на волне правого террора в 1966-1967 гг.

Демонстрации 4 ноября сопровождались проявлением латентных антикитайских настроений в низах общества, которые, как мы видели выше, разжигались исламистами. На окраинах Джакарты имели место погромы торговых точек, принадлежащих этническим китайцам. Газета «Джакарта пост» писала 7 декабря 2016 г.: «Нам нравилось думать, что мы плюралистическое общество, нация, базирующаяся на принципах, стоящих выше различий по цвету кожи, этнической и религиозной принадлежности. Мы, индонезийцы, верили, что следуем идее “единство в многообразии”. В пятницу мы обнаружили весьма неприятную реальность, что очень недалеко ушли от нативизма и трайбализма. Четвертое ноября открыло некоторые из самых отвратительных сторон нашей политики, когда цвет кожи, этническая принадлежность и вероисповедание стали оружием для нападок на политических оппонентов. Мы слишком долго полагали (и были счастливы), что движение против Ахока и группировки в нашей стране, ответственные за нетерпимость и насилие, - всего лишь мелочь, не играющая существенной роли

в политике. Оказалось, что мы неправы. Эти группировки сейчас держат ключи к выборам губернатора в Джакарте и, возможно, к успеху или провалу нашего демократического эксперимента. Лидеры системных политических и религиозных организаций оторвались от социальных и политических реалий. Они недооценили роль малых организаций вроде ФЗИ»[16]. Газета несколько преувеличила степень антикитайских настроений и акций в стране в те критические дни - они были несопоставимы с размахом погромов в 1998 г. Последующие события в принципе не подтвердили столь панической оценки, но причины для тревоги были, и пресса призвала общественность к осознанию опасности.

Военные сочли, что в акции 4 ноября исламисты вышли за допустимые рамки. Министр обороны генерал Р. Рьякуду призвал всех уважать главу государства: «Если кто-то будет выступать против президента, я стану на его защиту». Он заявил, что между президентом и главкомом вооруженных сил прекрасные отношения[17]. В другом случае он сказал: «Протестные акции или демонстрации, когда предполагается оскорбление религии, – право каждого гражданина страны. Однако эти акции не должны использоваться в политических интересах. Если акции в защиту Корана, который, как считают, оскорбил Ахок, подчинены политическим интересам, то они неуместны. Религия – абсолютная истина, а политика – мысли и предположения человека. Политика может быть ошибочной, а религия – нет. Поэтому отличайте религию от политики»[18].

Главком вооруженных сил г.Нурмантьо заявил, что армия будет авангардом в деле сохранения единства в многообразии и выступит против любой силы, которая вознамерится нарушить единство и сплоченность нации. «Армия не делится перегородками по этническому, религиозному или социальному признакам и нетерпима к движениям, пытающимся расколоть нацию на почве политизации этнических, религиозных, расовых или социальных различий. Наша армия стоит над всеми слоями общества, объединяя этносы, религии и расы в осуществлении идеалов независимости и всегда будет силой, сплачивающей общество в его многообразии и охраняющей единство Индонезии». Он указал, что за пределами страны кое-кто завидует по-

ложению в стране, где различия не приводят к подрыву безопасности. Кроме того положительный рост индонезийской экономики на фоне замедления роста экономики во всем мире, изобилие природных ресурсов превращают страну в объект посягательств с различных сторон. г.Нурмантьо провел параллель между этими посягательствами и событиями в Ливии, Ираке и Сирии[19].

Эта обширная цитата, не единственная в этом роде, содержит концепцию позиционирования армии как высшего, если не единственного оплота и гаранта национального единства и целостности страны. События 4 ноября дали для этого свежий опыт. Заметим, что среди идеалов, которые намерена отстаивать армия, не упомянута конституция – военная элита недовольна поправками, внесенными в основной закон. Примечательно также, что в ряду угроз, стоящих перед страной и защитой от которых служит армия, фигурируют внешние вызовы. Ссылка на Ливию, Ирак и Сирию дает достаточное представление о том, откуда исходят эти угрозы, в особенности, в увязке с посягательствами извне на природные богатства Индонезии.

Наконец, выступая 19 ноября на совместном молебне, организованном на базе ВВС в Медане для военнослужащих, улемов и гражданского населения г.Нурмантьо заявил, что вооруженные силы готовы к джихаду в защиту унитарного государства Республики Индонезии. Тех, кто вознамерится разрушить это государство, мы будем считать людьми вне религии, и им придется иметь дело с армией, полицией и индонезийским обществом[20].

В середине ноября 2016 г. начальник государственной полиции генерал Тито Карнавиан сообщил о создании на местах структуры органов по изучению источников конфликтных ситуаций. В состав этих органов должны войти представители военных районов, полицейских округов и районов, а также Форума единства религиозных общин (Forum Kerukunan Umat Beragama). Задача новой структуры - предотвращать конфликты в плюралистическом обществе. По мнению генерала, нынешняя чрезмерная свобода порождает уязвимость общество, создает ситуацию, когда одна группировка может навязывать свою волю другим. «Поэтому нужен механизм контроля, спо-

собный смягчать возможности конфликтов, начиная с самых малых ячеек общества»[21]. Армия и полиция вновь позиционировали себя как координаторы политической деятельности на местах, формально не имея на это полномочий.

Видимо президент почувствовал, что силовые структуры забрали слишком много инициативы, как и радикальные исламисты, и решил, что ему целесообразно играть более активную роль. Он неожиданно принял участие в массовом молебне в центре столицы 2 декабря 2016 г., посвященном защите ислама. И хотя радикалы упорствовали в требовании арестовать Ахока по подозрению в тяжком преступлении, напряженность удалось снизить, как снизилась и тональность выступлений исламистов.

Одновременно произошло событие, которое до сих пор не получило достаточно внятного развития. Представитель полиции сообщил о задержании 11 человек по подозрению в намерении использовать митинг 2 декабря для совершения государственного переворота. Задержанные, среди которых были два отставных генерала и Рахмавати Сукарнопутри, дочь первого президента страны, сестра Мегавати Сукарнопутри, четвертого главы государства, якобы намеревались призвать участников митинга двинуться к зданию парламента, потребовать созыва чрезвычайной сессии Народного консультативного конгресса и отмены поправок, внесенных в основной закон страны после 1998 г.

Примечательно, что комментируя арест двух генералов, представитель вооруженных сил трактовал его как доказательство, что слухи об антиправительственном заговоре в армии являются фальшивкой[22]. Но слухи, видимо, были достаточно упорными, поскольку через несколько дней начальник информационного центра вооруженных сил генерал-майор Вурьянто счел нужным опровергнуть опубликованный в информационных сетях материал о намерении генерала г.Нурмантьо захватить власть[23]. В свою очередь Р.Сукарнопутри отвергла обвинения в заговоре против правительства и утверждала, что она и ее сторонники хотели потребовать лишь возвращения к первоначальному тексту Конституции 1945 г.[24].

Как показывали опросы общественного мнения, Д. Видодо сохранял высокий уровень популярности, несмотря на слухи, что он вмешивается в дело Ахока в пользу подследственного. Опросы показали, что доверием пользуются также армия, Комиссия по борьбе с коррупцией и Генеральная прокуратура[25]. Вот некоторые данные, характеризующие состояние и динамику общественного мнения в Джакарте на фоне массовых демонстраций, проводившихся радикальными исламистами. Опрос 22-28 ноября, показал, что демонстрацию 4 ноября одобрили 42,9% опрошенных, но участвовали в ней лишь 1,4%. При этом 40,7% считали, что демонстрацию используют определенные круги с целью повлиять на исход губернаторских выборов. Хотя 45,2% были согласны, что Ахок оскорбил Коран, 85,5% не смогли воспроизвести его слова. Глава фонда, производившего опрос, Сайфул Мульяни считает, что акция 4 ноября отразила социальную напряженность, а проблема богохульства стала лишь предлогом[26]. Другой опрос показал, что в ноябре 2016 г. 62% респондентов считали, что Ахок оскорбил ислам, а 3-12 декабря только 54%[27].

В середине ноября активисты Мухаммадьи, второй по численности мусульманской организации страны, образовали группу «Волонтеры солнца», поддержавшую кандидатуру Ахока на пост губернатора. Лидер «солнечной» организации Суприяди Джае указал на его существенные заслуги в развитии городской инфраструктуры и образования, выступил против политизации религиозной проблематики в ходе выборной кампании. Еще раньше аналогичную организацию под названием «Волонтеры архипелага» (вариант «Волонтеры отечества»), выступившей с тех же позиций, создали активисты крупнейшей мусульманской организации Нахдатул Улама[28]. Молодые мусульманские священнослужители провели дискуссионный форум и пришли к выводу, что вероисповедание не должно быть главным критерием при избрании на руководящие посты[29].

Я.Холил, лидер примыкающей к Нахдатул Улама молодежной организации Ансор, выразил озабоченность обострением религиозной ситуации. Имели место случаи отказов в совершении мусульманских обрядов над умершими, которые ранее голосовали за Ахока. Он сказал, что членам Ансора пору-

чено совершать обряды в подобных случаях, и заявил: «Мы исходим из того, что нужен лидер, который принесет пользу обществу, и не принимает во внимание этническую или расовую принадлежность. Важно, чтобы человек мог приносить пользу для уммы»[30].

В правительственной коалиции не было единства. В мусульманской Партии единства и развития, например, признанная правительством фракция во главе с Ромахурмузи еще в октябре выступила в поддержку Агуса Юдойоно, тогда как оппозиционная группировка была на стороне Ахока. Ее глава Джан Фаридз высоко оценил заслуги Ахока, в том числе и перед мусульманской общиной столицы – содействие в строительстве мечетей, отправке паломников в Мекку[31].

В Джакарте было распространено мнение, что исламская по духу кампания против Ахока имела целью подорвать его шансы на избрание на пост губернатора. Вместе с тем, ее последствия далеко вышли за пределы столицы и нанесли существенный ущерб политическому ландшафту всей страны, в особенности, когда демонстрации начали использоваться для подрыва позиций правительства Джоко Видодо. Видный деятель партии Голкар Агунг Лаксоно говорил: «Необходима большая синхронизация действий правительства и партий правительственной коалиции. Когда начались шествия, нам недоставало координации. Где были правительственные партии?»[32]. Его слова отразили серьезную слабость политической ситуации в Индонезии – отсутствие должной инициативы у сторонников конституционного порядка и демократических реформ.

Новую демонстрацию радикалы намечали на 11 февраля 2017 г., но джакартская полиция запретила ее, ссылаясь на «неделю тишины» в связи с предстоявшими 15 февраля выборами губернатора. Исламисты вначале намеревались игнорировать запрет, однако затем было решено отказаться от шествия и ограничиться молитвой в центральной мечети города. Несколько изменилась тональность выступлений лидеров радикалов. Один из них Бахтиар Насир заявил, что правительство не является врагом мусульман и не следует допускать, чтобы верующих стравливали с властью. Выступая в мечети 11 февраля, он задал риторический вопрос «Хотите ли вы, чтобы Индонезия

оказалась расколотой, как Сирия?» и призвал к сохранению единства. Х. Ризик тоже призвал мусульман не допускать, чтобы их противопоставляли правительству. В то же время он заявил, что в акциях против Ахока они не отступят, поскольку у них нет иной цели, как обрести благословение Аллаха. Его тональность несколько снизилась - еще в октябре 2016 г. он грозил, что его сторонники захватят мэрию и даже президентский дворец, если Ахок не будет взят под стражу[33].

Участники демонстраций, организованных исламскими радикалами, отмечали падение интереса общественности к этим акциям. В частности, демонстрация 31 марта привлекла значительно меньше участников, чем предыдущие. Нахдатул Улама, Мухаммадья и Совет улемов Индонезии выступили против проведения этой акции. Ранее эти организации заявили, что занимают нейтральную позицию в вопросе о выборах в Джакарте и никогда не запрещали своим сторонников голосовать за немусульман[34].

К этому времени прошел первый раунд губернаторских выборов (15 февраля), где тандем Ахок-Джарот получил 2,4 млн. голосов (43%) против 2,2 млн. (40%) у их ближайших соперников Анис-Басведан.

Позиция Совета улемов Индонезии была двойственной. Формально выступая за взаимопонимание между властью и участниками акций, Совет устами своего председателя Маруфа Амина высоко оценил деятельность радикалов из Национального движения в защиту фетв, выносимых Советом улемов. Он назвал это движение, возглавляемое, кстати, тем же Х. Ризиком, единственным в своем роде, но в то же время оговорился, что главная задача Совета улемов стать объединением всех массовых мусульманских организаций Индонезии – укрощать излишне жестких, укреплять тех, кто излишне мягок, выводя всех на средний путь[35].

Акции радикалов проходили под неизменным требованием суда над Ахоком за богохульство и его немедленного ареста. Прокуратура возбудила соответствующее дело, но не подвергла его аресту. Ахок, хотя и категорически отвергал обвинения в богохульстве, заметил: «Горжусь тем, что меня, во всяком случае, не подозревают в коррупции»[36]. Следствие, а затем и су-

дебный процесс проходили в условиях непрестанного давления со стороны исламистов. По просьбе Ахока следствие пригласило в качестве эксперта египетского богослова Шейха Амира Вардани для истолкования 51 стиха пятой суры Корана (он толкует ее таким образом, что не-мусульманам дозволено руководить мусульманами). Фронт защитников ислама выступил против приезда шейха, ссылаясь на то, что его участие оскорбляет чувства верующих и направлено на раскол в рядах мусульман[37]. Лидерам ФЗИ не пришло в голову, что констатируя угрозу раскола, они поставили тем самым под сомнение истинность собственной позиции. Когда шейх прибыл в Джакарту, посольство Египта сообщило ему, что получило письмо от Совета улемов Индонезии, в котором говорилось, что его участие в процессе будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела страны, может иметь своим следствием разжигание конфликтов в Индонезии и нанесет ущерб межгосударственным отношениям двух стран. По настоянию посольства шейх Вардани вылетел на родину, сославшись на болезнь своего брата[38].

Среди местных экспертов не было единодушия Видный политолог Гунаван Мохамад в своих показаниях суду указал: «Ахок не оскорблял ислам, но это обвинение повторяется изо дня в день, напоминая пропаганду германских нацистов». Он подчеркнул, что границы закона о наказаниях за богохульство размыты и не обозначено точно, когда наступает нарушение этого закона и кто выступает от имени оскорбленной религии[39].

Эксперт Хамка Хак справедливо указывал, что в индонезийском государстве, основанном на идеологии Панча сила, суры Корана действительны лишь поскольку они облечены в форму закона. Когда говорят «не обманывай с использованием стиха 51 пятой суры», это всего лишь значит, что на губернаторских выборах эти положения не действуют[40].

Представлявший организацию Мухаммадья Юнахар Идбяс заявил на процессе, что запрещение избирать на руководящие посты лиц иной веры неправомерно, потому что индонезийское государство не основывается непосредственно на Коране или хадисах[41]. Из руководства Совета улемов Индонезии был выведен Ахмад Исхомуддин, который, выступая в суде,

сказал, что данный стих пятой суры Корана более не действителен. Председатель правовой комиссии СУИ Антон Табах Дигдойо в этой связи заявил, что Коран будет действовать вечно, инакомыслящим уготовано место в аду. Никому не дано право произвольно толковать Коран. В другом случае он утверждал, что призыв к мусульманам голосовать на выборах только за своего единоверца не есть проявление нетерпимости и радикализма, поскольку именно таково веление Аллаха, изложенное в Коране Он сослался на статью 29 (п.1) Конституции, в которой говорится, что индонезийское государство основывается на вере в единого всемогущего Бога. А дальше идет следующее рассуждение: «Веление Аллаха совершенно определенно – тот, кто считает Иисуса своим Богом – неверный, тот, кто верит в Троицу – неверный, смотри пятую суру Корана, стихи 72, 73 и 75. Не мусульмане решают, кто именно является неверным и не надо обвинять их в нетерпимости и радикализме»[42]. Характерно, что суд привлек Х. Ризика в качестве одного из экспертов, хотя он не мог выступать в этом качестве, поскольку дело против Ахока было возбуждено по его требованию.

Это было откровенное противопоставление Ислама государственной идеологии, государственному девизу «Единство в многообразии». Объявление безбожниками всех немусульман грубо нарушало индонезийское законодательство, признающее шесть религий – ислам, католицизм, протестантизм, буддизм, индуизм и конфуцианство и де-факто традиционные верования. Примечательна была терпимость власти к подобным попыткам подрыва государственной идеологии, хотя в других случаях, даже вполне невинных, ее реакция не всегда бывает соразмерной.

Когда исламисты начали готовить акцию, назначенную на 5 мая, с требованием более сурового наказания для Ахока, чем запросило обвинение, глава Консультативного совета СУИ Дин Шамсуддин выступил в поддержку этого требования, утверждая, что если поноситель религии останется на свободе, принцип многообразия нации будет подорван[43]. СУИ поручил Х. Ризику выступить на процессе в качестве эксперта по вопросам религии. И это притом, что он в свое время отбыл два тюремных срока за разжигание ненависти на религиозной почве.

Кроме того, он в то же время находился в статусе подозреваемого в эпизодах оскорбления христианской религии, а также государственных символов и идеологии[44].

Обвинение не нашло в высказывании Ахока поношения религии, сочтя, что он виновен лишь в возбуждении враждебности и ненависти по отношению к определенной группе населения и потребовало условного тюремного заключения сроком на один год с испытательным сроком в два года. Однако судейская коллегия нашла его виновным в поношении религии и приговорила к двум годам тюремного заключения с взятием под стражу в зале суда. Этот приговор, оказавшийся значительно более тяжелым, чем требование обвинения (большая редкость в юриспруденции), разделил общественное мнение. Ранее вице-спикер парламента Фадли Зон обвинил генерального прокурора Прасетьо в том, что предложенное обвинением легкое наказание продиктовано политическими соображениями и тем, что сам он – выходец из политической партии[45]. Пикантность его высказыванию придавал тот факт, что сам Фадли Зон принадлежит к партии Движение за Великую Индонезию (Гериндра), поддерживавшей на выборах противника Ахока. Генеральный председатель Союза адвокатов-мусульман Абдулла Ал Катири призвал генерального прокурора привлечь к ответственности сотрудников прокуратуры за то, что они переквалифицировали в пользу подсудимого некоторые пункты обвинения[46]. Национальное движение в защиту фетв Совета улемов Индонезии выразило разочарование – ожидали тюремного срока в пять лет[47]. Генсек Мухаммадьи Абдул Мути назвал вердикт суда справедливым и элегантным[48]. Одобрили обвинительный приговор лидеры Партии справедливости и процветания, блокирующейся с Гериндрой[49].

Но критика решения суда была более впечатляющей. Руководитель правозащитной Организации «Институт Сетара» Хендарди назвал процесс судом толпы, несущим угрозу индонезийской демократии. По его мнению, судейская коллегия поставила на первое место сохранение общественного спокойствия, а не права гражданина. «Источником легитимности вместо суверенитета народа, как это заложено в Конституции 1945 г., стал суверенитет толпы с пренебрежением принципами

правового государства»[50]. Мусульманская молодежная организация Ансор выступила за право Ахока на апелляцию, решение по которой должно быть принято беспристрастно и свободно от всякого давления[51]. (В июне Ахок отказался от апелляции, чтобы избежать роста напряженности в стране). В ряде городов прошли демонстрации в поддержку осужденного. С критикой приговора выступил ряд известных деятелей культуры и журналистов. Известный эксперт по проблемам Юго-Восточной Азии Сидни Джонс заявила: «Ахок был оклеветан и объявлен виновным до суда, подвергся сомнительному юридическому процессу, а теперь взят под стражу. И это называется государством с верховенством закона?»[52].

Акции в поддержку Ахока прошли на острове Биак в провинции Папуа, где местные жители, преимущественно христиане, зажгли тысячи свечей в знак солидарности с осужденным[53]. Примечательно выступление по этому поводу вице-спикера Народного консультативного конгресса Хидайята Нур Вахида Он осудил эти акции, посетовав, что полиция попустительствовала их участникам – если митинг исламистов был прекращен в 18 часов, то возжигание свечей продолжалось до двух часов ночи[54] – примечательная деталь, характеризующая настроения в силовых структурах.

Выступления в поддержку Ахока провели индонезийские общины в Нидерландах, ФРГ, Швейцарии, Финляндии, Франции, Австралии[55].

Президент Джоко Видодо призвал уважать приговор суда и право приговоренного на апелляцию, указав, что это один из принципов правового государства[56]. Реакцию общественности отчасти отражает о высказывание одного студента: «Зачем нам поддерживать Джоко Видодо в 2019 году? У него даже не хватило мужества заставить толпы исламистов уважать закон»[57]. Характерная реакция – виновата власть, а не общественность, пассивно взиравшая на разгул исламистов.

Приговор Ахоку был вынесен почти через месяц после того, как 15 апреля он уступил на выборах своему сопернику. Показательна реакция части джакартской общественности на его поражение. К офису губернатора столица были доставлены тысячи венков и букетов в знак симпатии и солидарности с ним.

Но не менее важно, что венки и букеты доставлялись и к президентскому дворцу и, что весьма показательно, к штабам государственной полиции, столичного полицейского управления и штабу вооруженных сил. Надписи на венках гласили: «Мы готовы поддержать армию и полицию в искоренении радикализма и сохранении целостности унитарного государства Республики Индонезии». «Спасти единое индонезийское государство, обуздать радикализм». Некоторые надписи содержали требование распустить Фронт защитников ислама и арестовать его лидера[58]. В глазах обывателя, даже демократически настроенного, армия и полиция выступают как главные орудия защиты государства от угроз, возникающих в результате сугубо внутренних процессов.

События подтвердили слова Джоко Видодо, что за спинами исламских демонстрантов стояли политические акторы. Вице-спикер парламента Фадли Зон использовал свое положение для поддержки радикалов, требовавших санкций против Ахока. Фактически же этот видный деятель партии Гериндра действовал в интересах кандидатов, которых поддерживала на выборах эта партия. Заместитель генерального председателя Гериндра Ариф Пойоно говорил, что выборы в провинциях Явы, включая Джакарту, должны проложить путь к победе на парламентских и президентских выборах 2019 г., на которых будет выступать Прабово Субианто[59].

После победы в Джакарте Аниса Басведана был устроен благодарственный молебен в центральной мечети столицы, где выступил Прабово Субианто. Он выразил особую благодарность лидеру ФЗИ Х. Ризику. «Хабиб и мусульманское сообщество в целом вместе с нами боролись за интересы индонезийского народа, в защиту справедливости, за спасение индонезийской демократии и будущее страны». Как говорилось выше, речь шла о человеке, который неоднократно привлекался к ответственности за исламистский радикализм, в момент молебна находился под следствием по ряду аналогичных эпизодов, а через несколько дней будет объявлен в розыск по подозрению в распространении в сетях диалога порнографического содержания. Примечательно различие, которое П.Субианто провел между политиками и священнослужителями, указав, что пер-

вые слишком расчетливы в оказании поддержки и это отличает их от духовных лиц[60].

Вполне вероятно П.Субианто не откажется от привлечения радикальных исламистов к своей избирательной кампании в 2019 г. Возможно, в этом свете следует рассматривать поведение вице-президента Ю.Калла, который выступал в поддержку Аниса Басведана в отличие от президента, не скрывавшего симпатий к Ахоку. По словам спикера Народного консультативного конгресса Зулкифли Хасана, именно Ю.Калла предложил П. Субианто выдвинуть кандидатуру Аниса Басведана на пост губернатора столицы[61]. Вскоре вице-президент окажется в центре скандала в результате своего заявления о непропорциональной роли китайского меньшинства в индонезийской экономике. Оправдываясь от обвинений в расизме, он упирал на то, что в числе его друзей немало китайских предпринимателей[62]. В целом его поведение напоминает модель 2009 г., когда будучи вице-президентом при Сусило Б. Юдойоно, он выступил против него на президентских выборах и проиграл. Позже Ю.Калла будет довольно сочувственно выступать по отношению к Х. Ризику, укрывшемуся от преследований заграницей, но даст весьма сбивчивые объяснения, почему он участвовал в выдвижении кандидатуры Аниса Басведана, сославшись на то, что этот последний был когда-то очень близок к Д. Видодо[63]. В СМИ сообщалось, что в связи с уголовным делом, возбужденным по обвинению в коррупции против лидера партии Голкар Сетиа Новантo, Ю.Калла продвигал на этот пост дочь бывшего президента Сухарто Сити Хедиати. В случае смены руководства и ориентации Голкара Джоко Видодо утратил бы большинство (62% мандатов), которое его кабинет имел в парламенте[64].

Для политических позиций П. Субианто характерен эпизод 11 марта 2017 г., когда в одной из столичных мечетей состоялась церемония в связи с 51-й годовщиной передачи генералу Сухарто полномочий по управлению страной от действовавшего президента Сукарно. Мероприятие было организовано дочерью Сухарто Титик, заявившей, что это событие было важнейшей вехой на историческом пути Индонезии. Под руководством Сухарто, по ее словам, страна находилась на пороге

небывалого рывка в своем развитии, которому помешал кризис 1997-1998 гг. Она заявила, что реформы после 1998 г. не пошли на пользу стране, разрыв между богатыми и бедными стал глубже, а демократия развивается по либеральному образцу, не отражая восточных ценностей. Примечателен состав присутствовавших – П. Субианто, тогда еще кандидат на пост губернатора Джакарты Анис Басведан, вице-спикер парламента Фадли Зон, вице-спикер Народного консультативного конгресса Нур Вахид и лидер Фронта защитников ислама Х. Ризик[65].

Джоко Видодо, видимо, пришел к выводу, что ему следует занять более жесткую позицию по отношению к развивающимся событиям. Он встретился 16 мая 2017 г. с представителями всех религий, признанных в Индонезии, и заручился их поддержкой относительно мер правительства по предотвращению конфликтов в обществе, упрочению национального единства и государственной идеологии. Среди участников были главком вооруженных сил Гатот Нурмантьо и начальник полиции Тито Карнавиан. Выступая перед журналистами после встречи, президент сказал, что приказал обоим генералам принимать жесткие меры против всех, кто словом или делом наносит ущерб национальному единству[66].

Днем позже на встрече с редакторами ведущих национальных изданий президент обещал «вздуть» любую организацию, деятельность которой противоречит национальной идеологии. На вопрос, почему он употребил слово «вздуть», а не «надрать уши», президент сказал, что хотел продемонстрировать свою решимость[67]. Министр-координатор Лухут Панджаитан вскоре в одном из своих выступлений счел необходимым указать, что Джоко Видодо обладает весьма твердым характером и всегда умеет настоять на своем. Он указал, что слухи о конфликте между главой государства и вице-президентом лишены оснований[68]. К числу мер, предпринятых по отношению к крайним радикалам, было возбуждение уголовного дела против Х.Ризика по обвинению в распространении порнографического материала в сетях интернета, что побудило его бежать из страны под предлогом хаджа в Мекку. Его сторонники намеревались вывести массы на улицу, чтобы приветствовать своего лидера в случае возвращения в страну, но полиция призвала

общественность не поддаваться на провокации и пригрозила жесткими мерами участникам беспорядков[69], а сам Х.Ризик объявлен в розыск. Газета «Джакарта Пост», сообщая об этом 13 июня 2017 г., указывала, что против него ведется следствие и по другим эпизодам, и выражала надежду, что итогом станет роспуск Фронта защитников ислама.

Очередной поворот в своей политике совершил Совет улемов Индонезии, который в начале июня своей фетвой объявил запретным (харам) распространение заведомо ложной или клеветнической информации, возбуждение вражды и ненависти с использованием религиозных, этнических, расовых и социальных различий[70].

26 июня президент встретился с руководителями Движения в защиту фетв, выносимых СУИ, в ходе которой лидеры Движения сетовали на то, что в ходе выборной кампании имел место дефицит общения между демонстрантами и властями, и заверили, что участники демонстраций стремились оставаться «в коридоре демократии». Они жаловались также на то, что мусульман противопоставляют государственной идеологии и принципам унитарного государства. Президент поручил Виранто продолжить контакты с Движением для решения возникающих проблем[71].

Но правительство, всерьез встревоженное ходом выборной кампании, решило не ограничиваться политическими мерами. 10 июля 2017 г. президент подписал указ, определявший порядок роспуска общественных организаций. Поводом для роспуска стал широкий спектр нарушений, включавший акции, враждебные каким-либо этносам, религиям, расам или социальным группам, насильственные действия, нарушение общественного порядка, попытки принимать на себя функции, относящиеся к прерогативам правоохранительных органов (имелись в виду рейды, которые совершаются исламистами), проповедь сепаратизма, учений и воззрений, противоречащих государственной идеологии[72].

Вслед за этим 19 июля было опубликовано постановление о лишении организации Хизбут Тахрир Индонезия юридического статуса общественной организации. Вполне вероятно, что роспуск ХТИ был прежде всего предупреждением всем ради-

кальным исламистам. Д. Видодо, отвечая на вопрос, намерено ли правительство распустить еще какие-либо организации, сказал, что решения будут приниматься конкретно в каждом случае[73].

События, о которых говорилось выше, позволяют сделать некоторые выводы, характеризующие общую политическую обстановку в Индонезии. На первое место поставим рыхлость и известную бесхребетность правительственной коалиции. Дело не только в том, что некоторые партии, входящие в нее, фактически пошли против президента. Даже те, кто сохранил ему верность, в первую очередь Демократическая партия Индонезии (борющаяся) и Голкар, вели себя вяло, не сделали серьезных попыток перехватить инициативу у исламистов. В этих условиях - и это второй важнейший вывод, - на первом месте оказалась армия, которая стала вместе с полицией едва ли не единственной надежной опорой существующей власти. То обстоятельство, что за исламистами стояла партия Гериндра во главе с генералом П. Субианто, ничего не меняет – бывший зять президента Сухарто, всегда воспринимался в армии как выскочка, сделавший карьеру на выгодной женитьбе. Исламисты же воспринимаются как сила, угрожающая целостности Индонезии, а их цели несовместимы с самоидентификацией армии как главной общенациональной силы, стоящей над всеми слоями, этносами, группировками, верованиями в стране.

Вместе с тем, президент Джоко Видодо, видимо, хочет усилить роль гражданской составляющей в политическом процессе, В начале июня 2017 г. он сформировал Рабочую группа при Президенте Индонезии по развитию идеологии Панча сила во главе Мегавати Сукарнопутри. В состав группы вошли бывший вице-президентом при Сухарто отставной генерал Три Сутрисно, бывший председатель Конституционного суда Мухаммад Махмуд М.Д., ветераны организаций Нахдатул Улама и Мухаммадья, глава Совета улемов Индонезии, представители основных религий. Перед группой поставлена задача содействовать внедрению ценностей государственной идеологии в повседневную жизнь в единении с программами развития, включая борьбу с нищетой, выравнивание уровней благосостояния и др.[74]. Насколько успешной будет работа этой группы,

сейчас рано судить, особенно учитывая, что в нее вошли деятели, в основном придерживающиеся традиционных воззрений, однако, очевидно, что национальная идеология действительно нуждается в серьезном углублении и приведении в соответствие с современными реалиями и потребностями развития индонезийского общества. События в Джакарте веское, но не первое и не единственное тому подтверждение.

На наш взгляд, уровень религиозного фанатизма и расовой нетерпимости оказался ниже, чем ожидали исламисты, и накал демонстраций, начиная с 4 ноября 2016 г., развивался по нисходящей. Как показали опросы, несмотря на сложность и противоречивость ситуации, популярность Джоко Видодо росла. По итогам некоторых опросов он пользовался поддержкой 36,1% опрошенных в 2015 г., 41,9% в 2016 г. и 50,9% в 2017 г. Прабово Субианто получил соответственно 28%, 24,3% и 25,8%[75].

В мае 2018 г. продолжительность «эры реформ» в Индонезии будет насчитывать двадцать лет. Выборы в Джакарте и связанные с ними события стали одним из самых серьезных испытаний для процесса демократизации. Как это выглядит сейчас, в конце 2017 г., в целом страна успешно вышла из этого испытания, хотя, пока Ахок остается в тюрьме, даже предварительные выводы делать рано. Но самый главный вопрос заключается в том, будет ли усиливаться роль гражданского общества, или армия останется наиболее цельным и последовательным институтом в стране. Пока можно только осторожно говорить о позитивных тенденциях.

---

[1] См, в частности, Carool Kerstein. Islam in Indonesia. The Contest for Society. Ideas and Values. Oxford University Press. P.34.
[2] Pembaruan (Jakarta), 06.04.2016.
[3] Kompas.com. (Jakarta), 01.11.2016.
[4] The Jakarta Post, 01.11.2016.
[5] Ibid., Kompas.com., 02.11.2016.
[6] Suara Merdeka (Jakarta), 08.11.2016; The Jakarta Post, 10.11.2016.
[7] Antara News.com., 04.11.2016.
[8] The Straits Times (Singapore), 05.11.2016.

[9] Kompas.com. (Jakarta), 06.11.2016.
[10] Suara Merdeka, 06.11.2016.
[11] Republika.co.id. (Jakarta), 06.11.2016. Глава фракции Партии демократов в парламенте Эдди Баскоро Юдойоно опроверг слухи о том, что его отец, шестой президент Индонезии, стоял за спиной демонстрантов 4 ноября (Republika.co.id., 08.11.2016).
[12] Antara News.com., 07.11.2016; Suara Pembaruan, 10.11.2016.
[13] Republika.co.id., 08.11.2016.
[14] Republika.co.id., 06.11.2016; 18.11.2016.
[15] Suara Pembaruan (Jakarta), 09.11.2016; Republika.co.id., 09.11.2016, Republika.co.id., 06.10.2027.
[16] Цит. по: The Straits Times, 07.11.2016.
[17] Antara News.com., 11.11.2016.
[18] Suara Pembaruan, 11.11.2016.
[19] Ibid., 08.11.2017.
[20] Antara News.com., 19.11.2016.
[21] Ibid.
[22] Antara News.com., 06.12.2016.
[23] Republika.co.id., 08.12.2016.
[24] Antara News.com., 07.12.2016.
[25] The Jakarta Post, 10.12.2016.
[26] Republika.co.id., 08.12.2016, Suara Pembaruan, 08.12.2016.
[27] The Jakarta Post, 16.12.2016.
[28] The Jakarta Post, 13.11.2016.
[29] Antara News. com., 13.03.2017.
[30] Suara Merdeka, 11.03.2017.
[31] The Jakarta Post, 18.10.2016.
[32] The Jakarta Post, 14.11.2016.
[33] Republika.co.id., 11.02.2017; GATRAcom, 14.10.2016.
[34] The Jakarta Post, 01.04.2017; 14.10.2016.
[35] Republika.co.id., 14.12.2016.
[36] Suara Pembaruan, 16.11.2016.
[37] Republika.co.id., 14.11.2016.
[38] Ibid., 15.11.2016.
[39] Ibid., 25.04.2017.
[40] Ibid., 29.03.2017.
[41] Antara News.com., 21.02.2017.
[42] Ibid., 24.03.2017, 17.04.2017.
[43] Republika.co.id., 04.05.2017.
[44] Suara Merdeka, 25.02.2017, 28.02.2017.
[45] Gatra News, 28.04.2017.
[46] Republika.co.id., 15.05.2017.

[47] The Straits Times, 11.05.2017.
[48] Ibid.
[49] Republika.co.id., 09.05.2017.
[50] Suara merdeka, 09.05.2017.
[51] Ibid.
[52] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[53] Antara News, 14.05.2017.
[54] Suara Merdeka, 15.07.2017.
[55] Suara Merdeka, 15.07.2017.
[56] Republika.co.id., 09.05.2017.
[57] The Straits Times, 09.05.2017.
[58] The Jakarta Post, 04.05.2017.
[59] Suara Merdeka, 28.03.2017.
[60] The Jakarta Post, 20.04.2017.
[61] The Straits Times, 05.05.2017.
[62] Suara Pembaruan, 15.05.2017.
[63] Republika.co.id., 23.05.2017, Gatra News, 04.05.2017.
[64] Antara News, 04.05.2017.
[65] Republika.co.id., 11.03.2017, The Jakarta Post, 13.03.2017.
[66] Antara News, 16.05.2017.
[67] Ibid., 17.05.2017.
[68] The Jakarta Post, 22.05.2017.
[69] Antara News, 31.05.2017.
[70] Suara Merdeka, 07.06.2017.
[71] Gatra News, 26.06.2017
[72] Antara News, 14.07.2017.
[73] Suara Pembaruan, 19.07.2017.
[74] Suara Pembaruan, 07.06.2017.
[75] Suara Merdeka, 12.09.2017.

© ***Петрова О.Л.***
ИВ РАН

ОБЗОР ИНДОНЕЗИЙСКО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ за ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Последние годы оказались непростыми для индонезийско-китайских отношений. Из-за обострения ситуации в Южно-Китайском море отношения Индонезии и КНР приобрели противоречивую окраску.

Китай принимает активное участие в развитии инфраструктуры Индонезии. Во время визита в Пекин, в 2015 г., в Доме народных собраний китайскими и индонезийскими чиновниками в присутствии президента Индонезии и председателя КНР был подписан Меморандум о взаимопонимании. Правительства Республики Индонезии и Китайской Народной Республики договорились о сотрудничестве в нескольких областях. Президент Индонезии Джоко Видодо тогда сказал: «Мы разрабатываем план действий на ближайшие пять лет и конкретные шаги, которые принесут пользу обоим сторонам»[1]. Сотрудничество будет осуществляться между Министерством по экономическим вопросам РИ; Министерством государственных предприятий РИ и Комитетом развития и реформ КНР в осуществлении проекта скоростной железной дороги Джакарта-Бандунг; между Национальным агентством поиска и спасения РИ и Министерством транспорта КНР, а также между Правительствами КНР и Индонезии о предотвращении двойного налогообложения; о сотрудничестве в космосе (2015-2020 гг.) между индонезийским Национальным космическим институтом и Национальным космическим управлением КНР; между Министерством государственных предприятий Индонезии и Банком развития Китая. Кроме того, страны вместе займутся такими вопросами, как искоренение коррупции и повышение благосостояния и качества жизни в обеих странах.

Хотя Индонезия имеет свои сложности в отношениях с Китаем, особенно в том, что касается прав на рыбный промысел в водах архипелага Натуна, о чем мы подробно говорили в

статье «Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений» (сборник «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» Выпуск XXXI, 2016 г.), на экономические отношения это почти не повлияло. Индонезия продолжает активно привлекать инвесторов из всех стран, включая Китай.

Во время визита Д. Видодо в Китай (пятый менее чем за два года) в связи с саммитом G-20 в Ханчжоу в начале сентября 2016 г., обсуждался ряд совместных проектов в сфере туризма, инфраструктуры, электроники и инвестиций. На форуме присутствовало около 1000 крупнейших китайских бизнесменов. Тем самым, Индонезия стремится обезопасить себя за счёт присутствия Китая на своей территории, ставя на то, что Китай, имея экономический интерес, не будет затевать серьезных споров с Индонезией, в том числе территориальных.

В апреле 2016 г. в Пекине состоялась встреча тогдашнего министра-координатора по вопросам политики, юстиции и безопасности Индонезии Лухута Бинсара Панджаитана и министра иностранных дел КНР Ян Цзечи. На встрече обсуждалась ситуация в Южно-Китайском море, и обе стороны подтвердили намерения уважать суверенитет друг друга. Стороны продолжат укреплять двусторонние отношения и сотрудничество в различных областях, таких как сельское хозяйство, морская сфера, оборона и оборонная промышленность. Л. Панджаитан также встретился с одиннадцатью представителями крупнейших инфраструктурных комплексов, от большинства которых Индонезия уже получает инвестиции, в частности, на проекты моста Сурамаду (через Мадурский пролив) и скоростного поезда Джакарта-Бандунг. Китай стремится укрепить связи с Индонезией, особенно в областях торговли, инвестиций и обмена кадрами[2].

В июне 2017 г. Л. Панджаитан сообщил, что Индонезия предложила китайским инвесторам железнодорожный проект на о. Бали. Железная дорога свяжет центр провинции Денпасар с Убудом (округ Джианьяр) и центром Сингараджа (округ Булеленг). Ожидается, что туристы будут использовать железную дорогу для поездок из густонаселенного Денпасара в северную часть острова. Строительство должно начаться в 2018 г.[3].

Генеральный директор по вопросам безопасности и развития международного промышленного доступа (Dirjen Ketahanan dan Pengembangan Akses Industri Internasional (KPAII)), Харджанто в пресс-релизе 13 июля 2017 г. указал: «Постоянные инвестиции Китая в Индонезии положительно скажутся на повышении конкурентоспособности отечественных отраслей»[4]. Некоторые китайские инвестиции в Индонезии уже запущены, например, индонезийская компания PT Sulawesi Mining Investment занимается добычей никеля мощностью 300 тонн в год с инвестиционной стоимостью 636 млн долларов. Компания строит первый завод по производству никеля в Индонезии. Кроме этого, в соответствии с подписанными меморандумами между китайской компанией Tsingshan Group и индонезийскими компаниями Bintang Delapan и Delong Group, в Моровали планируется строительство электростанции мощностью 700 МВт и общей инвестиционной стоимостью в 650 миллионов долларов США, и завода по производству углеродистой стали мощностью 3,5 млн тонн в год и общей инвестиционной стоимости 980 миллионов долларов США. Подписание двух меморандумов было проведено в рамках реализации форума китайско-индонезийского сотрудничества: «Один пояс – один путь» и «Морская ось мира» в Пекине, 16 июня 2017 г.[5]. В целом, Китай согласился инвестировать свыше 1,6 млрд долларов США в Моровали в развитие промышленных объектов за пределами Явы[6].

«Существует также компания Anhui Conch Cement, занимающаяся цементной промышленностью, общий объем инвестиций составляет 5,7 млрд долл. США, а производственная мощность - 20 млн тонн в год», - продолжил Харджанто. В Индонезии компания Anhui Conch построит пять горно-обогатительных комбинатов и один шлифовальный завод в Южном Калимантане, Бантене, Северном Сулавеси, Южном Сулавеси и Западном Папуа. Китайская компания Gezhouba Group выразила заинтересованность в инвестировании в сектор электроэнергетики в Северном Калимантане и строительстве промышленной зоны и международного порта Мангкупади, Булунганский район. По этому поводу 18 октября 2017 г. со-

стоялась встреча губернатора Северного Калимантана Ирианто Ламбри с вице-президентом китайской компании[7].

Госкорпорация «Китайская компания коммуникаций и строительства» (China Communications Constructions Company Ltd. сокращ. CCCC), специализирующаяся на строительстве транспортной инфраструктуры, также примет участие в сотрудничестве в области развития промышленной недвижимости за пределами острова Ява и сможет привлечь свои бизнес-подразделения для инвестиций в производственный сектор Индонезии. По словам Харджанто, CCCC признает, что Индонезия является для нее стратегически потенциальным партнером, особенно в области развития инфраструктурных проектов, таких как электростанции, мосты и железные дороги[8]. Одно из бизнес-подразделений CCCC, а именно China Harbor, выразило заинтересованность в развитии промышленных объектов в Куала Танджунг (строящийся морской порт, Северная Суматра) и сотрудничестве в портовом секторе.

Что касается высокоскоростной железной дороги, спонсируемой Китаем, которая должна соединить два крупных города Индонезии – Джакарту и Бандунг, планируется, что поезд будет совершать четыре остановки между этими двумя пунктами – Халим, Караванг, Валини и Тегаллуар. Проект рассчитан на несколько миллиардов долларов. Строительством занимается совместная индонезийско-китайская фирма Kereta Cepat Indonesia China (KCIC). Государственный Банк развития Китая обещал покрыть 75% финансирования проекта, при этом требуя от KCIC решить вопрос с разрешением на строительство на всей трассе по договору о займе. До тех пор Банк придерживал свой кредит, поскольку разрешения были получены только на пять километров путей в Валини – Бандунг. В августе 2016 г. индонезийская сторона заявила, что больше нет проблем с официальными разрешениями на строительство путей.[9]

Изначальная стоимость скоростной железнодорожной дороги Джакарта – Бандунг расстоянием 142,3-километров ранее составляла 5,1 млрд долларов США. Тем не менее, многое послужило причиной задержки проекта, в том числе финансовые препятствия, закупка земель и изменения в конструкции, что повлияло на общий объем инвестиций. Индонезийская обще-

ственность даже обвиняла президента Джоко Видодо в излишней поспешности с решением строительства железной дороги, из-за чего и происходили всякого рода задержки и трудности[10].

Индонезийская сторона ожидает, что строительство, которое пережило длительную задержку после выдачи первого разрешения на строительство в марте, будет, возможно, возобновлено в августе 2016 г.

По состоянию на июль 2016 г. было закуплено только 60% от общей площади земли, необходимой для реализации проекта, что позволяет построить только 84 км железной дороги. В 2017 г. поступила информация, что все идет по намеченному плану, однако никакие цифры не оглашались[11]. Предполагаемая дата завершения строительства конец мая 2019 г.

Центральное статистическое агентство сообщило, что только в феврале 2016 г. Индонезию посетили 161,824 китайских туристов. Этот рост произошел за счет прямых рейсов между двумя странами. Индонезийская авиакомпания «Garuda» открыла прямые рейсы между Денпасаром (Бали) и Шанхаем[12]. В 2017 году цифра увеличилась на 15%.

Для продвижения туристических направлений индонезийское Министерство Туризма привлекло китайских знаменитостей: актрису Кристи Чунг и актера Чжан Лунь Шо. Министерство устроило звездной паре ознакомительную поездку на Бали и острова Комодо, чтобы продемонстрировать им уникальные направления по всему острову Богов и Национальному парку Комодо. Тауфик Нурхидайат, заместитель министра по маркетингу международного туристического рынка заметил, что у китайских туристов наблюдается растущая тенденция к комфортабельному размещению и желания исследовать новые направления. «Все больше туристов из Китая видят Индонезию местом для отдыха, проведения свадеб и других мероприятий. Учитывая это, мы сосредоточены на привлечении большего количества китайских туристов в Индонезию, мы также сотрудничаем с Кристи Чунг и Чжан Лунь Шо для продвижения нашего туризма в их родной стране», сказал Т. Нурхидайат[13]. Знаменитости будут способствовать развитию туризма благодаря видео, сделанному во время поездки, а также через свои социальные сети. Министерство также начало сотрудничать с

«Ctrip» – ведущим онлайн поставщиком туристических услуг в Китае. Заметим, что ежегодно в Китае насчитывается около 120 миллионов выезжающих за рубеж туристов, а Индонезии удалось привлечь только около 1,2 миллиона из них.

Помимо двух знаменитостей индонезийское правительство пригласило на работу Джека Ма, владельца одной из крупнейших в мире компаний интернет-коммерции Alibaba Group Holding Ltd. Китайский предприниматель как советник руководящего комитета индонезийской компании интернет-коммерции будет формировать политику и направление быстро развивающейся отрасли[14]. Ма получил предложения о работе непосредственно от Д. Видодо во время визита президента Индонезии в штаб-квартиру Alibaba Group в Ханчжоу, 2 сентября 2016 г.[15].

Степень влияния Ма на политику интернет-коммерции пока остается неясной, поскольку правительство до сих пор не раскрыло его должностные обязанности. В свое время он произвел настоящий фурор в Китае. Без предварительного обучения и технологических знаний, чем он гордится, с помощью интернет-инноваций он изменил направление, куда китайцы тратят свои доходы.

Кроме того, его AliPay (одна из крупнейших платёжных систем Alibaba Group) превратилась из виртуального кошелька для сделок на Alibaba в единую точку финансовых услуг, с помощью которой люди могут оплачивать счета за коммунальные услуги, покупать билеты на поезд и пополнять счет мобильного телефона.

Еще одна причина, по которой Д. Видодо выделил китайского предпринимателя, может заключаться в том, что и Ма и Д. Видодо начинали карьеру с малого и среднего бизнеса. Они оба заинтересованы во вкладе в этот сегмент экономики. Оба хотят стимулировать малые и средние предприятия (МСП) и дать им место в интернете для расширения клиентской базы и большей эффективности, а также возможности для инноваций в развитие своего бизнеса, чтобы лучше обслуживать потребителей.

На МСП в Индонезии приходится около 60% валового внутреннего продукта и почти 100% бизнес-подразделений и

рабочей силы. Однако менее 5% из этих миллионов предприятий имеют доступ к интернет-торговле, что, безусловно, требует улучшений.

По данным Центрального статистического агентства, июльские показатели 2016 г. экспорта Индонезии достигли 9,51 млрд долларов – самый низкий месячный уровень с июля 2009 г. Экспорт снизился на 17,02 процента по сравнению с июлем 2015 г. Экспорт в Китай сократился на 25% до 915.7 миллионов долларов. Заместитель председателя Национального Комитета по экономике и промышленности (Komite Ekonomi dan Industri Nasional - KEIN) Ариф Будиманта комментировал положение следующим образом: «Правительство должно рассматривать постоянное сокращение экспорта как предупреждение и работать, чтобы увеличить экспорт. Конечно, правительство не может контролировать глобальный экономический спад, но оно может, по крайней мере, принимать меры для увеличения положительного сальдо торгового баланса за счет роста экспорта [нетрадиционных направлений]»[16]. В число экспортных направлений включены Филиппины и Швейцария. Правительство не может чрезмерно зависеть от вывоза продукции сырьевых товаров и необходимо рассмотреть вопрос о переходе к экспорту продукции с высокой степенью добавленной стоимости. Падение экспорта оказалось больше, чем падение импорта. Экономист Лана Сулистианингси высказала мнение, что правительство должно вкладывать средства в сырье и вспомогательные материалы, а также инвестиционные товары для обеспечения интенсивной экономической деятельности в ближайшем будущем[17]. Председатель Центрального статистического агентства Сурьямин, однако, высказал противоположное мнение. По его словам, в спаде экономической активности нет ничего страшного и это сезонное явление в Ураза-байрам (праздник окончания поста в месяц Рамадан)[18]. Аналогичное снижение торговли происходило и в предыдущие годы во время исламского праздника, и все вернется в норму в ближайшие месяцы.

В ноябре 2016 г. экспорт Индонезии достиг 13,50 млрд долларов, что на 5, 95% выше октябрьских показателей того же г. и на 21,34% выше показателей 2015 г. Объем импорта в

ноябре увеличился на 10% по сравнению с октябрем того же года и на 9,88% выше показателей предыдущего года, и составили 12,66 млрд долларов[19]. Наибольший экспорт нефти и газа в октябре 2017 г. в Китай составил 2,34 млрд долларов. В январе-октябре 2017 г. Китай стал крупнейшим импортером нефти и газа в Индонезию – 27,98 млрд долларов (26,12%). По показателям за август 2017 г. экспорт Индонезии увеличился на 19,24% по сравнению с предыдущим годом, а импорт вырос на 8,89%. Главным экспортером и импортером для Индонезии остался Китай.

Китай, который исторически был одним из крупнейших торговых партнеров Индонезии, приспосабливается к новым темпам своего экономического роста в размере 6,5% – 7% по сравнению с двухзначными числами в предыдущие годы.

Индонезийский предприниматель и бывший министр-координатор по экономическим вопросам, а также владелец и основатель групп компаний CT Corp Хайрул Танджунг считает, что Индонезия и Китай должны дополнять друг друга в экономических отношениях, чтобы получить хорошее сотрудничество в будущем. В интервью для «ANTARA News» 28 октября 2016 г. он сказал: «Индонезия и Китай имеют потенциальные ресурсы, которые могут удовлетворить потребности каждой из сторон»[20]. Однако он отметил, что с точки зрения торговли, индонезийская сторона по-прежнему в дефиците. По его словам китайская сторона импортирует сырье из Индонезии, затем оно обрабатывается и перепродается в другие страны, в том числе и обратно Индонезии, в виде продукции с более высокой добавленной стоимостью. Он считает, что сотрудничество было бы взаимовыгодным, если бы обработка осуществлялась в Индонезии, и товары сразу же получали добавленную стоимость, после чего могут быть экспортированы в Китай. Это также помогло бы увеличить занятость населения.

Летом 2016 г. китайская текстильная компания Jiangsu Dongqun Investment Holding Group Co. Ltd. (Jiangsu Dongqun) выразила заинтересованность в строительстве текстильной фабрики в Индонезии и готова выделить на проект 100 миллионов долларов. Министр промышленности Аирлангга Хартарто предложил несколько мест для строительства, в числе которых

Индустриальный парк Кендал (Kendal Industrial Park) на Центральной Яве, поскольку он предоставляет множество земельных участков и квалифицированную рабочую силу[21]. Подробности проекта обговаривались на саммите G-20 в начале сентября 2016 г. Китайская компания China Fortune Land Development (CFLD) планирует создать высокотехнологичную промышленную зону в Индонезии. Об этом сообщил генеральный директор по развитию локальной промышленности Министерства промышленности Имам Харионо[22]. По словам И. Харионо, Индонезия предлагает несколько мест для развития высокотехнологичной промышленности, а именно Сурабая, Бандунг, Джокьякарта, Маланг и Бали. Критериями отбора мест служили близость к ряду университетов и доступность квалифицированных кадров. По слухам, CFLD планирует развить несколько промышленных направлений в Индонезии, в том числе в области электроники и информационных технологий. CFLD уже обратилась к ряду разработчиков в регионах страны, чтобы в ближайшее время реализовать свои планы. И. Харионо считает, что CFLD имеет пять преимуществ, которые могут быть использованы для разработки новых промышленных зон в Индонезии: капитал, опыт, маркетинг, доступность и инновации. В настоящее время CFLD имеет 52 проектов по развитию регионов. Президент компании CFLD Чжао Хунцзин заявил, что со временем планируется построить три новых города в Индонезии в ближайшие три года[23]. Он утверждает, что имеет хороший опыт в реализации подобных планов в других странах, например, во Вьетнаме и Таиланде.

По его словам, стратегическое положение Индонезии между двумя континентами и двумя океанами делает Индонезию одним из важных пунктов в проекте «Один пояс и один путь» (объединенные проекты создания «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века»). Поэтому китайская сторона инвестирует в Индонезии[24].

В июне 2016 г. стало известно, что четыре фармацевтические фирмы собираются инвестировать в Индонезии. Однако никакие подробности не оглашались, даже название фирм. «Я приветствую интерес китайских компаний к инвестированию, особенно притом, что правительство прикладывает усилия по

развитию фармацевтической промышленности и медицинского оборудования в стране», сказал председатель индонезийского Координационного совета по инвестициям Френки Сибаранья[25].

Китайская компания Shandong Grad Group (SGG), занимающаяся производством кондиционеров, планирует построить свой завод в Индонезии. Компания рассматривает потенциал рынка как весьма положительный, несмотря на конкуренцию. Ранее SGG уже построила завод в Лаосе и в настоящее время ищет партнеров в Индонезии с предварительным обучением потенциальных местных работников. Компания даже обратилась за помощью к послу Индонезии в Китае Сугенгу Рахарджо, который ответил: «Конечно, мы с радостью будем помогать местным партнерам и облегчим процесс лицензирования»[26].

Китайский Совет по содействию Международной Торговле (China Council for the Promotion of International Trade (CCPIT)) планирует в 2018 г. провести выставку индонезийского импорта в Шанхае и оценить возможности индонезийского производственного сектора для дальнейшего сотрудничества. А. Хартарто сообщил, что Индонезия уже создала специальную индустриальную зону для китайской промышленности, расположенную в Караванге с площадью земли около 200 гектаров. По его словам: «Этот район будет вмещать несколько промышленных секторов, таких как автомобилестроение, нефтехимия, электроника, производство обуви, текстиля и одежды».[27] А. Хартарто добавил, что инвестиции Китая, особенно в автомобильном секторе, быстро растут.

В конце октября 2017 г. в Пекине состоялась 17-ая международная выставка China Coal and Mining Expo (CCME), представляющая технологии, оборудование, услуги угольной и горнодобывающей промышленности. Крупнейшую угольную выставку в Китае, проводимую каждые два года, посещают тысячи специалистов своего дела со всего мира, в том числе и из Индонезии. Потребность Китая в крупном энергоснабжении, учитывая быстрый рост промышленного сектора, может открыть возможности для индонезийских игроков в угольном бизнесе, и увеличить объем экспорта в страну Бамбукового за-

навеса[28]. На выставке потенциальные покупатели и инвесторы из Китая могут узнать подробности колебаний цен на уголь, что гарантирует прозрачность в процессе добычи и отгрузки товаров. Индонезийская сторона полагает, что это арена для улучшения хороших отношений между Китаем и Индонезией, особенно в торговле. Когда-то на такой же выставке индонезийская компания PT Borneo Pasifik Global (BPG) впервые завоевала доверие китайских предпринимателей. Компания BPG начала экспортировать уголь в Китай с 2015 г. с первоначальным объемом в сотни тысяч тонн в год, через год экспорт в Китай вырос на 180%, и к концу 2017 г. совокупный рост экспорта в Китай достиг 310%[29].

По объему инвестиций во втором квартале 2016 г., Китай занял третье место после Сингапура и Японии. С января по сентябрь 2016 г. объем инвестиций достиг 1.5 млрд долларов США (1, 205 проектов)[30]. Таким образом, Китай вышел на третью позицию, увеличив инвестиции на 291%[31] и обогнав Гонконг. Год назад Гонконг занимал только девятое место, а Китай 10-е[32]. В 2016 г. большинство китайских инвестиций отмечалось в секторе металлургии и переработки минерального сырья, который включает в себя заводы на Сулавеси[33]. Одним из примеров была фирма VDNI (PT Virtue Dragon Nickel Industry), которая занимается обработкой ферроникеля в Конаве (Konawe), провинция Юго-Восточный Сулавеси[34]. Заместитель председателя Комитета по координации капиталовложений (ККК) Азхар Лубис отметил высокий уровень инвестиций в тех секторах, где есть запрет на экспорт непереработанного минерального сырья. «Компании не имеют иного выбора, кроме как строить заводы», сказал он[35]. Китайские инвесторы также привлечены в цементную и автомобильную отрасли. Например, дальнейшее развитие цементных заводов на Калимантане и в Папуа, где находятся цементные заводы китайской фирмы Anhui Conch Cement Co. Ltd.

ККК предлагает китайским инвесторам инвестировать в инфраструктуру посредством сотрудничества с финансовым учреждением страны «Бамбукового занавеса» – China Export and Credit Insurance Corporation (Sinosure). В Джакарте 18 апреля 2017 г. между ККК и Sinosure был подписан меморандум о

взаимопонимании. Среди прочих инвестиционных проектов – платные дороги, водоснабжение и инфраструктура, туризм. Ожидается, что Sinosure окажет финансовую поддержку инвесторам, заинтересованным в строительстве этих инфраструктурных проектов[36]. Меморандум о взаимопонимании между ККК и Sinosure направлен на увеличение инвестиций Китая в Индонезию и наоборот, а также на укрепление партнерских отношений между предпринимателями обеих стран. Исполнение меморандума о взаимопонимании предполагает обмен информацией об инвестиционной политике и возможностях в обеих странах, включая проекты финансирования, в частности, вложений в инфраструктуру, промышленность, горнодобычу, сельское хозяйство, энергетику и транспорт. Усилия по привлечению иностранных инвестиций в Индонезию по-прежнему поощряются, поскольку индонезийское правительство нацелено на реализацию инвестиций в 2017 году в размере 51 млрд долларов США и 2018 год - 65 млрд долларов США[37].

Индонезия и Гонконг активизировали сотрудничество по вопросам иммиграции и занятости, создав совместную рабочую группу для решения проблем, с которыми сталкиваются индонезийцы, проживающие в Гонконге. «Сотрудничество в сфере занятости и иммиграции между Индонезией и Гонконгом имеет важное значение для обеих сторон», сказала министр иностранных дел Ретно Марсуди во время встречи с секретарем по вопросам безопасности Гонконга Лай Тун-квок[38] 16 июля. Правительство Гонконга приветствовало предложение Р. Марсуди по укреплению сотрудничества в области иммиграции на основе меморандума о взаимопонимании между соответствующими учреждениями. Вновь созданная рабочая группа осуществляет сотрудничество между индонезийским Генеральным консульством в Гонконге и иммиграционным офисом Гонконга. По данным министерства, в настоящее время в Гонконге насчитывается около 168,000 индонезийских рабочих-мигрантов. Несмотря на укрепление связей с Китаем, нелегальные китайские рабочие в Индонезии продолжают оставаться проблемой, «играя в прятки» с иммиграционной службой[39].

По словам Министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности Виранто, посол Китая в Джакарте

утверждает, что его страна следует индонезийским законам, касательно иностранных рабочих. На встрече Виранто с послом КНР в конце декабря 2016 г., посол одобрил арест китайских нелегальных рабочих, которые приехали в Индонезию на заработки под видом туристов. Общее количество иностранных рабочих в Индонезии составляет 74 000 человек, из них на рабочую силу из страны «Бамбукового занавеса» приходится 21 000 человек. Виранто добавил, что правительство намерено усилить надзор и продолжать следить за перемещением иностранцев, которые въезжают в Индонезию[40].

Министр юстиции и по правам человека Йасонна Лаоли 16 июня 2016 г. подписал меморандум о взаимопонимании (МОВ) с министром юстиции Китая Ву Аинингом по укреплению сотрудничества между странами в области права и прав человека[41]. «Мы укрепили наше сотрудничество в области исправительных учреждений, взаимной правовой помощи и законодательства» сообщил Й. Лаоли новостному агентству «kompas.com.». Это произошло после визита Д. Видодо в Китай в марте 2016 г., когда стороны договорились укреплять сотрудничество в области стратегических программ, направленных на поддержку суверенного равенства, взаимозависимости и эффективной координации.

На пятом диалоге по политике, праву и безопасности между Индонезией и Китаем, состоявшемся в апреле 2016 г. в Пекине, государства договорились о расширении сотрудничества в поддержании и сохранении безопасности, стабильности и мира в регионе. Глава индонезийской делегации Лухут Панджаитан подчеркнул, что сотрудничество будет развиваться, что должно принести пользу обеим сторонам на основе взаимного уважения. Стороны подписали меморандум о взаимопонимании по Соглашению о предоставлении гранта (nota kesepahaman tentang Perjanjian Hibah) между Национальным агентством по ликвидации последствий стихийных бедствий РИ и Министерством иностранных дел Китая в целях наращивания потенциала в области управления предотвращения лесных пожаров[42]. Меморандум был подписан послом Индонезии в Китае и Монголии Сугенгом Рахарджо и заместителем мини-

стра иностранных дел Китая Лю Чжэминем, в присутствии Л. Панджаитана и члена Госсовета КНР Ян Цзечи.

Л. Панджаитан также сообщил, что Китай положительно откликнулся на проекты, представленные на форуме «Пояс и путь» (Belt and Road Forum for International Cooperation (BRF)), состоявшемся в Пекине 14-15 мая 2017 г. Предлагались несколько проектов, таких как комплексные портовые проекты в Битунге (Северный Сулавеси) и Куала Танджунге в Северной Суматре, а также проекты в области электроэнергетики и промышленного развития на Северном Калимантане[43].

На этом же форуме Д. Видодо напомнил о важной роли Индонезии и стран Юго-Восточной Азии, когда Шелковый путь впервые открылся. Индонезия была известна как Острова пряностей[44]. Чтобы сделать Индонезию одной из основных торговых точек на новом шелковом пути, Д. Видодо призвал глав государств на форуме сотрудничать с Индонезией и Юго-Восточной Азией для развития и производства промышленного и пищевого сырья. На форуме присутствовали двадцать лидеров государств, в том числе президент России В.В. Путин. Д. Видодо напомнил, что Индонезия является одной из трех основных стран мира – поставщиков продовольствия, такого как какао, кофе, пальмовое масло и специи, корица и мускатный орех. В области промышленности Индонезия также входит в тройку стран, поставляющих промышленное сырье, в том числе никель, олово, медь и алюминиевые бокситы. Индонезия также располагает богатыми и доступными энергоресурсами. Д. Видодо убежден, что развитие инфраструктуры посредствам инициативы «Пояс и путь» может стимулировать индустриализацию в других частях мира, что также будет способствовать борьбе с бедностью[45].

Индонезийско-китайские экономические отношения становятся все теснее, что не наблюдалось так отчетливо в предыдущие годы. Тем не менее, Индонезия старается не впасть в экономическую зависимость от КНР, стремясь увеличивать долю добавленной стоимости, долю готовой продукции. Несмотря на привлекательность новых китайских инвестиций, Индонезия продолжает свою политику аккуратной балансировки и

мягкого обволакивания в экономических вопросах с Китаем. Сохранится ли этот курс в последующие годы? Увидим.

[1] The Jakarta Globe, 29.03.2015.
[2] The Jakarta Post, 27.09.2016.
[3] The Jakarta Post, 15.06.2017.
[4] Antara News.com, 13.07.2017.
[5] Antara News.com, 18.06.2017.
[6] netralnews.com, 18.06.2017.
[7] Antara News.com, 22.10.2017.
[8] Antara News.com, 13.07.2017.
[9] The Jakarta Post, 05.08.2016.
[10] The Jakarta Post, 16.08.2016.
[11] Gudok.ru, 31.03.2017.
[12] The Jakarta Post, 03.08.2016.
[13] The Jakarta Post, 09.08.2016.
[14] The Jakarta Post, 10.09.2016.
[15] The Jakarta Post, 06.09.2016.
[16] The Jakarta Post, 16.08.2016.
[17] The Jakarta Post, 16.08.2016.
[18] The Jakarta Post, 16.08.2016.
[19] suaramerdeka.com, 16.12.2016.
[20] Antara News.com, 29.10.2016.
[21] The Jakarta Post, 07.09.2016.
[22] Antara News.com, 24.10.2016.
[23] Antara News.com, 10.03.2016.
[24] Antara News.com, 10.03.2016.
[25] The Jakarta Post, 20.06.2016.
[26] Antara News.com, 05.05.2017.
[27] rayapos.com, 16.10.2017.
[28] Antara News.com, 14.11.2017.
[29] SWA.co.id, 13.11.2017.
[30] The Jakarta Post, 21.11.2016.
[31] The Jakarta Post, 25.11.2016.
[32] Antara News.com, 28.10.2016.
[33] The Jakarta Post, 24.11.2016.
[34] Antara News.com, 28.10.2016.
[35] Antara News.com, 28.10.2016.
[36] Antara News.com, 18.04.2017.
[37] Antara News.com, 18.04.2017.
[38] The Jakarta Post, 17.06.2016.

[39] The Jakarta Post, 20.06.2016.
[40] Antara News.com, 18.01.2017.
[41] KOMPAS.com, 18.06.2016.
[42] Antara News.com, 26.08.2016.
[43] Antara News.com, 17.05.2017.
[44] Suara Pembaruan, 16.05.2017.
[45] Suara Pembaruan, 16.05.2017.

© ***Бектимирова Н.Н.***
ИСАА МГУ

МЕЖПАРТИЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ в КАМБОДЖЕ в 2017 г.: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Политическое соперничество двух ведущих партий страны – правящей Народной партии Камбоджи (НПК) и оппозиционной Партии национального спасения Камбоджи (ПНСК) серьезно обострилось в 2017 г. в преддверии выборов в местные органы власти, которые состоялись в июне. Противоборствующие стороны основательно готовились к избирательным баталиям, так как рассматривали их как важную промежуточную проверку сил перед парламентскими выборами 2018 г.

Главная предвыборная триада, с которой в очередной раз НПК вышла к избирателям, это – политическая стабильность и экономический рост, достигнутые под ее руководством, и как следствие, сохранение преемственности власти, в том числе и на местном уровне. Выбор подобной стратегии выглядит вполне закономерным, поскольку высокие макроэкономические показатели, наблюдавшиеся в стране в течение последних десятилетий сделали возможным снизить порог бедности с 47% в 1993 г. до 12.8% в 2017 г. и довести доход на душу населения до 1300 долл. Страна существенно продвинулась в осуществлении системных экономических реформ. По данным Всемирного Банка, Камбоджа является одной из самых быстрорастущих экономик не только в Юго-Восточной, но и в Восточной Азии в целом. Важным показателем международного признания экономических успехов стало проведение в Камбодже в мае Всемирного экономического форума[1]. Однако при этом по индексу глобальной конкурентоспособности Камбоджа продолжает занимать предпоследнее место в регионе[2]. По уровню развития человеческого капитала Камбоджа поднялась с 100 на 92 место, но пока это последнее место в регионе. Причем наиболее низкие показатели касаются качества системы образования, особенно, охвата образованием наиболее многочисленной группы населения – молодежи в возрастной категории от 15 до 24 лет[3].

Сохраняется высокая степень социально-экономического неравенства, что является источником потенциального недовольства со стороны населения. Во многим именно поэтому приоритетное место в социально-экономической политике правительства в 2017 г. занимали мероприятия по повышению жизненного уровня рядовых граждан. Неоднократно повышалась зарплата учителям, медицинским работникам, государственным служащим и военнослужащим. Последнее повышение состоялось в апреле за два месяца до выборов. Была установлена минимальная заработная плата в 170 долл. для работников текстильной отрасли, а также снижена плата за электроэнергию и воду для частных потребителей. За месяц до выборов правительство запустило пилотный проект по оказанию помощи 15 тыс. фермеров в переводе их хозяйств на коммерческую основу, в частности, в реализации их продукции на рынке, оказании консалтинговых услуг и предоставлении микро кредитов[4]. Премьер дал указание организациям, занимающимся микрофинансированием, с января 2018 г. снизить процентные ставки с традиционных 23-25% до 18%. Все это позволило существенно уменьшить накал социального недовольства населения.

На регулярной основе осуществлялось повышение в звании высших офицеров силовых структур, которые власти рассматривают своей главной опорой в борьбе против любых политических перемен в стране. Летом 20 бригадных генералов получили звания генерал-майоров, а 434 полковника – бригадных генералов[5]. Министр обороны Теа Бань был награжден почетным титулом «самдеть», а 13 высокопоставленных сотрудников Министерства внутренних дел – титулами «санти бандыт»[6].

Лозунг властей о негативных последствиях голосования за оппозиционных кандидатов принял ярко выраженную алармистскую коннотацию. Население запугивали, что победа ПНСК будет означать начало «цветной революции» и развязывание гражданской войны. Тон в этой пропагандистской кампании задавал премьер-министр, который заявил, что «покуда он жив, никто не сможет отнять у него власть» и все, кто предпримет против него какие-либо выпады «могут готовить себе гробы»[7]. К воинственной риторике постоянно прибегали пред-

ставители силовых структур. Так, министр обороны Теа Бань, рассуждая о пагубных последствиях «цветных революций», заявил, что «выбьет зубы всем, кто покусится на власть Хун Сена и политическую стабильность»[8]. А заместитель главнокомандующего сухопутными силами генерал Чан Дара неоднократно публично предупреждал, что любые действия, направленные на отстранение от власти НПК, в том числе и победа на выборах ПНСК, встретят жесточайший отпор со стороны армии[9].

Неотъемлемой частью предвыборной стратегии НПК стало резкое ужесточение политики в отношении оппозиционных лидеров. Как известно, первой жертвой подобной политики стал Сам Ронгси, который в результате начатого против него политически мотивированного судебного дела еще в осенью 2015 г. вынужден был покинуть Камбоджу. Все понимали, что он не станет рисковать возвращаться в страну для участия в местных выборах, так как ему грозит арест, но надеялись, что ситуацию удастся переломить каким-то образом к парламентским выборам. Однако все изменилось в феврале 2017 г., когда НПК внесла в парламент поправку к закону о партиях, которая вводила запрет на руководство партией людьми, привлекавшимися к уголовной ответственности. Отныне Верховный суд наделялся правом распустить подобную партию и запретить ее руководящему составу заниматься политической деятельностью в течение пяти лет. В результате, чтобы избежать роспуска партии за нарушения закона, Сам Ронгси вынужден был подать в отставку с поста ее председателя. Человек, который в течение почти двух десятилетий являлся лидером оппозиции и ее «лицом» для Западного сообщества, был вынужден покинуть руководящий пост созданной им партии, длительное время носившей его имя[10]. Следует отметить, что руководство ПНСК проявило трезвость, разумно отреагировало на действия властей, оперативно избрав нового председателя – Кем Сокха – и трех его замов. В ходе же встреч с избирателями они заверяли своих сторонников, что все равно Сам Ронгси продолжает оставаться неформальным лидером партии и что он сможет вернуться в страну в случае победы ПНСК на выборах в 2018 г. Наглядным подтверждением этого были билборды с изображением Сам Ронгси и Кем Сокха, развешенные повсеместно оп-

позиционными активистами[11]. Сам Ронгси продолжал активно общаться с рядовыми членами партии и своими сторонниками по скайпу и через социальные сети, донося до них программные установки ПНСК.

Маргинализация и удаление с политического поля Сам Ронгси были обусловлены не только стремлением Хун Сена убрать с дороги самого популярного среди населения оппозиционера, потенциального претендента на пост премьер-министра на выборах 2018 г., но одновременно проверить, удастся ли партии сохранить позиции в обществе без Сам Ронгси, ведь в Камбодже в условиях чрезвычайно сильной персонификации политического процесса именно лидер определяет лицо партии. В мае в прессу просочились сведения о том, что НПК провела собственные социологические опросы, которые показали, что если ПНСК будет возглавлять Сам Ронси, то за нее готовы проголосовать 42-44% респондентов, если Кем Сокха, то – не более 35%[12].

Публичной акцией по дискредитации своих оппонентов стал торжественный прием в ряды НПК значительного числа – 600 человек – дезертиров из ПНСК, которые заявляли, что «потеряли веру в лидеров оппозиции»[13]. Хотя общеизвестно, что подобное дезертирство всегда хорошо проплачено, тем не менее акция имела определенный демонстративный эффект[14].

Как обычно, мощным подспорьем правящей партии являлся административный ресурс, который отсутствовал у оппозиции. Служащие госаппарата, местная администрация, армейские чины не соблюдали, как того требует закон, принцип нейтралитета, активно агитировали за НПК.

Партии национального спасения Камбоджи (ПНСК) пришлось вести предвыборную кампанию в крайне сложных условиях. Всем рядовым членам партии были даны строгие указания, чтобы они проявляли осторожность в высказываниях как в ходе личных встреч с избирателями, так и в социальных сетях. Ведь по новому закону о партиях любые высказывания политических деятелей, ведущие к подрыву национального единства, к расшатыванию политической стабильности чреваты роспуском партии. А при отсутствии независимой судебной системы оппозиционная партия может быть распущена даже за

самые безобидные речи. Само слово перемены, которое было лейтмотивом всей избирательной кампании ПНСК в 2013 г., ныне рассматривается как содержащее подстрекательский характер, расшатывающее пресловутую лодку «стабильности». Любая критика действий руководства правящей партии расценивается как «ведущая к анархии», и, как следствие, к национальной дезинтеграции. К числу провокационных был отнесен и лозунг «выберем старост, которые служат не партии, а народу», с которым ПНСК шла на местные выборы[15]. В результате ПНСК была вынуждена от него отказаться.

В целом предвыборная программа ПНСК на местных выборах была тесно увязана с парламентскими выборами 2018 г., так как большинство пунктов своей программы оппозиция обещала выполнить в случае прихода к власти в 2018 г. Главным наиболее привлекательным для рядовых избирателей было обещание ПНСК значительно расширить бюджеты местных органов власти с сегодняшних 20 тыс. долл. до 500 тыс. долл. В ходе всех встреч с избирателями партийные активисты призывали: «Если вы хотите, чтобы ваш местный комитет получил на развитие вашего округа полмиллиона долларов, проголосуйте за ПНСК в 2018 г». Многие кхмерские политологи заявляли, что это нереальная сумма, так как она обойдется государству в 820 млн долл. – 16% бюджета. ПНСК же утверждала, что намерена собрать эту сумму за счет существенного сокращение военных и административных расходов, а также увеличения налогов на игорный бизнес.[16] Программа ПНСК также включала такие положения, как искоренение коррупции, борьбу с нелегальной вырубкой лесов, омоложение управленческих кадров, углубление процесса децентрализации. Работа в сельской местности шла под девизом «пойдем от деревни к деревне, от дома к дому». Так как в сельских районах среди местной администрации сохранялось сильное влияние правящей партии, то оппозиция ставила своей задачей донести программные установки ПНСК до каждого рядового сельчанина.

Сама предвыборная кампания, длившаяся две недели, прошла спокойно. Власти предоставили полную свободу в проведении митингов, демонстраций, шествий и различных форм агитации всем участникам избирательной кампании. Накануне

дня голосования каждая из партий заявляла о полной уверенности в собственном успехе. Правящая партия утверждала, что она должна получить не менее 68% голосов, так как из 7.8 млн зарегистрировавшихся избирателей 5.4 млн являлись ее членами, а, следовательно, обязаны голосовать за НПК[17]. Оппозиция была уверена, что за нее проголосуют более 60% избирателей в силу острого желания населения перемен во властных структурах, а также привлекательности ее избирательной программы.

В выборах приняло участие 86% избирателей, что явилось самым высоким показателем за всю историю выборности органов местного самоуправления. За ходом голосования следили 14 тыс. местных и несколько сот иностранных наблюдателей, которые единодушно признали, что «выборы были свободными, честными и легитимными», что их качество значительно улучшилось по сравнению с парламентскими выборами 2013 г.[18]. Все партии также сочли, что выборы прошли без каких-либо фальсификаций, и признали их результаты.

Итоги избирательных баталий лишний раз подтвердили обозначившийся еще в 2013 г. глубокий раскол общества. Разница в голосах между конкурентами оказалась не столь существенной. За НПК отдали голоса 51% избирателей (3.5 млн) – на 11% меньше, чем в 2012 г., за ПНСК – 44% (3 млн) избирателей – на 13% больше, чем в 2012 г. НПК победила в 1156 избирательных округах, ПНСК – в 489. В 2012 г. эти показатели были 1592 и 40 соответственно[19].

Если обратиться к географии выборов, то в 2012 г. оппозиция не имела ни одного места в 14 из 24 провинций страны, в 2017 г. таких провинций осталось только три (Поусат, Каеп, Мондолькири). НПСК удалось победить в трех провинциях (Пном Пень, Сием Реап, Кампонг Чам), получить половину мест в пяти (Баттамбанг, Кампонг Тхом, Бантеймеантей, Прейвенг, Кандаль), и одну треть мест в четырех провинциях (Кампот, Тбонг Кхмум, Кратьэх, Такео). Значительная часть этих провинций расположена в центральных районах, где в составе населения присутствует больший процент внутренних мигрантов, недовольных социальной политикой правительства – высокой платой за воду, электричество, жилье и транспорт. Как правило, именно они составляют значительную часть про-

тестного электората. В девяти провинциях[20], расположенных в приграничных районах севера, северо-востока и юго-запада, где достаточно компактно проживают горные народности, правящей партии удалось сохранить существенное преимущество, оппозиция получила там незначительное количество мест.

Таким образом, результаты выборов не совпали с предвыборными победоносными реляциями партий, однако позволили им «сохранить лицо». Правящая партия, заявила, что «она проиграла отдельные сражения, но выиграла войну в целом»[21]. Примечательно, что сама терминология, используемая руководителями НПК, свидетельствует о том, что в ПНСК они видят не столько представителей системной оппозиции, сколько враждебную себе силу, а политическую конкуренцию – неотъемлемую составляющую демократического процесса приравнивают к военным баталиям.

ПНСК расценила итог выборов, как свою огромную победу. Хотя партия и не одолела заявленную планку в 60%, тем не менее она продемонстрировала свою полную дееспособность с новым председателем – Кем Сокха, а также убедилась, что не растеряла своих сторонников после выборов 2013 г., несмотря на вынужденное снижение политической активности в 2016-2017 гг. Разрыв в уровне электоральной поддержки между НПК и ПНСК составил всего 7% голосов избирателей, при том, что мотивация голосования избирателей на местных выборах более консервативно-охранительная, чем на парламентских. Социологические опросы показывают, что деревенские жители предпочитают избирать в местные комитеты «старые», проверенные кадры. Часто выступая за перемены в центре, они побаиваются резких изменений на местном уровне, в том числе и в кадровом составе. Все это внушало оппозиции надежду на реальность победы на выборах 2018 г.

Как показали дальнейшие события, правящая партия также понимала реальность подобного сценария, который вызывал у нее серьезнейшие опасения, и развитие которого она не собиралась допускать. Поэтому фактически сразу же после объявления результатов НПК приступила к реализации серии мероприятий, нацеленных на укрепление ее пошатнувшихся позиций. Руководство НПК стало действовать по трем направлени-

ям: 1. Укрепление низовых структур собственной партии; 2. Сохранение приоритетного внимания к социальной сфере; 3. Дальнейшее выдавливание с политической арены оппозиционной партии.

Особую тревогу лидеров НПК вызвал тот факт, что часть членов партии проголосовала за оппозицию. Выступая буквально через два дня после выборов, Хун Сен потребовал, чтобы чиновники на местом уровне перестали «заниматься очковтирательством и приукрашать действительность», чтобы они доводили до вышестоящих структур правдивые сведения о действительном положении дел и настроениях населения. Было принято решение о формировании на местах партийных групп из преданных активистов, в обязанности которых будет входить составление так называемых «партийных семейных книг», куда будут вноситься сведения не только о настроениях рядовых членов партии, но и их родственников[22].

Серьезное внимание работе с наиболее активным сегментом общества – работниками текстильной промышленности уделял лично Хун Сен. В августе состоялась его первая встреча с представителями отрасли, на которой присутствовало 4 тыс. человек. Премьер-министр заявил, что отныне каждое воскресенье будет встречаться с рабочими, а каждую среду посещать одну из фабрик, чтобы отслеживать их условия труда, и первым узнавать об их нуждах. Одновременно было объявлено о введении социального пакета для рабочих, который включает: бесплатный проезд на городском транспорте, бесплатную диспансеризацию и медицинскую страховку за счет работодателей[23].

Однако основные силы НПК были брошены на борьбу с оппозицией с целью ее полного удаления с политического поля. Две недели спустя после выборов был снят запрет, введенный еще осенью 2016 г., на возвращение в страну Сам Ронгси. По мнению кхмерских политологов, власти сделали это намерено, понимая, что он в любом случае не вернется, не получив амнистию короля, так как будет немедленно арестован. Фактически в этом жесте отразилось стремление в очередной раз публично унизить Сам Ронгси, поиздеваться над его «храбростью», так как до этого он заявлял, что прилетит в Камбоджу в

тот же день, как будет снят запрет на его въезд. В самой ПНСК после успешно проведенных выборов в целом возобладало мнение, что Сам Ронгси лучше не подвергать себя опасности и не возвращаться до 2018 г. Сам бывший лидер оппозиции написал на своей странице в Фэйсбуке, что не собирается «быть глупым храбрецом и делать подарок Хун Сену – садиться в тюрьму».

Уже после выборов НПК внесла в закон о выборах очередную новую поправку о том, что «партиям запрещено использовать любые изображения, выступления, аудио и видеозаписи людей, когда либо привлекавшихся к уголовной ответственности». Эта поправка была принята, чтобы окончательно покончить с политической карьерой Сам Ронгси. ПНСК пришлось убрать сотни плакатов с изображением Сам Ронгси. Отныне его речи не могли более распространяться среди членов партии, он не мог по скайпу участвовать в заседаниях исполнительного комитета ПНСК, выступать на партийных съездах. В случае нарушения данной статьи закона партия подлежала роспуску.

Однако решающий удар по ПНСК был нанесен в воскресенье 3 сентября, когда ранним утром был арестован председатель партии Кем Сокха по статье 443 уголовного кодекса, «тайный сговор с иностранной державой, направленный на враждебные действия против государства». Ему была инкриминирована попытка осуществить в 2013 г. при поддержке США «цветную революцию» и свергнуть законное правительство[24]. Протестные движения, которые охватили Камбоджу во второй половине 2013 г. – начале 2014 г. и проходили под руководством ПНСК, были расценены властями как имеющие все признаки «цветной революции»[25]. Позднее в своих выступлениях Хун Сен стал именовать ПНСК террористической ячейкой и пообещал «переломать оппозиции руки и ноги»[26].

По статье, которую власти инкриминируют Кем Сокха, ему грозит от 15 до 30 лет. В самой акции по задержанию было задействовано около 100 полицейских, Кем Сокха был отправлен в следственный изолятор тюрьмы Трапенг Пхлонг в провинции Тбонг Кхмум почти в 200 км от Пном Пеня. Невольно вспоминаются слова Хун Сена, сказанные им в 2016 г.: «Когда

понадобится, Кем Сокха будет сидеть всю жизнь, просто еще не пришло время»[27]. Видимо в 2017 г. это время, по мнению Хун Сена, уже пришло. Премьер жестко предупредил ПНСК, что если она предпримет какие-либо протестные действия, то тут же будет распущена. «Выбирайте сами, обратился он к руководству партии, или мы арестуем одного, или бросим войска на разгром штаб-квартиры всей партии»[28].

Непосредственным мотивом к аресту послужило опубликованное проправительственным интернетовским изданием Fresh News интервью, которое Кем Сокха дал еще в 2013 г. представителям камбоджийской диаспоры в Австралии. В нем он рассказал, что именно представители американского истэблишмента убедили его в том, что любые перемены надо начинать снизу, что необходимо сконцентрироваться на работе на локальном уровне и посоветовали ему создать в 2002 г. неправительственную организацию «Права человека», которую он в 2007 г. преобразовал в одноименную партию. Кем Сокха сказал, что США оказывали ему финансовую и организационную помощь по продвижению демократии в Камбодже и в этом отношении, в какой-то степени, помогли становлению его политической карьеры. Он публично заявил, что ПНСК не приемлет насилия и намерена прийти к власти только мирным путем через выборы[29].

Хотя правящая партия прекрасно знала, что США еще с начала 1990-х годов оказывали оппозиции разностороннюю помощь, но только сейчас использовали данный факт для нанесения удара по ПНСК. В самой Камбодже этот арест был расценен всеми, как попытка обезглавить партию накануне парламентских выборов, так как местные выборы показали, что партия может добиться хороших результатов в отсутствии Сам Ронгси, и что Кем Сокха вполне успешно справляется с ролью ее председателя. Опасаясь дальнейших арестов, часть высокопоставленных деятелей ПНСК покинула страну.

Судебные слушания по делу Кем Сокха проходят в отсутствии самого фигуранта, интересы оппозиционера представляют его адвокаты. Власти отказываются привозить Кем Сокха в столицу, где идут слушания, из-за опасения возможных демон-

страций в его поддержку. На слушания не допускаются и депутаты Национального собрания – члены ПНСК[30].

Когда были вынесены обвинения в адрес Кем Сокха, американский посол тут же сделал официальное заявление, что США не планировали никакого переворота, что все обвинения в причастности к планам по подготовке «цветной революции» являются ложными[31].

Летом – осенью 2017 г. правящая партия начала широкомасштабную кампанию по закрытию СМИ, симпатизирующих оппозиции. Так, было закрыто более 20 радиостанций, в том числе, Голос Америки и Радио Свободная Азия. Также была закрыта, выходившая еще с 1993 г., англоязычная газета –The Cambodia Daily.

В октябре партия ФУНСИНПЕК обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой распустить ПНСК, так как ее лидеры готовили «цветную революцию» и намеривались свергнуть законное правительство, а, следовательно, деятельность ПНСК угрожает «национальной безопасности» страны. Позднее в прессу просочились сведения, что руководство ФУНСИНПЕК получило 1 млн долл. в качестве благодарности за «свою инициативу». В конце октября парламент и сенат страны в срочном порядке приняли поправку к закону о выборах, которая позволяет распределять места распущенной партии среди других партий, участвовавших в выборах[32].

Власти официально заявили, что если ПНСК будет распущена, то все места в парламенте отойдут мелким партиям, которые участвовали в парламентских выборах 2013 г., что НПК не претендует на дополнительные места, ей хватает и своих. В случае роспуска ПНСК больше всего мест – 41 – получит ФУНСИНПЕК, набравшая на выборах 3,6% голосов. Остальные 14 мест будут распределены между 4 партиями, каждую из которых поддержало менее 1% избирателей[33]. Две партии, на которых совместно приходится 11 мест, заявили, что они откажутся от мандатов, считая, что работа в парламенте с подобным составом депутатского корпуса, лишена всякого смысла[34]. В таком случае эти 11 мест скорее всего отойдут НПК. Хун Сен в публичных выступлениях убеждал граждан, что роспуск ПНСК это еще один шаг по дальнейшей демокра-

тизации страны, так как в парламенте вместо ПНСК будут работать представители 5 партий, что это будет означать реализацию принципа многопартийности, закрепленного в конституции. Что касается 489 мест ПНСК в органах местного самоуправления, то их большая часть, скорее всего, отойдет правящей партии. Известно, что Хун Сен пообещал сохранить места в местной администрации за всеми представителями оппозиции при условии их добровольного перехода в ряды НПК.

Окончательное решение о том, если ли основания для роспуска партии, Верховный суд должен принять в конце ноября. Хун Сен утверждает, что он непременно добьется роспуска партии и запрета на политическую деятельность сроком на пять лет для членов исполнительного комитета (112 человек) ПНСК. При этом премьер-министр заверяет, что судебные решения никоим образом не затронут средний руководящий состав партии, а также её рядовых членов, что им будет предоставлена возможность реализовать свою политическую активность в рядах других партий, в первую очередь, в НПК[35].

Совершенно очевидно, что роспуск ПНСК закрепит монопольное доминирование правящей партии на политической арене и расчистит поле для ее победы на выборах 2018 г. Хун Сен уже заявил, что ради сохранения стабильности в стране останется у власти еще на 10 лет. В настоящее время оппозиционная партия фактически приостановила свою активность, опасаясь, что любой неосторожный шаг сможет ускорить ее роспуск. Те же члены ПНСК, которые во избежание арестов вынуждены скрываться за границей, пытаются заручиться международной поддержкой. Они надеются, что представители международного сообщества смогут оказать определенное воздействие на руководство Камбоджи и приостановить травлю оппозиционной партии, а также дальнейшее наступление на демократические процедуры и институты.

Однако опыт последнего десятилетия свидетельствует о том, что у западных стран осталось крайне мало рычагов реального воздействия на внутреннюю ситуацию в Камбодже. Всякого рода угрозы сокращения или даже приостановления экономической помощи со стороны ЕС и США, которые являются подписантами Парижских соглашений 1991 г. и в этой

связи считают себя в определенной степени ответственными за продвижение демократических ценностей в Камбодже, уже не оказывают существенного влияния на позиции правительства. Важнейшей причиной этого стало наличие могущественного покровителя в лице Китая, который не только предоставляет большие объемы помощи Камбодже, невзирая на ее внутреннюю ситуацию, но и все более открыто поддерживает политический режим Хун Сена. Сразу же после ареста Кем Сокха в условиях нарастающей критики со стороны Запада действий кхмерских властей, в Камбоджу прибыл высокопоставленный чиновник МИД КНР, который встретился с председателем парламента Хенг Самрином и заверил его в полной поддержке со стороны Китая. По словам пресс-секретаря Хенг Самрина, было сказано следующее: «Китай в любых обстоятельствах будет поддерживать Камбоджу и помогать ей. Успехи Камбоджи – это успехи и Китая. Любые трудности на пути Камбоджи – это трудности и Китая»[36].

Представляется маловероятным, что Хун Сен все-таки воздержится от роспуска ПНСК, ведь когда еще ему представится такой удобный случай вновь «спасти» страну, на этот раз от «террористов и предателей». На предстоящих парламентских выборах 2018 г. он сможет позиционировать себя не только как спасителя страны от режима «красных кхмеров», но и от угрозы «цветной революции». Но приведет ли это к росту поддержки его партии со стороны населения, покажет время…

---

[1] The Cambodia Daily. 15.05.2017.

[2] См: World Competitiveness Index 2014-2015.

[3] The Phnom Penh Post. 14.09.2017.

[4] The Cambodia Daily. 24.05.2017.

[5] The Cambodia Daily. 08.06.2017.

[6] The Phnom Penh Post. 05.04.2017. Титул «санти бандыт» - в переводе с кхмерского «миротворец» - был дарован руководителям полиции за разгон демонстраций в 2013-2014 гг. Подробнее о титуле «самдеть» см.: Бектимирова Н.Н. Механизма политической мобилизации в Камбодже.//Власть и общество в странах ЮВА. История и современность. М., 2015.

[7] Hun Sen. Selected speech at the Graduation and Diploma Ceremony of the Royal School of Administration. //www. cnv.org.kh. 26.06.2017; The Phnom Penh Post. 22.05.2017.

[8] The Cambodia Daily. 17.05.2017.
[9] Пном Пень Пост (на кхмерском языке) 05.05.2017.
[10] В 1995 г. была образована Партия Сам Ронгси. В 2012 г. она объединилась с Партией прав человека в единую Партию национального спасения Камбоджи.
[11] The Cambodia Daily.23.05.2017.
[12] Ibid. 12.05.2017.
[13] Ibid. 16.04.2017.
[14] Подробнее см.: Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А. Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. М., 2016.
[15] Расмей Кампучия. 13.03.2017 (на кхмерском языке).
[16] The Cambodia Daily. 08.06.2017
[17] www.cnv.org.kh.
[18] Ibid. 29.06.2017.
[19] Ibid. 08.07.2017
[20] Пайлин, Оддармеантей, Кох Конг, Преах Вихеа, Стынг Траенг, Ратанакири, Компонг Чхнанг, Кампонг Спы, Преах Сианук.
[21] The Cambodia Daily. 08.07.17
[22] The Phnom Penh Post. 29.08.2017
[23] The Phnom Penh Post. 21.08.2017.
[24] The Cambodia Daily. 04.09.2017.
[25] Подробнее см.: Бектимирова Н.Н. «Гражданская протестная активность в Камбодже в 2013-2014 гг.»// ЮВА: актуальные проблемы развития. Выпуск 22, 2014.
[26] The Phnom Penh Post. 26.10.2017.
[27] Future Forum. An Overview and Analysis of the Current Political Situation in Cambodia. 2016. P. 8.
[28] Расмей Кампучия.06.09.2017(на кхмерском языке).
[29] The Phnom Penh Post. 11.09.2017.
[30] Ibid. 31.10.2017.
[31] The Cambodia Daily. 30.08.2017.
[32] The Phnom Penh Post. 25.10.2017.
[33] Партия демократическая лига получила 1% голосов избирателей, Кхмерская партия борьбы с бедностью – 0.65%, Камбоджийская национальная партия – 0.58%, Кхмерская партия экономического развития – 0.29%.
[34] Партия демократическая лига и Кхмерская партия борьбы с бедностью.
[35] The Phnom Penh Post. 06.11.2017.
[36] Ibid. 08. 09. 2017.

© ***Симония А.А.***
ИВ РАН

МАССОВЫЙ ИСХОД БЕНГАЛЬЦЕВ-РОХИНДЖА из МЬЯНМЫ: КТО ВИНОВАТ и ЧТО ДЕЛАТЬ?

Вооруженный конфликт в штате Ракхайн (Аракан), начавшийся в конце августа 2017 г., привел к массовому исходу бенгальцев, проживавших на территории Мьянмы и называющих себя рохинджа. В течение сентября-октября 2017 г. в соседнюю Бангладеш в качестве беженцев переместились более 600 тыс. человек, погибли сотни гражданских лиц, разрушены и сожжены около 300 деревень − как бенгальских, так и других народностей многонационального и поликонфессионального штата.

Военизированная группа боевиков – Армия спасения рохинджей Аракана (АСРА) предприняла, уже во второй раз за истекший год, вооруженное нападение на 30 полицейских и пограничных блокпостов в штате Ракхайн. По их заявлению, эта акция была предпринята с целью привлечь внимание мировой общественности к положению рохинджей. Как и следовало ожидать, вооруженные силы Мьянмы ответили жесткой «операцией зачистки».

Прошло более трех месяцев с начала этих трагических событий. Но до сих пор нет ответа, как решить эту застарелую, но ставшую теперь неотложной, проблему, чтобы восстановить нормальную жизнь в одном из самых бедных регионов Мьянмы. Ответ зависит от позиции всех ключевых участников – правительства Мьянмы, вооруженных сил Мьянмы, народа *ракхайн (аракан*), народа *рохинджа (бенгальцев)* и международного сообщества. Все акторы должны выработать общий подход к проблеме, но пока до этого далеко.

Дело в том, что взгляды на нынешний кризис в штате Ракхайн внутри Мьянмы и за рубежом диаметрально противоположны. Практически все слои бирманского общества рассматривают сложившуюся ситуацию как террористическую атаку боевиков и ответную реакцию национальных сил безопасности.

За рубежом все внимание сконцентрировано на потоках беженцев и делается акцент на «непропорциональном ответе» бирманской армии, который рассматривается как нарушение прав человека и даже называется некоторыми политиками преступлением против человечности и этническими чистками.

Этнотерриториальная проблема в штате Ракхайн и конфликты буддистов Бирмы/Мьянмы с мусульманами-рохинджа начались не сегодня и не вчера, и даже не 10 лет назад, когда начались массовые бегства из Мьянмы «людей в лодках»[1], а гораздо раньше. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, найти истоки неприятия этого народа в бирманском обществе и понять, кто виноват, необходимо обратиться к колониальному прошлому Бирмы, ситуации в штате Аракан в период независимости и к особенностям современного политического развития страны.

Краткий ретроспективный обзор исторических событий в Аракане

Буддистский Аракан (Ракхайн) был завоеван Бирмой в 1785 г. После первой англо-бирманской войны (1823−1827) эта территория была аннексирована Англией, которая правила Араканом, а затем и всей Бирмой 123 года (с 1827 по 1948 гг.). Британские колонизаторы стали завозить туда дешевую рабочую силу из мусульманской Бенгалии для сельскохозяйственных работ. Этот процесс особенно активизировался после открытия Суэцкого канала в 1869 г., когда в Европе вырос спрос на поставки риса, а колониальная Бирма превратилась в «рисовую житницу». В начале это были сезонные рабочие, но позднее они стали постоянными. Их перевозили по морю и по суше, для чего была построена даже специальная железная дорога. За 50 лет − с 1980 по 1930 гг., мусульманское население буддийского Аракана увеличилось с 13 до 25%[2].

Во время Второй мировой войны, когда в Британскую Бирму вторглась Япония, мусульмане-бенгальцы − будущие рохинджа и коренные араканцы-буддисты, вместе с буддистами-бирманцами, оказались в разных лагерях. Японские войска дошли до Аракана, и отступавшие англичане вооружили мусульман-бенгальцев для сопротивления японцам. По мнению

бирманских историков, мусульмане-бенгальцы воспользовались тогда ситуацией и направили оружие против араканцев, стали захватывать их деревни, убив за несколько месяцев около 50 тысяч буддистов. Как позднее было изложено в британском отчёте, после межрелигиозных столкновений «территория, затем оккупированная нами, представляла собой почти полностью мусульманскую страну», а Аракан оказался разделён на две части – мусульманскую и буддистскую.

Эти события 1942 г. вошли в историю Бирмы как «араканская резня». Сторонники рохинджа эти данные оспаривают, делая акцент на военных преступлениях японцев против мусульман и коллаборационизме буддийского населения.

В колониальных британских войсках бирманцы никогда не служили, туда набирали индийцев и представителей малых народов, проживающих на территории колонии. Бирманская армия независимости (БАН) – основа будущих вооруженных сил страны, была создана лидером национально-освободительного движения Аун Саном в декабре 1941 г. при активном участии японцев на территории соседнего Таиланда, и вошла в Бирму вместе с японской армией как армия–освободительница от британского господства. Одним из ближайших соратников Аун Сана был его боевой товарищ будущий генерал Не Вин. В 1942 г. после долгих дней перехода по джунглям Не Вин во главе передовой группы прибыл из Таиланда в Рангун и участвовал в боях против англичан. Вскоре он стал командиром одной из двух дивизий БАН, которая вела вместе с японцами боевые действия против бенгальцев на юго-западе страны в Аракане.

В результате японского вторжения десятки тысяч мусульман были вынуждены покинуть западные области Аракана в поисках спасения в соседней Бенгалии. Но после объявления независимости Бирмы в 1948 году они хлынули обратно в Аракан. Таким образом, после распада колониальной системы на стыке двух государств − Бирмы и Восточного Пакистана (будущей Бангладеш), которые входили ранее в состав Британской Индии, образовался народ, который сейчас относит себя к особой национальности ***рохинджа.*** Согласно публикациям бирманских исследователей, до обретения страной независимости

слова «*рохинджа»* в лексиконе жителей Аракана не было. О нем не упоминают ни британские чиновники, проводившие на этой территории перепись населения и скрупулезно перечислившие все малые национальные группы, ни записи исследователей того времени, ни другие письменные источники[3]. Даже на конференции Алель Тан Чжо в июне 1951 г. они еще называли себя «араканскими мусульманами», в отличие от «бирманских мусульман». На той конференции они выдвинули ряд требований: равные права с араканцами; выделение исламского штата; назначение мусульман-министров в правительство штата Аракан; изучение языка урду в государственных школах; преподавание в школах других языков только с согласия мусульман. Похожие требования они выдвигают и сейчас[4].

Первые пятнадцать лет независимости Бирмы при правительстве У Ну, когда в разных областях страны началось сепаратистское повстанческое движение этнических меньшинств, вооруженное сопротивление подпольной компартии и гоминьдановская агрессия, ситуация в области Аракан была относительно спокойной. В обстановке всеобщего хаоса бенгальцы Аракана получили статус меньшинства и даже представительство в бирманском парламенте. Как вспоминает один из основателей партии Национальная лига за демократию, бывший министр обороны и начальник штаба бирманской армии (1974-76 гг.) Тин У, участвовавший в молодости в сражениях с сепаратистами-моджахедами Аракана в 50-х годах: «До выборов 1956 г. мы никогда не слышали слова *рохинджа.* Четверо кандидатов-мусульман от Аракана баллотировались в парламент в качестве кандидатов от правящей тогда партии Антифашистская лига народной свободы. Затем премьер-министр У Ну, по их просьбе, предоставил им гражданство, разрешил издавать газеты на арабском языке и 15-минутное радиовещание на языке урду. Все это вызвало массовое недовольство коренного буддистского населения»[5].

Вместе с тем в этот же период в район продолжалась миграция мусульман из Восточного Пакистана. По мнению бирманских националистов, миграция нелегальная, что спровоцировало в области тяжелое социально-экономическое положение и явный демографический перекос. Тогда же среди некоторых

рохинджей возникли сепаратистские настроения: выдвигались идеи присоединения этого региона к Восточному Пакистану, либо создания независимого от Бирмы мусульманского государства − Аракандеш. Такие настроения среди радикальных рохинджа популярны и сейчас — и в этом кроется главная проблема. Понимают это только люди, хорошо знающие страну и ее историю. «Требование рохинджей признания своей этнической идентичности и продолжающиеся вооруженные выступления Армии спасения рохинджей Аракана (АСРА) надо рассматривать *как проблему сепаратизма*, чего никак не могут понять на Западе», − считает бывший посол США в Мьянме (2012−2016) Дерек Митчелл[6].

Гонения на рохинджей на государственном уровне начались в 1962 г. после военного переворота, совершенного в Бирме генералом Не Вином, который начинал военную карьеру вместе с Аун Саном в японской армии, сражаясь в том числе и в Аракане в 1942 г. Генерал Не Вин, оказавшись во главе государства, стал проводить политику бирманизации страны и экономики, сначала, в 1963−1966 гг., вынудив покинуть страну оставшихся индийцев, китайцев и других иностранцев. Вместе с тем после обострения индийско-пакистанских отношений в связи с обстановкой в Восточной Бенгалии, вылившегося в 1971 г. в войну между двумя странами, новые потоки беженцев-мусульман нашли убежище в соседней Бирме.

Позднее, во второй половине 70-х годов в Аракане снова активизировалась деятельность мусульманских сепаратистов, стремившихся отделить Аракан от Бирмы и воссоединиться с недавно созданным государством Бангладеш. В этих условиях правительство Не Вина в 1978 г. пошло на проведение операции «Нагамин» с целью вытеснения незаконных мусульман-иммигрантов. В рамках этой правительственной кампании проводилась проверка регистрации у иностранцев, нелегально проникающих в страну. В Аракане она фактически вылилась в «зачистку» местности от рохинджей силами армейских подразделений и местных буддистов-араканцев. В Бангладеш были выселены 200 тыс. бенгальцев. Уже тогда ряд исламских государств обвиняли правительство Бирмы в «преступлениях против человечности» и «геноциде мусульман». Позднее большая

часть беженцев была репатриирована в Бирму. Рангун еще в те годы продемонстрировал свое резко негативное отношение к интернационализации проблемы беженцев и стремление урегулировать споры на двусторонней основе. В 1979 г. было подписано Соглашение о регулярной редемаркации бирмано-бангладешской границы и учреждении пограничных постов.

В 1982 г. Бирма приняла закон о гражданстве, согласно которому рохинджа не признаются этническим меньшинством страны и, соответственно, лишаются всех гражданских прав. По Закону о гражданстве, иммигранты и их дети могут быть только «натурализованными» или «ассоциированными» гражданами без политических прав. Но третье поколение, например, внуки бенгальских мигрантов начала XX века, могут получить гражданство. Но немногие могут предъявить такие подтверждающие документы. Во время переписи населения 2014 г. представителей «*рохинджа*» могли учесть только при условии, что они назовутся ***бенгальцами,*** отказавшиеся же, а таких было большинство, оказались вне переписи населения, т.е. неучтенными.

Второй массовый поток беженцев в Бангладеш произошел после погромов 1991 г. Народное восстание лета-осени 1988 г., в результате которого власть в Бирме захватила «новая военная хунта», привело к ослаблению пограничного контроля. Этим воспользовались бенгальцы-иммигранты, и их приток в Аракан усилился. Одновременно укрепили свое влияние базирующиеся в Бангладеш сепаратистские организации моджахедов, такие как Араканский фронт независимости рохинджей и Организация солидарности рохинджей.

Бирманская армия стала ужесточать пограничный контроль и проверку документов, наносить удары по отрядам сепаратистов, прибегать к репрессиям. Почти четверть миллиона людей были вытеснены армейскими подразделениями на территорию Бангладеш в приграничные районы Текнаф и Кокс-Базар. Во время этой операции сотни рохинджей были убиты, а их деревни сожжены. В Бангладеш их тоже никто не ждал, и они были размещены в специальных временных лагерях, а позднее, при содействии Верховного комиссара ООН по делам беженцев, их насильственно вернули в Мьянму. Начиная с

2006 г., Бангладеш ужесточила пограничный контроль, после чего рохинджа стали отправляться в опасное морское путешествие на лодках к берегам Таиланда, чтобы затем перебраться в Малайзию или другие страны. При этом власти Бангладеш утверждают, что поток беженцев из Мьянмы никогда не прекращался.

Все это не помешало росту численности мусульман в Аракане. Если до Второй мировой войны ислам исповедовал каждый четвертый житель области, то в 2014 г. — каждый третий. Население штата Ракхайн, по переписи 2014 г., составляет 3 188 887, из них переписано − 2 098 087. Всего рохинджей на территории штата Ракхайн, по оценкам, около 1,3 млн человек, их число, как неграждан, в переписи не было учтено.

После передачи власти военными сначала квазигражданскому, а затем демократически избранному правительству и в результате ослабления военного контроля над населением в Аракане вновь возродилось и окрепло движение моджахедов, выбравших вооруженный путь сопротивления. Из-за этого вне закона оказался весь народ, хотя большинство рохинджей ничего общего с экстремизмом не имеет и иметь не хочет. Причем заметно возрастное расхождение во взглядах – старшее поколение хотело бы избежать конфликтов с властью, а молодежь все больше склоняется в радикалам.

Армия спасения рохинджей Аракана (ASPA)

Эта военизированная организация впервые заявила о себе в октябре 2016 г., когда ее боевики совершили аналогичное августовскому 2017 г. нападение на полицейские участки, убив 9 полицейских и похитив 50 единиц огнестрельного оружия и 10 000 комплектов боеприпасов. Та вылазка боевиков имела большие последствия. Население Мьянмы почувствовало реальную угрозу со стороны ислама и исламских экстремистов. Радикально настроенный буддистский монах Ашин Вирату призвал национальные силы безопасности принять необходимые меры для защиты суверенитета государства и народа. В предыдущие годы периодически совершались нападения на полицейские участки на севере штата Аракан; по мнению представителя Международной кризисной группы Р. Хорси, тогда

действовала Организация солидарности рохинджа (ОСР), созданная в 1982 г. с целью нападения на военные и стратегические объекты. В связи с угрозой вооруженных нападений в анклавах, где проживают рохинджа, был введен комендантский час с 23 до 4 утра; после нападения 9 октября 2016 г. комендантский час был продлен с 19 до 6 часов, так же как и запрет собираться группам более пяти человек, в том числе и в мечетях, что означало на практике невозможность посещать пятничные молитвы в мечети[7].

Неизвестно, является ли Армия спасения рохинджей Аракана (АСРА) преемницей ОСР, которая утратила свой военный потенциал в 90-х годах XX века, или это новая организация. По данным Международной кризисной группы, лидер АСРА − некий Ата Улла (Ataullah abu Ammar Junjuni, известный также как Hafiz Tohar), ему около 30 лет, он представитель народности рохинджа, родившийся в Пакистане, получивший религиозное образование в Саудовской Аравии и поддерживающий тесные связи с этой страной. Он якобы получил там 1 млн. долл., для формирования отрядов боевиков на территории Пакистана, оплаты инструкторов и покупке легкого вооружения. Вначале эта организация, сформированная в 2012 г. после крупных столкновений между рохинджа и буддистами-араканцами, тоже закончившихся потоками беженцев с обеих сторон[8], называлась «Харака аль-Якин» («Движение веры»), но затем выбрала светское название, видимо, чтобы подчеркнуть свой национально-освободительный характер и уйти от обвинений в исламизме. Она пока не выдвигает сепаратистских лозунгов, а требует полных гражданских прав для своего народа и создания «демократического мусульманского штата» в составе Мьянмы. Эта организация создала сеть тренировочных лагерей на границе и прилегающих к Мьянме районах Бангладеш и активно вербует туда молодежь. Тактика Армии спасения рохинджа − неожиданные нападения большими, плохо вооруженными, но фанатичными группами. Силы безопасности Мьянмы в Ракхайне уверяют, что активисты АСРА эффективно контролируют поселения рохинджа, выявляют и физически уничтожают осведомителей властей и сторонников компромисса. Численность самих активных боевиков эксперты оценивают примерно

в 500 человек, хотя сами представители АСРС заявляют, что их численность около 1000. Они отрицают связь с международными террористическими организациями, но хотя в составе группы большинство составляют бенгальцы, имеются и около 150 иностранцев: пакистанцы, небольшие группы из Малайзии, Индонезии, Южного Таиланда, два выходца из Узбекистана. По словам одного из соратников командира АСРА, джихадисты в Пакистане предлагали свое содействие в сентябре 2017 г., но Ата Улла якобы отказался, опасаясь, что он сам будет отодвинут в сторону[9]. Представители АСРА позиционируют себя как одну из этнических вооруженных группировок, борющихся с центральным правительством на протяжении нескольких десятилетий, которые при этом являются «своими» − они граждане Союза Мьянма. Однако организация АСРА представляет собой совершенно новую для сил обороны Мьянмы вооруженную группу. Традиционные этнические сепаратистские структуры построены по принципу вооруженных формирований – их члены отделены от гражданского населения и носят форму со знаками отличия и символикой. В отличие от «своих» этнических повстанцев, боевики АСРА растворены среди мирного населения. Во время нападений боевики-рохинджа предпочитают активно использовать живую силу в виде толпы вооруженных подручными средствами и фанатично настроенных местных жителей, создавая впечатление численного перевеса нападающих. Поэтому после столкновений среди жертв трудно отличить боевиков от мирных жителей.

Боевики Армии спасения рохинджей Аракана. В центре командир Ата Улла. *(Видео разместили в сети АСРА)*

По словам одного из бойцов АСРА, боевики специально организовали нападения в августе 2017 г., чтобы спровоцировать ответные зачистки со стороны сил безопасности Мьянмы и привлечь внимание мировой общественности к судьбе рохинджей.

Попытки разрешить застарелый кризис в штате Ракхайн

Комиссия Кофи Аннана. Бирма/Мьянма не смогла решить эту проблему силовыми методами при военных авторитарных режимах в 1962−2010 гг., не удалось это и при квазигражданском правительстве президента Тейн Сейна в 2011−2016 гг. Первое демократически избранное правительство и политический лидер страны решительно пытаются разрешить этот долгоиграющий кризис.

В сентябре 2016 г. − незадолго до предыдущего нападения боевиков АСРА на пограничные посты в штате Ракхайн 9 октября 2016 г. − была создана Консультативная комиссия по проблем ам штата Ракхайн (Аракан), которую по просьбе Аун Сан Су Чжи возглавил бывший генеральный секретарь ООН лауреат Нобелевской премии мира 2001 г. Кофи Аннан. Государственный советник рекомендовала членам комиссии не употреблять слова «*рохинджа*» и «*бенгальцы*», а называть народ, о котором идет речь, просто мусульманской общиной штата Ракхайн, но к этой группе не относятся *мусульмане-каман* , пользующиеся всеми правами граждан Союза, они именуются как каман. В полномочия комиссии не входило расследование случаев нарушения прав человека в штате. Задачей было найти долгосрочные решения для кризисной ситуации в штате Ракхайн и дать рекомендации для достижения мира, законности и развития в этом регионе. В состав комиссии вошли шесть бирманских и трое иностранных экспертов. В течение года они регулярно посещали неблагополучный штат, проводили опросы среди разных слоев населения и консультации с официальными представителями властей – центральных и региональных, а также международных организаций. На союзном уровне комиссия встречалась с президентом, государственным советником, главнокомандующим вооруженными силами. В штате

Ракхайн члены комиссии консультировались с членами правительства, местного законодательного собрания (парламента), политических партий, религиозных институтов, гражданских общественных организаций, старейшинами деревень, представителями частного сектора, жителями разных деревень и лагерей для перемещенных лиц внутри страны. Помимо двух основных общин штата (ракхайн и рохинджа), члены комиссии также встречались с представителями других более мелких этнических и религиозных групп, населяющих этот регион.

На международном уровне проводились консультации с соседними странами. В Бангладеш члены комиссии встречались с членами правительства в Дакке, а также посетили лагеря беженцев в Кокс-Базар. Проблему рохинджа обсуждали с министром иностранных дел Таиланда, с президентом и министром иностранных дел Индонезии, представителями Индии, Китая, Малайзии и международного сообщества, в том числе: с официальными лицами ООН, дипломатами, работающими в Мьянме, представителями международных неправительственных организаций, региональных организаций и независимых экспертов. За год работы состоялось 155 консультаций с 1100 представителями.

Кофи Аннан на севере штата Ракхайн в лагере для перемещенных лиц. Сентябрь 2016 г. (Фото из Мьянма Таймс)

С самого начала работу комиссии осложняли ряд событий. Прежде всего это вооруженное нападение боевиков группы Харака аль-Якин («Движение веры») 9 октября 2016 г. через месяц после создания комиссии. До событий августа 2017 г. эта вылазка была самой крупной в истории атакой мусульман на силы безопасности Бирмы/Мьянмы. Ответные военные действия правительственных войск, которые достигли пика к середине ноября, были восприняты международным сообществом как нарушение прав человека. Ситуация в штате после этих событий стала еще более напряженной и неустойчивой. Боевики жестоко расправились с мусульманскими лидерами, готовыми сотрудничать с правительством. Араканская армия, входящая в состав антиправительственной коалиции *Северный альянс*[10], тоже представляла угрозу стабильности на территории Ракхайна. Тем не менее в предварительном докладе комиссии правительству в марте 2017 г. было заявлено о продолжении «беспристрастной и независимой» работы, несмотря на осложнившуюся ситуацию.

Параллельно с комиссией Кофи Аннана в штате Ракхайн работала другая специальная комиссия по расследованию событий после нападения боевиков, сформированная правительством в ноябре 2016 г. , ее возглавил вице-президент Мьин Све – бывший старший министр округа Янгон генерал-лейтенант в отставке. После расследования в течение 8 месяцев председатель комиссии объявил, что в штате Ракхайн не было нарушений прав человека. Он заявил на пресс-конференции, что ООН преувеличивает масштаб событий в штате Ракхайн и вводит в заблуждение мировую общественность. Вице-президент обвинил боевиков в насилии и связях с зарубежными организациями с целью подорвать стабильность в стране[11].

Другим фактором, препятствующим работе комиссии, стало активное неприятие со стороны бывшей правящей Союзной партии солидарности и развития и Араканской национальной партии. В сентябре 2016 г., когда решался вопрос о создании комиссии в парламенте Республики Союз Мьянма и затем в законодательном органе штата Ракхайн, эти две партии и присоединившаяся к ним военная фракция выступали против создания комиссии Кофи Аннана.

Штат Ракхайн в 90-х годах прошлого века превратился в один из самых бедных, отсталых и изолированных территорий в очень бедной и изолированной Мьянме. Здесь проживает не менее 15 этнических групп, в том числе: араканцы (ракхайны), бенгальцы, индусы, мро, каман, чин, бирманцы; исповедуются разные религии: буддизм, ислам, индуизм, христианство. На севере штата вдоль сухопутной границы с Бангладеш мусульмане составляют большинство. Многонациональное и поликонфессиональное население занимается, в основном, сельским хозяйством, рыболовством, собирательством и мелким семейным бизнесом. Эксперты, работавшие в комиссии Кофи Аннана, считают, что причиной всех бед является бедность, с которой необходимо бороться в первую очередь. Уровень бедности в штате составляет 78%, т.е. в два раза выше общенационального показателя 37,54%. Практически все этнические общины штата страдают от бедности, недостатка социальных услуг, безработицы и скудных возможностей для развития. В то время как другие штаты и области Мьянмы в последние годы динамично развиваются, штат Ракхайн все больше отстает. Причиной отсталости, помимо частых природных катастроф, таких как разрушительные тропические циклоны, наводнения и другие последствия изменения климата, стали вражда и дезинтеграция в отношениях между этноконфессиональными общинами. Резкое ухудшение ситуации произошло после столкновений между буддистами и мусульманами (рохинджа) в 2012 г.

В то же время штат Ракхайн, благодаря своему стратегическому географическому положению и наличию запасов природного газа на морском шельфе, стал местом размещения грандиозных международных экономических проектов. Однако строительство нефте- и газопроводов, глубоководного морского порта с нефтяными и газовыми терминалами, создание особой экономической зоны с помощью международного консорциума, возглавляемого Китаем, запланированное строительство автомобильных и железных дорог в рамках китайской стратегии «один пояс – один путь» не содействуют повышению уровня жизни населения. Скорее наоборот. Эти крупномасштабные инвестиционные проекты обостряют отношения между региональным правительством штата и центром; создание особых

экономических зон и сооружение крупных индустриальных объектов приводит в Мьянме к массовому переселению местных жителей из родных мест.

После тщательного изучения всего комплекса проблем, существующих в штате Ракхайн, члены комиссии подготовили и представили правительству 24 августа 2017 г. Доклад Консультационной комиссии по штату Ракхайн «К мирному, справедливому и процветающему будущему народа штата Ракхайн»[12], в котором содержится около 88 правовых и практических рекомендаций. Документ призывает правительство немедленно приступить к пересмотру закона о гражданстве 1982 г., упростить процедуру верификации, прояснить статус тех, кто не смог пройти эту процедуру и предоставить народу (рохинджа) право на свободу передвижения. «В случае промедления этих действий ситуация в штате может стать еще более радикальной, что приведет к еще большему насилию и углублению хронической бедности, поразившую штат», − заявил Кофи Аннан 24 августа 2017 г. во время брифинга[13]. Краеугольным камнем реформ в штате Ракхайн стало изменение закона о гражданстве, но именно его не хочет отменять наиболее радикально настроенная часть правящей элиты. В тот же день главнокомандующий старший генерал Мин Аун Хлаин заявил, что все беженцы должны пройти верификацию согласно закону о гражданстве 1982 г.

Правительство одобрило документ и объявило, что немедленно приступает к реализации предложений, изложенных в докладе, и сформировало состоящий из 15 человек Комитет по выполнению рекомендаций группы Кофи Аннана, который возглавил министр социального обеспечения, социальной защиты и расселения Вин Мья Эй. Одной из приоритетных задач нового комитета стала также борьба с терроризмом и наркоторговлей[14].

Но буквально через несколько часов после публикации доклада боевики АСРА совершили нападение на блокпосты. Как отмечается в редакционной статье журнала «Иравади», боевики АСРА прекрасно знали, что представляет собой армия Мьянмы, имеющая большой опыт вооруженной борьбы с этническими повстанцами на протяжении многих десятилетий и ее

методы подавления, поэтому не должны были провоцировать военных[15].

Проблема репатриации беженцев. В течение октября-ноября 2017 г. между правительствами Мьянмы и Бангладеш велись переговоры об условиях репатриации беженцев. Еще в 1993г. между двумя странами было заключено соглашение о процедуре возвращения беженцев. По словам постоянного секретаря департамента иммиграции и населения Мьянмы, за прошедшие годы произошло много изменений, и необходимо откорректировать существующие договоренности. В интервью радио Свободная Азия он заявил, что четыре основных пункта останутся без изменения, т.е. репатрианты должны подтвердить, что они ранее проживали в Ракхайне, что возвращение добровольное, что родители детей, рожденных в лагерях беженцев, родом из Мьянмы, что члены разделенных семей должны иметь юридическое подтверждение от властей Бангладеш. В остальные пункты требуется внести поправки, в частности, необходимы законные процедуры против выявления «террористов», которые под видом репатриантов попытаются проникнуть на территорию Мьянмы[16].

Беженцы, желающие вернуться в Ракхайн, должны заполнить специальную анкету, где необходимо указать год и место рождения и какими документами они располагали во время проживания в Мьянме. На севере штата Ракхайн уже сооружаются специальные лагеря для возвращающихся беженцев. Их будут принимать на двух пунктах контрольных пропусков, которые смогут проверить не более 300 человек в день. В случае отсутствия анкеты, одобренной специальной комиссией по верификации, личность будет немедленно отправлена обратно в руки бангладешских пограничников. Относительно числа беженцев из Мьянмы существует огромный разрыв между официальными данными правительства штата Ракхайн и статистикой ООН, которая сильно преувеличивает их количество. Тем не менее процесс верификации и репатриации беженцев, по мнению министра, может растянуться лет на десять[17].

Бывшая правящая Союзная партия солидарности и развития, созданная в свое время военной хунтой и занимающая жесткую позицию по этому вопросу, намерена строго отслежи-

вать и контролировать внесение поправок и корректив в соглашение 1993 г. и весь процесс репатриации беженцев.

---

[1] О проблеме рохинджа см.: *Симония А.А*. Кто такие рохинджа? // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11, с. 27−31; *Симония А.А.* Мьянма 2012: этноконфессиональный конфликт на юго-западе страны // Азия и Африка сегодня. 2013, № 2; Симония А.А. Буддистский радикализм в Мьянме// Азия и Африка сегодня. 2014, № 5, с.27−32.

[2] Report on the Census of British Burma. Part I: The Enumeration and Compilation of Results, 1881; Census of India 1931, Vol XI: Burma, Part I: Report, 1933.

[3] Самоназвание народа «рохинджа» не признается в Мьянме ни правительством, ни армией, ни населением, все называют их «бенгальцами».

[4] The Irrawaddy. 9.10.2017

[5] The Irrawaddy. 21.09.2017

[6] The Atlantic. 25.09.2017

[7] R. Horsey Myanmar Border Attacks Fuel Tensions with Rohingya Muslim Minority// New Update from Crisis Group. 12.10.2016

[8] *Симония А.А.* Мьянма 2012: этноконфессиональный конфликт на юго-западе страны // Азия и Африка сегодня. 2013, № 2

[9] Lintner B. The truth behind Myanmar's Rohingya insurgency. Asia Times.20.09.2017 http://www.atimes.com/article/truth-behind-myanmars-rohingya-insurgency/ (accessed 01.10.2017)

[10] Араканская армия была создана в штате Качин в 2009 г., постепенно расширяет свою активность и в штате Ракхайн. О Северном альянсе см. Симония А.А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 34-35. Москва, ИВ РАН. 2017. С.171−187

[11] The Reuters. 06.08.2017

[12] Towards a peaceful, fair and prosperous future for the people of Rakhine. Final Report of the Advisory Commission on Rakhine State. August 2017. 63 pp.

[13] The Myanmar Times. 25.08.2017

[14] The Irrawaddy. 13.09.2017

[15] The Irrawaddy. 6.11.2017

[16] Radio Free Asia 31.10.2017/ http://www.rfa.org/english/news/myanmar/modify-10312017161158.html (accessed 3.11.2017)

[17] The Myanmar Times. 30.10.2017.

© ***Астафьева Е.М.***
ИВ РАН

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ в СИНГАПУРЕ 2017 г. и ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ПРЕЗИДЕНТ: А БЫЛА ЛИ ВОЗМОЖНА АЛЬТЕРНАТИВА?

13 сентября 2017 г. в Сингапуре прошли очередные президентские выборы. Примечательно это событие двумя фактами: во-первых, всенародного голосования за кандидатуру президента не было, а во-вторых, впервые в истории Сингапура президентом стала женщина – Халима Якоб.

Эти выборы стали первыми после внесенных в конституцию Республики Сингапур поправок, согласно которым, пост президента резервируется за определенной национальной группой. Изменения вступили в силу 9 ноября 2016 г., после одобрения законопроекта в парламенте Сингапура 77 голосами, при этом все 6 членов парламента от оппозиционной Рабочей партии[1] проголосовали «против», предложив провести по этому вопросу референдум[2].

В соответствии с новыми положениями конституции, пост президента может занять представитель национальной группы, не занимавший до этого в течение пяти лет вышеобозначенную должность. Отсчет ведется с первого избранного президента Сингапура – д-ра Ви Кима Ви, занимавшего этот пост в 1985-1993 гг. Поясним, что до этого кандидатура президента Сингапура выдвигалась и утверждалась парламентом, поправки о всенародном избрании на этот пост были внесены в Конституцию только в 1991 г.

Поправки в Конституцию 2016 г. вызвали широкие дебаты в обществе, но не пошатнули уверенности сингапурских властей в правильности принятого решения. В ответ на критику, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун ответил, что президент Сингапура является символом многорасовой нации, и если президентом из срока в срок будет представитель только одной национальности, то «он не только перестанет быть надежным

символом нашей нации, но и сам многорасовый характер нации будет под вопросом» [3].

Таким образом, пост президента на выборах 2017 г. был зарезервирован за представителем малайской этнической группы, представители которой не занимали этой должности с 1970 г.[4] Юсуф Исхак[5] – малаец по происхождению, был первым президентом Сингапура и занимал этот пост с 9 августа 1965 г. – дня провозглашения независимости, до своей кончины в 1970 г.

В преддверии выборов, Тони Тан, занимавший пост президента с 1 сентября 2011 г., сложил свои полномочия 31 августа 2017 г. Выборы президента должны были состояться 23 сентября. Однако, уже 11 сентября 2017 г. Избирательная комиссия сделала заявление, что претендентом на президентский пост зарегистрирован единственный кандидат – бывший спикер парламента Халима Якоб. Уточним, что всего на пост президента было подано пять заявок, однако два претендента были исключены автоматически, поскольку один из них заявил о своей принадлежности к китайской этнической группе, а второй о том, что не считает себя принадлежным к какой-либо этнической общности. Два других кандидата - Фарид Кхан и Мохамед Саллех Марикан, получившие, как и Халима Якоб, мандаты от малайской общины, не были зарегистрированы как несоответствующие квалификационным критериям.

Причины, по которым Комитет по президентским выборам дал отвод этим двум кандидатам, не афишируются. Но, вероятно, причина в том, что капиталы возглавляемых ими компаний не соответствуют минимуму в 500 млн синг. долл. (статья 19(4a) Конституции РС), указанному в качестве одного из обязательных критериев для кандидата в президенты (в случае, если он не занимал ключевых правительственных должностей). Так, по сообщениям прессы, собственный капитал фирмы г-на Марикана Second Chance Properties, составляет всего 238 млн синг. долл., а компании Bourbon Offshore Asia Pacific г-на Фарида – 403 млн синг. долл.[6]

Таким образом, 13 сентября (дата окончания регистрации кандидатов в президенты) Халима Якоб была объявлена избранным 8-м президентом Сингапура.

Г-жа Халима Якоб была приведена к присяге 14 сентября в Истане. В своей речи после инаугурации она заявила: «Я президент для всех. Хотя это зарезервированные выборы, я не «зарезервированный» президент»[7].

Г-жа Халима Якоб приносит присягу (на фотографии слева - премьер-министр Ли Сянь Лун, справа - главный судья Сундареш Менон). Истана, 14 сентября 2017 г. Фотография The Straits Times.

В своей инаугурационной речи г-жа Халима Якоб подчеркнула: «Как ваш президент я буду служить каждому из вас независимо от расы, языка или религии». Она указала на необходимость сохранения основ многорасового общества, заложенного отцами-основателями Сингапура и, конечно, его первым президентом Юсуфом Исхаком. Отдельный пункт своего выступления новоизбранный президент посвятила необходимости поддержания принципов меритократии – одного из столпов сингапурского общества. Также г-жа президент указала на проблемы, решению которых необходимо уделить особое внимание. В частности, это социальные проблемы, связанные со старением населения, и растущими в связи с этим потребностями в области здравоохранения. В экономической сфере – это создание новых рабочих мест, а в области безопасности – необходимость противостоять «разъединяющей силе, бушующей по всему миру, в том числе угрозами экстремистского терроризма и исламофобии»[8].

После церемонии инаугурации, выступивший с речью премьер-министр Ли Сянь Лун отметил, что избрание г-жи Ха-

лимы Якоб на пост президента – это знаковое событие, в очередной раз подтверждающее приверженность Сингапура сохранению многонационального, многокультурного и многоконфессионального общества. Он подчеркнул, что в условиях «нарастания этнического национализма, когда экстремистский терроризм сеет страх и недоверие, а эксклюзивистские религиозные идеологии углубляют разломы в обществе и религии, здесь, в Сингапуре, мы будем сопротивляться этим течениям». Именно это, по словам Ли Сянь Луна, стало одной из причин внесения поправок в Конституцию, гарантирующих представителям каждой из общин возможность избрания президентом страны[9].

Итак, немного подробнее о новом президенте Сингапура. Халима Якоб родилась 23 августа 1954 г. Отец Халимы был индийцем по происхождению, а мать – малайкой[10]. Другими словами, она родилась в семье смешанного индийско-малайского брака, если изъясняться канцелярским языком, принятым при проведении переписи населения в Сингапуре. Почему это кажется важным? Поясним, до 2010 г. в Сингапуре национальность ребенка, рожденного в смешанном браке, определялась по национальности отца[11]. В книге, озаглавленной «50 лет Индийской общине в Сингапуре»[12], г-жа Халима Якоб фигурирует среди выдающихся женщин-политиков как «indian-origin politician», «бывший министр и действующий спикер парламента», но, как известно, г-жа Якоб стала президентом как представитель малайской общины, от которой и получила мандат на участие выборах. Вот такой интересный факт, а выводы читатель может сделать сам.

Халима Якоб получила хорошее образование, несмотря на то, что отец её рано ушел из жизни, и матери пришлось самой воспитывать пятерых детей. Она училась в китайской школе для девочек Танджонг-Катонг, в 1978 г. получила степень бакалавра права в Национальном университете Сингапура (НУС), там же в 2001 г. - степень магистра, а в 2016 г. ей присуждена почетная степень доктора права НУС[13].

Г-жа Халима Якоб начала свою трудовую деятельность в 1978 г. в качестве юриста в Национальном конгрессе профсоюзов. В 1992 г. заняла должность директора департамента юри-

дических услуг. В 1999 г. была назначена директором Сингапурского Института исследований труда (сегодня – Институт труда Онг Тенг Чеонг) и с того же года 4 срока представляла Сингапур в Международной организации труда (МОТ) в Женеве, став при этом **первым** сингапурским гражданином, избранным в эту организацию. Также она занимала пост заместителя председателя Комитета по стандартам Международной конференции труда (МКТ). С января 2008 по май 2011 г. г-жа Якоб находилась на должности Исполнительного секретаря профсоюза электронной промышленности, а также директора секретариата по делам женщин и представляла профсоюзную организацию в Комитете по обзору экономической ситуации, учрежденному в 2001 г. для разработки стратегия восстановления экономики в условиях экономического спада.

В политику г-жа Якоб вошла в 2001 г., после избрания членом парламента по избирательному округу Джуронг. В 2011 г. она была назначена министром по делам развития общин и спорта (MCYS). В этой должности она заложила основу для развития социальных служб Сингапура[14]. Также она является покровителем Ассоциации мусульманских женщин Сингапура и других социальных и благотворительных организаций. За свою деятельность, связанную с защитой прав женщин, г-жа Халима Якоб была награждена рядом премий и наград, а в 2014 г. была включена в Женский Зал Славы Сингапура.

8 января 2013 г. премьер-министр Ли Сянь Лун предложил ее кандидатуру на должность председателя парламента[15], и 14 января она стала **первой** женщиной-спикером парламента в истории Сингапура. В связи с выдвижением её кандидатуры на должность президента, Халима Якоб покинула этот пост 6 августа 2017 г., а незадолго до этого вышла из состава правящей Партии Народного Действия, членом которой была с 2001 г.

Прочитав краткую биографию г-жи президента, в которой эпитет **«первая»** звучит не единожды, можно прийти к выводу, что её назначение на должность президента было предопределено, и её оппоненты, так неожиданно сошедшие с дистанции, по большому счету, не имели никаких шансов на победу в этих президентских выборах.

[1] Астафьева Е.М. Сингапур: всеобщие выборы 2015 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Выпуск XXVI (№ 26, 2015), с. 106.
[2] WP proposes referendum on Presidency, Senate to safeguard reserves http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/wp-proposes-referendum-on-presidency-senate-to-safeguard-reserve-7719578
[3] Elected Presidency: Amendments to Constitution passed in Parliament Read more at http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/elected-presidency-amendments-to-constitution-passed-in-parliame-7719282
[4] The Straits Times, 8 November 2016.
[5] Янг-ди-Пертуан-Негара Сингапура с 1959 г.
[6]Halimah set to be named S'pore's next President, http://www.todayonline.com/singapore/halimah-yacob-be-spores-1st-woman-president-sole-candidate-qualify-reserved-election
[7] http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/halimah-yacob-declared-president-elect-9211392?view=DEFAULT
[8] SWEARING-IN CEREMONY OF THE EIGHTH PRESIDENT OF SINGAPORE http://www.istana.gov.sg/news/speeches/2017/swearing-ceremony-the-eighth-president-singapore
[9] The Straits Times, 14 September 2017.
[10] The Straits Times, 10 January 10 2013.
[11] Астафьева Е.М. Новое в национальной квалификации сингапурцев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XVII (№ 17, 2011), с. 268.
[12] Gopinath Pillai. 50 Years of Indian Community in Singapore. — World Scientific Publishing Co. — P. 107. доступно на https://ru.bookmate.com/books/YnTZYBBB
[13] Halimah Yacob conferred honorary Doctor of Laws degree by NUS, Straits Times (7 July 2016).
[14] Biography of The President. http://www.istana.gov.sg/the-president/biography
[15] PM Lee to nominate Halimah Yacob as next Speaker of Parliament, ChannelNewsAsia (8 January 2013).

© ***Локшин Г.М.***
ИДВ РАН

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ и ФАКТОР КИТАЯ

В складывающейся в АТР системе международных отношений свое место хотя и с опозданием, но всё более активно занимает и Россия. Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что Россия издавна является составной частью Азиатско-Тихоокеанского региона. «Мы рассматриваем этот динамичный регион,- говорил он,- как важнейший фактор для успеха в будущем всей России, также как и для развития Сибири и региона Дальнего Востока»[1]

Следует, однако, признать, что страны ЮВА в прошлом никогда не были приоритетом российской внешней политики и вряд ли их можно считать таковым сегодня. В рамках нового витка активизации восточной политики России ЮВА всё-таки до сих пор была второстепенным участком приложения усилий. На первом плане находятся Китай и страны Северо-Восточной Азии. Однако во внешней политике России в последние годы происходит как бы второе открытие ЮВА, о которой почти забыли в прошедшие два десятилетия после распада бывшего СССР. В мае 2016 г. президент В.В. Путин принимал в своей резиденции в Сочи глав государств АСЕАН на 3-м саммите Россия-АСЕАН, который впервые проходил в России. Он даже призвал к установлению связи между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в едином евроазиатском экономическом пространстве. Однако с учетом ухудшения экономического положения России, трудно ожидать в ближайшее время высвобождения дополнительных ресурсов и качественных изменений в этой системе приоритетов. Поэтому активная работа на «восточноазиатском» азимуте, развитие двусторонних связей с государствами региона, активное участие в деятельности основных региональных многосторонних структур, таких как АТЭС, АСЕАН и других – ещё должны на деле стать важными приоритетами российской внешней политики. От слов и заявлений ещё пред-

стоит перейти к конкретным делам. Будущее наших регионов Сибири и Дальнего Востока самым тесным образом связано с благополучием АТР и той его части, что находится в ЮВА. Сотрудничество с АСЕАН, как убедительно показал прошедший в мае 2016 г. в Сочи 3-й саммит Россия-АСЕАН, - это выход в самый динамично развивающийся регион мира и возможность подключения к интеграционным процессам в АТР, развивающимся объективно и независимо от нас.

Чего может хотеть Россия в ЮВА в долгосрочном плане? Каковы могут быть её стратегические цели в этом регионе?

Россия как крупнейшая азиатская и тихоокеанская держава не может оставаться в стороне от важнейших процессов, развивающихся вблизи от своих дальневосточных рубежей**.**

Скорее всего, речь может идти о том, чтобы занять позицию уважаемой и в то же время нейтральной внешней державы, помогающей поддерживать равновесие в этом крайне нестабильном районе мира.

При всём том, что в центре внимания всего мира сегодня находится Ближний Восток, особенно Сирия, одной из главных арен в соперничестве между мировыми державами за глобальное влияние на наших глазах становится Южно-Китайское море. Именно здесь нарастает напряженность между Китаем и США.

За фасадом формального неучастия России в территориальных спорах в ЮКМ продолжается восстановление былого военного могущества России в АТР. Заключаются многомиллиардные сделки на продажу оружия и энергоресурсов противостоящим участникам споров. Поэтому, даже если Россия не имеет никаких территориальных претензий в ЮКМ, у неё есть свои стратегические цели и интересы, а её действия оказывают определённое влияние на споры в ЮКМ.

Великие державы проводят многоплановую внешнюю политику, отдельные элементы которой могут иногда по некоторым проблемам и районам накладываться друг на друга. Для России проблемы ЮКМ как раз и являются такими, где два курса её политики – системное антигегемонистское противостояние США в глобальном масштабе и несистемное регио-

нальное хеджирование рисков – пересекаются и накладываются друг на друга.

Вступив в новую конфронтацию с США, Россия заинтересована в сокращении глобальной и региональной роли США во всем мире, включая и ЮВА. Но поскольку российско-китайская «антанта» это ещё не военный союз, китайско-американские и российско-американские отношения на данном этапе остаются сугубо двусторонним делом.

Как системный противовес США Россия имеет дело с попытками США сохранить однополярный мировой порядок. Необходимость создания такого противовеса США на глобальном уровне, резкое ухудшение отношений с США и Западом, санкции против неё - всё подталкивает Россию, если не к союзу, которого, судя по всему, не хочет Китай, то к всестороннему сотрудничеству и сближению с ним.

С этой точки зрения политика в ЮВА в целом, включая Вьетнам, для России – это часть большой глобальной игры, в которой она как партнёр не может выступать против Китая и часто оказывает ему негласную, а то и достаточно заметную поддержку (например, в отношении к вердикту Постоянного арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин против КНР).

Отношения России с Китаем и Вьетнамом определяются как стратегическое партнерство. Когда говорят о партнерстве (стратегическом или нет), неизбежно встаёт вопрос кому и зачем оно нужно? Ответ прост – оно должно быть выгодно обоим партнерам. При этом не всегда только в финансово-экономическом плане. В неявном виде это заключается и в их геополитических интересах.

Российско-вьетнамские отношения имеют повышательную тенденцию с началом XXI века и с 2012 г. находятся в статусе «всеобъемлющего стратегического партнерства», что близко к статусу российско-китайских отношений. Хотя с Китаем оно зафиксированы в Договоре, а с Вьетнамом в Декларации.

Сближение России с Китаем в условиях конфронтации и санкций Запада часто осложняет диалог с Вьетнамом из-за продолжающего территориального спора между ними в ЮКМ. Особенно это касается продаж Китаю новейших российских

вооружений, что, естественно, вызывает негативную реакцию среди части вьетнамского руководства и в общественном мнении страны. В связи с этим необходимо ещё раз подчеркнуть, какое историческое значение имела в недавнем прошлом и насколько важна сегодня нормализация российско-китайских отношений во всех областях не только для России, но и для всего АТР, включая, конечно, и Вьетнам.

Вместе с тем, придавая исключительное значение стратегическому партнёрству с Китаем, следует помнить и известное указание, которое оставил нам такой выдающийся востоковед и знаток Китая, как недавно ушедший от нас директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, который учил: «Развивая стратегические отношения с Китаем по всем возможным направлениям, необходимо отслеживать и негативные моменты, которые тоже наличествуют в политике КНР – прежде всего, усиление националистических настроений»[2]. Тот факт, что Китай – это поднимающаяся мировая держава, не даёт ему права навязывать своим соседям юридически необоснованные требования территориального суверенитета чуть ли не на всё ЮКМ. Но это именно то, что в последние годы делает Китай в ЮКМ.

Поэтому на другом уровне – на уровне региональных рисков – политика России мотивируется её внутренними и региональными соображениями. Она материализуется в комбинации усилий, направленных на диверсификацию региональных отношений, предотвращение конфликта и дестабилизации региона, что может крайне отрицательно повлиять на экономические интересы России в АТР, прежде всего на перспективы развития наших районов Сибири и Дальнего Востока.

Наряду с этим политика России также направлена на получение коммерческой выгоды от торговли, от энергетических, инфраструктурных и других совместных проектов и, конечно, от военно-технического сотрудничества (ВТС), которое успешно развивается не только с Вьетнамом, но и с другими странами АСЕАН.

Наше сотрудничество с Вьетнамом и с другими странам АСЕАН, - важное направление совершаемого Россией «поворота на Восток», ставшего особенно актуальным в нынешней международной обстановке. Оно необходимо нам не вместо и

не как альтернатива сотрудничеству с главным партнером в Азии - Китаем, а наряду с ним как возможность диверсифицировать наши политические и торгово-экономические отношения на Востоке и не складывать, как говорят, «все яйца в одну корзину». Это необходимо, чтобы наши развивающиеся отношения с Китаем никогда не превратились в отношения вассала с сюзереном.

В политической сфере между РФ и Вьетнамом существует относительное благополучие. Россия и Вьетнам занимают одинаковые или очень близкие позиции по жизненно важным вопросам современного мирового развития, особенно это касается проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в ЮВА и АТР.

Развивая сотрудничество с Ханоем, включая экспорт вооружений, ВТС вообще, совместную добычу углеводородов на шельфе Вьетнама, Россия создает в ЮКМ более уравновешенную конфигурацию в плане баланса сил и интересов. Поэтому, не выступая открыто против Китая, Россия достаточно заметно проявляет симпатию к позициям Вьетнама по проблемам ЮКМ. Это повторяется уже не один раз в совместных заявлениях, принимаемых на встречах высшего руководства обеих стран.

Содействие повышению оборонительного потенциала Вьетнама не угрожает Китаю, но способствует сохранению мира и стабильности в регионе. Однако это порождает определённую внутреннюю двусмысленность российской политики. Но для России в реалиях времени она не имеет разумной альтернативы. Плохо только то, что эти нюансы российской политики на региональном уровне не объясняются общественности, ни российской, ни вьетнамской.

Инерция массового сознания во Вьетнаме часто не позволяет понять, что Россия сегодня – это не Советский Союз. Россия не является участником всё чаще разгорающихся споров в ЮКМ и, надо полагать, не будет в них втянута. Она исходит из того, что все вовлеченные государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы силой, продолжать настойчивый поиск путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся проблем на основе норм междуна-

родного права, зафиксированных, прежде всего, в Уставе ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Консультации и переговоры по территориальным проблемам ЮКМ должны вести непосредственные участники споров в определенном ими самими оптимальном формате. Россия также поддерживает усилия Вьетнама и государств АСЕАН по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ на основе Декларации о поведении сторон 2002 г., а также согласованных в 2011 г. принципов ее реализации.

Главное последствие этой двухуровневой игры (глобальной и региональной) состоит в том, что территориальный спор в ЮКМ и реакция на него России может меняться в зависимости от того, насколько региональная проблема суверенитета принимает характер противостояния однополярному мировому порядку. В апреле 2016 г. в ряде выступлений министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на международных форумах с участием Китая говорилось о том, что главную ответственность за обострение обстановки в ЮКМ несут США. Это послужило поводом, для слухов о том, что позиция наша начала якобы меняться в сторону поддержки китайской политики в этом регионе. Слухи ещё более усилились после того, как 5 октября того же года в Пекине в кулуарах встречи «Группы 20» президент РФ В.В. Путин фактически поддержал позицию КНР в отношении вердикта ПСА в Гааге. Некоторые аналитики на Западе утверждали, что Россия якобы закрывает глаза на то, что Китай построил искусственные острова и начал размещать на них военную инфраструктуру, что радикально меняет всю обстановку в регионе. В действительности, это не так или не совсем так. Состоявшийся вскоре (в мае 2016 г.) визит премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Россию всё опять расставил по своим местам. Так что говорить о том, что Россия поддерживает территориальные требования Китая в Восточном море или его пресловутую «линию из 9 отрезков» это заявление никаких оснований не дает.

Соответственно, чем меньше в этот конфликт вовлечены США, тем меньше политика России будет связана с системным балансом на глобальном уровне, и тем более вероятно, что она будет определяться страхованием своих региональных рисков.

До сих пор эта двойственная позиция работала так, что обе ее стороны не противоречили друг другу. И как показывают прошедшие встречи руководителей РФ и СРВ, эта политика встречает понимание с вьетнамской стороны.

Политика России сказывается и на стратегических расчётах Пекина. Пекин втягивает Россию в военно-политическое взаимодействие в Восточном море. Пока это привело только к тому, что Россия не очень активно, но всё-таки поддержала китайскую позицию по неприятию решений суда в Гааге. Но дальше ничего не изменилось.

Хотя стратегическое партнерство России и Вьетнама с сильным военно-техническим компонентом может выглядеть в глазах руководителей КНР как антикитайское, в действительности, как это ни странно, оно работает и на интересы Китая, так как помогает сдерживать укрепление альянса Ханоя с Вашингтоном.

Будучи сильно недовольным российскими поставками вооружений Вьетнаму, Китай признаёт, что сокращение или полное прекращение этих поставок приведет к тому, что Вьетнам откажется от своей политики «Три нет» («нет» иностранным военным базам, участию в военных блоках и союзах против Китая), диверсификации военных контактов и пойдет на дальнейшее усиление связей с США, Японией и Индией, что замкнет кольцо окружения и сдерживания вокруг Китая. Поэтому, несмотря на активное сопротивление интернационализации споров в ЮКМ, Пекин не сильно возражает против большего вовлечения России и против её военного сотрудничества с Вьетнамом. Даже возвращение России на базу в Камрань, о котором много говорят в последнее время, для Китая сейчас представляется более приемлемым, чем возвращение туда США.

Высокий статус партнерства и значительные объемы трансфера вооружений Вьетнаму дают России преференциальные условия использования возможностей глубоководного порта в бухте Камрань, где до 2002 г. находился пункт материально-технического обеспечения российского (а ранее — советского) военно-морского флота.

Больше всего не нравится Пекину участие России в разработке месторождений нефти и газа на шельфе Вьетнама, в его Исключительной экономической зоне (ИЭЗ), положенной ему по Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Наряду с Зарубежнефтью, которая успешно занимается этим с 1981 г., там теперь работает и «Лукойл». В 2012 г. «Газпром» также подписал сделку относительно проведения разведки на двух лицензированных блоках континентального шельфа Вьетнама в Южно-Китайском море, получив при этом 49% активов проекта по разработке месторождений, запасы которых, по имеющимся оценкам, составляют около 50 млрд кубических метров природного газа, а также более 25 млн тон газового конденсата. Эти действия вынудили Пекин потребовать, чтобы российские компании покинули этот регион. Но Россия на это не пошла, и сотрудничество в этой области успешно развивается.

В отличие от Филиппин, Вьетнам давно научился плавать среди акул и выживать. А Филиппины с такой политикой, которую проводит новый президент Филиппин Дутерте, вполне рискуют оказаться внутри одной из них. Вьетнам пользуется сотрудничеством с Россией не только потому, что оно само по себе выгодно и приносит ему большую пользу, но и потому что тесные отношения России с Китаем открывают для него ещё один путь улучшения отношений с Китаем, которым он придаёт особое значение.

Вьетнамская народная мудрость гласит: дракон за дверью должен спать спокойно. Поэтому Вьетнам тоже терпеливо продолжает поиск мирного и приемлемого для всех решения споров, развивая сотрудничество с Китаем во всех областях, где это возможно.

На самом деле, партнерство Вьетнама с Москвой и Вашингтоном, с Японией и Индией, со странами АСЕАН усиливает рычаги воздействия Ханоя в отношениях с Китаем, давая ему возможность одновременно укрепляться в военном и экономическом отношении, а также заниматься поисками путей дипломатического разрешения обсуждаемых вопросов. В отличие от отношений с США, партнерство с Россией обеспечивает Вьетнаму необходимый доступ к современным вооружениям и энергетическим технологиям и одновременно

позволяет избежать положения между молотом и наковальней в китайско-американском соперничестве.

А ко всему следует добавить, что Вьетнам располагает большим опытом использования российского оружия и военной техники. Среди его крупных покупок — истребители, фрегаты, торпедные катера и подводные лодки «Варшавянка», последняя из которых была доставлена во Вьетнам в прошлом году. Кроме того, вьетнамские верфи по лицензии производят корветы «Тарантул». Сюда надо добавить противокорабельные ракеты, системы ПВО, включая «С300» и другие новейшие виды вооружений Новой формой взаимовыгодного сотрудничества, которая невозможна без участия России, является лицензионное производство современного оружия на территории Вьетнама, например, ракетных катеров, средств ПВО ближнего боя, самолетов-беспилотников. Его расширение поможет модернизации и повышению боеспособности вьетнамских вооруженных сил, а также сократит шансы конкурентов на поставку этих видов вооружений во Вьетнам. Тем не менее, этот рынок для России тоже становится всё более конкурентным.

Всё это вызывает большое недовольство в Китае. Об этом часто говорится в китайских СМИ. Россия не склонна обращать внимание на это недовольство и продолжает свою достаточно независимую политику в этом вопросе. Учитывая огромное превосходство Китая в военном потенциале, поставки российского оружия Вьетнаму нисколько не влияют на соотношение сил. Это также не означает, что Вьетнам готовится победить Китай в случае войны. И всё же это в определенной мере сдерживает амбиции китайских военных, охлаждает некоторые «горячие головы» в Китае, ибо цена, которую придется заплатить за развязывание конфликта в Восточном море, будет достаточно высокой.

Таким образом, Россия, поддерживая отношения стратегического партнерства с Китаем и Вьетнамом, добивается своих глобальных и региональных целей. Она укрепляет свои позиции в азиатском балансе сил, в определённой мере притормаживает вьетнамско-американское сближение (к которому Вьетнам тоже относится достаточно осторожно) и воздействует

на споры в ЮКМ таким образом, чтобы было больше места переговорам, двусторонним и многосторонним.

Поддержание статус-кво для России, каким бы несовершенным оно ни было, лучше, чем оказаться перед фактом победы одной стороны над другой. Стремление Вьетнама к сохранению своей независимости и самостоятельной внешней политики отвечает интересам России. К сожалению, некоторые важные инициативы России, выдвинутые в 2010 г. (на встрече Медведева и Ху Цзиньтао в Пекине), а затем в 2013 г. (на саммите в Брунее) по разным причинам необходимого развития пока так и не получили.

В осложнившейся международной обстановке российско-вьетнамские отношения тоже подвергаются испытанию на прочность.

На современном этапе российско-вьетнамские отношения остаются, несомненно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в регионе ЮВА, так и в АТР в целом. Но эти отношения больше не могут развиваться по инерции. Пришло время подумать о том, как сохранить их и наполнить новым содержанием, как придать новый импульс пока лишь в основном на словах декларируемому всеобъемлющему стратегическому партнерству. Оно всё ещё не стало всеобъемлющим. Пришло время серьезно задуматься, а может ли Россия предложить Вьетнаму что-то, чего не могут предложить другие? За счет чего наращивать торговый оборот? Достаточно ли только рассчитывать на военно-техническое сотрудничество? Но и здесь встаёт проблема, как поддерживать соотношение цена-качество своей продукции на привлекательном для Ханоя уровне и оставаться конкурентоспособными на этом рынке? Пока все эти вопросы ждут ответа.

Для Вьетнама эти отношения - важная составная часть независимой, самостоятельной, многосторонней и многовекторной внешней политики Вьетнама, утверждённой XII съездом КПВ в январе 2016 г. Сложившаяся для России международная ситуация тоже делает ещё более важными отношения с Вьетнамом как с традиционно дружественной нам страной и надежным стратегическим партнером. У наших двух стран одна об-

щая цель - крепнуть и развиваться в этом опасном и быстро меняющемся мире.

Экономическое сотрудничество явно не удовлетворяет обе стороны. Все последние десять лет товарооборот между Россией и Вьетнамом рос, но в прошлом году снизился на 1,5%, до $3,8 млрд. В том числе экспорт обвалился на 25,5%, тогда как импорт вьетнамских товаров вырос на 20%. В 2017г. году товарооборот вырос почти на 17% за январь – апрель ($1,4 млрд). Но экспорт продолжил снижаться: минус 4,5% ($400 млн). Тогда как импорт продолжил расти: почти на треть за январь – апрель.

В целом работать с Вьетнамом для России выгодно, но вопрос заключается в том, что мы способны ему предложить. Многие проекты оказались невыполненными. Даже в атомной энергетике Россия не смогла закрепиться в стране. В конце 2016 г. Вьетнам решил пересмотреть свою энергетическую стратегию, в результате чего строительство АЭС, с которым были связаны большие планы, оказалось отложено на неопределённый срок. Соглашение о свободной торговле Вьетнам–ЕАЭС пока заметного сдвига не даёт. Российский частный бизнес во Вьетнам всё ещё не идет. Хотя основа партнерства — мощный топливно-энергетический комплекс России, вьетнамский бизнес оказался проворнее. Со стороны вьетнамских компаний в российскую экономику вложено в два с лишним раза больше инвестиций, чем с российской — 2,4 млрд долл.

В.В. Путин на встрече с президентом СРВ в июне 2017 г. в Сочи объявил, что российско-вьетнамский инвестиционный фонд планирует вложить 500 млн долл. в несырьевые проекты, в первую очередь, в фармакологии и в сельском хозяйстве. «Согласовано более 20 крупных совместных инвестпрограмм) на сумму около 10 млрд долл.».

8 сентября 2017 г. в Хошимине состоялось 20-е заседание межправкомиссии по экономическому сотрудничеству. С российской стороны делегацию возглавил Игорь Шувалов. Из сообщений печати всё выглядит прекрасно. Объем торговли за 7 месяцев составил 1,98 млрд дол. И вырос на 27% по сравнению с тем же периодом прошлого года. По инвестициям у РФ 115 проектов в действии общим объёмом 1,06 млрд долл. на июнь

2017 г. У Вьетнама 18 проектов в России объемом в 2,4 млрд долл. Стороны опять выражают надежды, что ЗСТ Вьетнам ЕАЭС поможет к 2020 г. достичь уровня в10 млрд долл.

В отношениях между Россией и Вьетнамом, несмотря на прочные традиции дружбы и сотрудничества, в осложнившейся международной обстановке могут возникать и порой, действительно, возникают некоторые различия в позициях и во мнениях, связанные с рядом объективных различий в геополитических интересах. Иногда это вызывает тревогу, разочарование и непонимание в общественном мнении обеих стран, а необходимая информация на этот счет в научной литературе и в СМИ сильно запаздывает или, к сожалению, вообще практически отсутствует.

Серьёзную озабоченность это вызывает и у многих российских друзей Вьетнама, особенно у тех, кто провел там не один год жизни, помогал в восстановлении и строительстве этой страны или лично участвовал в защите её свободы и независимости от агрессии США. Нас тревожит ослабление многих политических и экономических позиций, общее ослабление влияния России, того, что принято называть «мягкой силой» нашей страны, а главное – угроза утраты её образа надежного друга, как среди политической элиты, так и в широких кругах общественности.

Нейтралитет – не есть безразличие. Даже в своем нынешнем кризисном положении Россия может стать привлекательным экономическим партнером для Вьетнама и АСЕАН. Страна остается большим рынком с низкой конкуренцией, а на российском Дальнем Востоке по-прежнему можно создать условия для притока — пусть и очень больших — вьетнамских инвестиций. В то же время Вьетнам и вся ЮВА — перспективное направление для приложения экономических усилий в традиционных для России отраслях: энергетике, машиностроении, космосе и других.

Одним из важных практических направлений могло бы стать увеличение активности России в существующих институтах многосторонней дипломатии — так, участие президента в саммите АТЭС в Дананге и в Восточноазиатском саммите в Маниле в ноябре 2017 г. уже было бы значительным шагом.

Кроме того, Россия может сделать активным и свой нейтрализм, призвав США к ратификации Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву и объявив, что политические разногласия конкретных государств не должны влиять на свободу экономической деятельности в регионе и не должны ставить под угрозу безопасность торговых путей.

Политика России в этом регионе в целом остается открытой и нацеленной на создание климата доверия и тесного взаимодействия со всеми странами, большими и малыми. У нас нет никаких идеологических или иных противоречий ни с Китаем, ни с традиционно дружественным Вьетнамом, ни с какими другими государствами АСЕАН. Наши двусторонние отношения и участие в многосторонних структурах развиваются. Сегодня главное: установить приемлемые для всех правила игры.

Логически следующим шагом стала бы реализация на деле разрабатываемых мер доверия. Нет необходимости в создании какой-то новой организации. Гибкий механизм многостороннего взаимодействия, основанный на существующих структурах и формах, которые все могут быть включены в расширенную сеть партнерства, как представляется, будет лучше служить потребностям региона. Министр иностранных дел В.С Лавров называет это «сетевой дипломатией» (a network diplomacy)… И мы бы хотели видеть АСЕАН в роли главного двигателя “primos moto” этого процесса и рассматриваем эту организацию главным фактором региональной безопасности и сотрудничества.

В этих условиях и от наших аналитиков и обозревателей также требуется большая осторожность, сдержанность в оценках и ответственность. Главное – не подбрасывать горючее в постоянно тлеющий и всегда готовый разгореться костер противоречий между странами региона.

Диалог между вьетнамской и российской элитами должен стать более глубоким и содержательным, чтобы улучшить понимание и помочь установить доверие.

Во Вьетнаме не раз приходилось слышать вопрос, на чьей стороне будет Россия, если между Китаем и Вьетнамом, не дай бог, разгорится война? Ответ можно было дать только один: такую войну допустить нельзя! При этом на память часто при-

ходят слова, сказанные очень авторитетным разработчиком вьетнамской военно-политической стратегии, заместителем министра обороны СРВ, старшим генералом Нгуен Ти Винем на представительном ежегодном форуме Шангри-ла в Сингапуре в 2012 г. Он сказал, что отстаивая всеми средствами и силами свой суверенитет и территориальную целостность в Восточном море, Вьетнам «сделает всё возможное для того, чтобы бедствие войны больше никогда не пришло вновь на многострадальную землю Вьетнама». Можно только добавить, что научное сообщество и общественное мнение России в этом всегда будут вместе с Вьетнамом.

---

[1] Цит. по Титаренко М.Л. «Геополитическое значение региона Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М. памятники исторической мысли. 2008. С.39.

[2] Цит. По С.Г. Лузянин « Многомерный Китай академика Титаренко М. Л.. Сборник «Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М. ИД «Форум». 2014 . С. 15.

© ***Ле Ван Вьонг***
РУДН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ в СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СРВ в УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ и ДВУСТОРОННЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

Основные тренды глобализации и международной интеграции требуют инноваций в управлении системой в области высшего образования Вьетнама в целях обеспечения и повышения качества подготовки в рамках получения высшего образования в стране. В данной статье дана общая концепция о подходах к подготовке кадров, к созданию механизмов обеспечения качества подготовки в системе высшего образования (СВО), к решению проблем высшего образования во Вьетнаме в течение нескольких периодов[1].

В соответствии с разработанным Министерством образования и подготовки кадров (МОПК) Проектом по обновлению СВО, до 2020 г. во Вьетнаме намечено открыть 900 институтов и колледжей с общим численностью 4,5 млн студентов. Вложенные в этот проект инвестиции составляют 2 млрд долларов США[2].

Впервые во Вьетнаме вопросы обновления СВО были изложены во всеобъемлющем и долгосрочном плане на период 2006-2020 гг., выдвинутом МОПК, для осуществления которого предполагалось привлечь государственные и общественные организации. Прорывные и новаторские решения этого проекта будут способствовать радикальной трансформации высшего образования в СРВ, и, кроме того, этот проект станет ответом на вызовы современности.

Обновление высшего образования во Вьетнаме

Обновление высшего образования является одним из приоритетных и крупных проектов правительства Вьетнама. Он включает в себя семь групп новаторских, прорывных решений. Для реализации данного проекта, Министерство образования и подготовки кадров СРВ разделило его на три этапа.

На первом этапе в 2006 – 2007 гг. МОПК сосредоточило основные усилия на создании единства и согласия в обществе для реализации проекта «Обновление высшего образования» и достижения поставленных целей; стимулирования участия всех государственных и общественных организаций в этом проекте; развитие инноваций в преподавании и методике подготовки, создании дополнительных внутренних проектов в процессе обновления высшего образования.

На втором этапе в период 2008 – 2010 гг. основной задачей МОПК стало создание механизмов обеспечения качества подготовки в СВО, а также налаживание управления и финансовой деятельности вузов, формирования, совершенствования и повышения квалификации преподавательского и управленческого состава всех институтов в СВО Вьетнама.

На третьем этапе в период 2008 - 2011 гг. основная задача МОПК состояла в создании современной СВО в целях обеспечения качественной подготовки специалистов соответствующего уровня с высшем образованием, как и в других странах ЮВА[3].

Подходы к качеству подготовки в системе высшего образования в СРВ по периодам

До середины 1980-х гг. качество высшего образования во Вьетнаме в основном характеризовалось положительно. Поэтому в те годы эти вопросы почти не обсуждалось во вьетнамском обществе. Ключевыми объектами обучения и подготовки в сфере высшего образования были студенты, которые отбирались в процессе специального государственного экзамена для поступления в вузы. Можно говорить о том, что в течение длительного времени при обсуждении качества подготовки СВО СРВ господствовало такое представление, что управление качеством подготовки высшего образования означало контроль входного качества через весьма конкурентный госэкзамен[4].

В тот период обеспечение качества подготовки высшего образования производилось методом контроля и мониторинга. Однако результативность и эффективность этой системы оставалась невысокой, потому что она концентрировала внимание только на выявление тех вузов, которые не соблюдали и не вы-

полняли установленные МОПК правила и стандарты, не обращали внимание на качество подготовки[5].

Предметное рассмотрение вопросов, касающихся подготовки специалистов в СРВ начинается со второй половины 1980-х гг., когда в стране была принята программа всеобъемлющей перестройки, которая также включала в себя реформу и инновации в области высшего образования[6].

1986 г. ознаменовал начало реформы и инноваций в области высшего образования во Вьетнаме. При этом одной из важных задач реформы высшего образования Вьетнама стало повышение «способности готовить» квалифицированные кадры в вузах, максимальное расширение возможностей доступа к высшему образованию всех желающих. В течение почти двух десятилетий с начала реформы и инноваций в СВО, были предприняты различные меры для достижения этих целей. В результате количество учащихся, а также высших учебных заведений в стране многократно увеличилось[7].

Увеличение масштаба и количества вузов, а также студентов требовало выполнения двух основных условий: повышения качества образования и подготовки, а также внедрения новейших образовательных технологий, соответственно, увеличения людских, материальных и финансовых ресурсов. Следовало разработать механизмы управления СВО, обусловленные новым потенциалом управления и новыми возможностями для повышения качества подготовки кадров. Однако, в течение двух последних десятилетий перестройки, правительство Вьетнама делало упор в основном на увеличение финансирования системы высшего образования, но не уделяло достаточного внимания разработке механизмов и повышения уровня руководства и управления во всей СВО страны.

Требованиям к качеству подготовки специалистов сегодня в СРВ уделяется самое пристальное внимание. Однако МОПК не разработало механизмы для мониторинга и оценки эффективности использования финансовых ресурсов в реализации поставленных целей. Хотя бюджетные расходы на высшее образование постоянно растут, качество подготовки специалистов не улучшилось, поэтому необходимо применение новых мето-

дов управления в СВО для повышения качества подготовки специалистов[8].

В соответствии с принятой «Стратегией образования во Вьетнаме до 2020 г.» выдвинуты следующие задачи: «После завершения программы профессионального образования учащиеся должны обладать квалификацией и профессиональной этикой, владеть иностранными языками, особенно английским, способностью к работе с учащимися в других странах и регионах, отвечающих требованиям трудового экспорта и конкурентно-способности человеческих ресурсов. К 2020 г. более 98% выпускников должны отвечать корпоративным требованиям работодателя и работы»[9].

2004 г. стал поворотным в развитии менеджмента и управления качеством высшего образования в СРВ. В этом году был принят ряд документов в области СВО, в соответствии с которыми правительство подтвердило политику инновационного управления в СВО на основе применения мониторинга. Этот метод был разработан в США и широко применяется во всем мире с 1990 г.[10].

В связи с этим представляется необходимым упомянуть ряд документов:

- Постановление № 37-2004/QH11, принято 3 декабря 2004 г. на 11 заседании Национального собрания СРВ[11]. В этом постановлении сказано, что управление качеством подготовки специалистов является важнейшей задачей и поэтому необходимо ежегодно проводить контроль качества подготовки специалистов во всех вузах и колледжах;

- Директива № 25/2004/CT-BGD от 2 августа 2004 г., изданная МОПК[12], которая требует от руководства всех образовательных учреждений – вузов и колледжей как можно скорее приступить к осуществлению и совершенствованию организационно-структурной работы в целях обеспечения эффективной деятельности органов контроля и надзора за качеством подготовки специалистов в СВО Вьетнама;

- Постановление МОПК № 38/2004/QD-BGDDT от 2 декабря 2004 г. о порядке контроля и надзора за качеством подготовки специалистов в СВО Вьетнама[13].

Таким образом, впервые в истории развития высшего образования во Вьетнаме был принят пакет конкретных, четких стандартов и критериев, который определяет требования, связанные с качеством подготовки в вузах страны.

С 2005 по 2007 г. в 20 институтах и университетах Вьетнама, в том числе 18 государственных и 2 частных, которые находятся в верхних строках списка вузов, применяется пакет четких стандартов и критериев, который, после определенной корректировки, стал официальным документом об управлении качеством подготовки в СВО[14] и опубликован в ноябре 2007 г.[15].

Пакет стандартов и критериев о качестве подготовки в вузах и колледжах включает в себя следующие пункты[16]:

a). Задачи и цели институтов;

b). Организация и менеджмент;

c). Образовательная и учебная программа;

d). Программа подготовки;

e). Управленческий, преподавательский состав и сотрудники;

f). Студенческий состав / студенты;

g). Научные исследования, применение, развитие и передача образовательных технологий, международное сотрудничество;

i). Библиотека, учебное оборудование и другие материальные объекты;

j). Финансы и финансовый менеджмент.

Можно сказать, что эти 10 пунктов охватывают практически все аспекты, связанные с механизмами управления и функционирования вузов, что является прорывом в области управления образованием в целом. Это дает надежду, что качество подготовки в области высшего образования Вьетнама должно измениться к лучшему в самое ближайшее время.

Система и механизмы обеспечения качества подготовки специалистов в СВО в СРВ

Формирование стандартов качества подготовки специалистов в СВО и планов контроля и надзора за качеством подготовки, должно сопровождаться созданием системы органов,

управлений и механизмов для воплощения этого пакета в жизнь. В настоящее время такая система формируется вместе с механизмами единого государственного управления качеством образования в целом. Так, в частности, управление инспекции и надзора за качеством при МОПК разрабатывает и совершенствует механизмы и методы деятельности для своих нужд и подчиненных ему органов в вузах и колледжах. Система органов инспекции и надзора за качеством образования формируется в вузах и в регионах[17].

Формирование этой системы является результатом постепенного процесса разделения оценки и контроля качества подготовки кадров в вузах. Сначала орган, отвечающий за экспертизу и надзор за качеством подготовки, был лишь одним из отделов при Управлении высшего образования в МОПК. Он был создан в январе 2002 г. и затем, в июле 2003 г. был отделен от Управления высшего образования и преобразован в Управление экспертизы и надзора за качеством подготовки при МОПК согласно Указу № 85/2003/ND-CP.[18] В настоящее время это Управление является высшим органом в области экспертизы и надзора за качеством подготовки в СВО. Управление имеет право принимать решения, связанные с разработкой политики в области образования, а также в создании качественных стандартов, правил и управленческих механизмов для обеспечения качества подготовки в системе образования страны[19].

Следует отметить, что, по указу Министерства образования орган экспертизы и надзора за качеством подготовки является обязательным в организационной структуре любых институтов в СРВ. В настоящее время можно считать, что эта система относительно совершенна. Наиболее важными вопросами являются определение и установление связей между органами экспертизы при МОПК и образовательными учреждениями в регионах. В зависимости от обстоятельств и целей каждый вуз выбирает механизмы для обеспечения надлежащего качества подготовки специалистов. Таким образом, системы экспертизы независимы друг от друга, а также от государственного управления (МОПК).

Различия в механизмах оценки качества образования между странами (например, в нашем случае, между СРВ и РФ) могут быть обобщены по следующим 4 факторам:

(1) агентства и органы оценки качества образования на национальном уровне (правительство и НПО);

(2) отдельные органы экспертизы и контроля качества;

(3) источники финансирования для органов экспертизы и надзора за качеством (государство или вузы)

(4) органы экспертизы и контроля за качеством образования (с участием международных организаций или без их участия)[20].

Обращаясь к анализу этих факторов, можно увидеть, что в настоящее время механизмы обеспечения качества образования Вьетнама становятся разнообразными и полностью зависят от государства, в частности, от МОПК. На национальном уровне при МОПК было специально создано Управление экспертизы и надзора качества подготовки специалистов. Оно не имеет самостоятельных и отдельных полномочий от министерства, финансирование его деятельности обеспечено государством через МОПК, а также без участия международных экспертов по оценке качества образования. Отсутствие разнообразия свидетельствует о том, что эта система не является совершенной, поэтому необходимо создать позитивное воздействие на качество образования, чтобы достичь поставленных целей в реформировании образования в СРВ[21].

Деятельность по обеспечению необходимого качества образования в СРВ: достижения и проблемы

Можно сказать, что система обеспечения и надзора за качеством образования в СРВ достигла больших успехов в последнее время. Если в начале XXI в. никакой экспертизы и контроля за качеством образования во Вьетнаме не было, то всего лишь несколько лет спустя, это стало обязательным для всех институтов и колледжей в СРВ и было институализировано[22].

В последние годы в обеспечении качества подготовки специалистов с высшим образованием достигнуты следующие успехи[23]:

a) Создано Управление экспертизы и контроля за качеством подготовки специалистов на национальном уровне при МОПК ;

b) Установлены нормы и правила экспертизы и контроля за качеством образования для институтов и колледжей;

c) Приняты и во многом реализованы планы по экспертизе и контролю за качеством образования в СВО СРВ к 2017 г.

d) Повышена квалификация специалистов и ключевых сотрудников, работающих в системе органов экспертизы и контроля за качеством образования;

e) Активизировалось участие СРВ в международной и региональной системе органов экспертизы и контроля за качеством образования: в проекте (сеть институтов Восточной Азии – East Asia Institution Network), а также сети Азиатско-Тихоокеанского региона – Asia- Pacific Network); Международной ассоциации органов экспертизы и надзора за качеством образования (International Association of the bodies on expertise and supervision for the education quality – IABESEQ) в рамках Международной ассоциации по оценке образовательных достижений IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievements);

f). На двустороннем уровне - в рамках российско-вьетнамской совместной Декларации о стратегическом партнерстве, подписанной президентами РФ и СРВ в ходе визита Президента РФ В.В. Путина в СРВ в марте 2001 г., осуществляется целенаправленное и углубленное сотрудничество между СРВ и РФ в области высшего образования[24].

Хотя в течение последнего времени обеспечение качества образования в СРВ достигло определенных результатов, тем не менее, эта система еще не совершенна. Согласно оценкам международных организаций по экспертизе и надзору за качеством образования, в обеспечении качества образования в СРВ есть следующие проблемы[25]:

a). Система еще несовершенна. Государственный совет по экспертизе и контролю за качеством образования пока не создан;

b). Обеспечение качества подготовки специалистов не удовлетворяет требованиям и целям инновационного развития страны;

c). Механизмы и взаимодействие между органами по экспертизе и контролю за качеством образования недостаточно эффективно. Эти выводы даны самими вузами в СРВ, независимыми общественными органами и учреждениями, Управлением экспертизы и надзора за качеством образования при МОПК, Ассоциацией институтов;

d). Стандарты качества образования не отражают стратификации в системе образования СРВ;

e). Отсутствие системы стандартов, неучастие профессиональных ассоциаций в области образовательной политики в экспертизе и надзоре за качеством подготовки специалистов;

f). Недостаток кадров по количеству и квалификации;

g). Все еще ощущается недостаток информационных систем.

Исходя из вышеизложенных проблем следует отметить, что, по мнению вьетнамских и международных экспертов в области образовательной политики, необходимо обратить самое пристальное внимание на обеспечение качества образования в СРВ на двустороннем, региональном и международном уровнях[26].

В заключение необходимо отметить, что мировая система образования за последние годы существенно изменилась. К числу важнейших направлений и тенденций ее развития следует отнести необходимость подготовки специалистов в условиях быстро меняющегося глобализированного мира; переход к постиндустриальному, информационному сообществу; возникновение и рост глобальных и региональных проблем. Эти проблемы могут быть решены только путем сотрудничества в рамках международного сообщества, на двусторонней и региональной основе, что требует формирования современного мышления у молодого поколения. Всеобщая демократизация общества, расширение возможностей политического и социального выбора, вызывает необходимость развития сферы гражданского образования, в том числе и с учетом международного и двустороннего сотрудничества. Динамичное разви-

тие экономики, потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, рост их профессиональной мобильности – все это требует повышения уровня подготовки специалистов. В этих условиях модернизация образования, а также международное и двусторонне сотрудничество в области образовательной политики, стали важной частью социальной политики многих государств, включая СРВ и РФ.

Сегодня проблемы образования – это приоритетная сфера деятельности правительства СРВ. В процессе международной интеграции и глобализации особое внимание уделяется модернизации процессов подготовки и повышения качества педагогов во всех школах. На пороге второго десятилетия XXI в. как никогда актуальными и важными становятся идеи сотрудничества государств в области образовательной политики, для обмена передовым опытом и инновационными идеями. И в процессе такого сотрудничества сегодня активно участвуют СРВ и РФ.

---

[1] Working Papers 13: Recent Higher Education Reforms in Vietnam: The Role of the World Bank//By Que Anh Dang, ASEM Education and Research Hub for Lifelong Learning, International Research Policy Office, DPU. Danish School of Education (DPU) University of Aarhus, Cobenhagen, Denmark, October, 2009. pp. 1-110.

[2] Education in Vietnam. Development History, Challenges and Solutions. Hanoi, 2012. (Образование во Вьетнаме. История развития, Проблемы и решения, Ханой, 2012 г.), p. 5

[3] Đặng Bá Lãm, Phạm Thanh Nghị. Chính sách và Kế hoạch trong Quản lý Giáo dục. NXB Giáo dục Hà Nội. 1999 (Данг Ба Лам, Фам Тхань Нги. Политика и планирование в области управления образованием. Ханой: издательство «Просвещение». 1999 г., с. 87-88

[4] Education in Vietnam…, pp. 7-8

[5] Nguyễn Cảnh Toàn. Bàn về Giáo dục Việt Nam. NXB Lao Động. Hà Nội, 2002 (Нгуен Кань Тоан. Беседы об образовании во Вьетнаме. Ханой: издательство «Труд», 2002 .), с. 57

[6] Education in Vietnam..., p. 9

[7] Там же, p. 11

[8] Vũ Ngọc Khánh. Tìm hiểu nền Giáo dục Việt Nam trước năm 1945. Hà Nội, 1985. (Ву Нгок Кхань. Изучение образования во Вьетнаме до 1945 года. Ханой, 1985), с. 15

[9] Nguyễn Cảnh Toàn. Bàn về Giáo dục Việt Nam…

[10] Nguyen Ngoc Quan. Essence of the process of education and training personelles. Ha Noi, 1996. (Нгуен Нгок Куан. Суть процесса обучения и образования. Ханой, 1996), с. 42
[11] Фам Тхи Там. Тенденции качества подготовки в системе высшего образования Вьетнама в условиях международной и региональной интеграции. М., 2007., с.13
[12] Phạm Thanh Nghị. Quản lý chất lượng Giáo dục Đại học. NXB Đại học Quốc gia Hà Nội, 2000. (Фам Тхань Нги. Управление за качеством высшего образования. Ханой: издательство Ханойского национального университета, 2000), с. 14
[13] Там же.
[14] Там же, с.14
[15] Vũ Văn Tạo. Giáo dục hướng vào thế kỷ XXI. Đà Nẵng, 2003 (Ву Ван Тао. Образование, устремленное в 21-й век. Дананг, 2003), с. 73
[16] Education in Vietnam..., pp. 13-14
[17] Там же, p. 31
[18] Чан Тхи Тху Хиен. Сравнительно–сопоставительный анализ систем высшего образования России и Вьетнама. Канд. диссертация на соискание степени канд. пед. наук. Шуя, 2012, с. 111.
[19] Phạm Thanh Nghị. Quản lý chất lượng Giáo…, с. 73-74
[20] Working Papers 13: Recent Higher Education Reforms…, p.100
[21] Đặng Bá Lãm, Trần Khánh Đức. Phát triển nhân lực công nghệ ưu tiên ở nước ta trong thời kỳ công nghiệp hóa, hiện đại hóa. NXB Giáo dục, Hà Nội, 2001 (Развивать приоритетные человеческие ресурсы в нашей стране в период индустриализации и модернизации. Ханой: издательство «Просвещение»2001), p. 21. а также - 3, с. 113
[22] Education in Vietnam… Development History, Challenges and Solutions. Hanoi, 2012., pp. 68-69
[23] Там же, p. 733, с. 114
[24] Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. Электронный ресурс http://kremlin.ru/supplement/3283 Дата посещения: 31.05.2017.
[25] Education in Vietnam…, pp. 74-76
[26] Đặng Quốc Bảo, Nguyễn Đắc Hưng. Giáo dục Việt Nam hướng tương lai-Vấn đề và giải pháp. NXB Giáo dục Quốc gia, Hà Nội, 2004 (Дан Кук Бао, Нгуен Дак Хунг. Вьетнамское образование – ориентиры на будущее: вопросы и решения. Ханой: Издательство «Образование», , 2004), с. 67, Education in Vietnam… 5, pp. 80-81, Чан Тхи Тху Хиен. Сравнительно–сопоставительный анализ…, с. 115.

© ***Теханович А.И.***
СПбГУ

ВЬЕТНАМ в КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ США и КНР за ВЛИЯНИЕ в ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В последние десятилетия развернулась серьезная борьба за влияние в Юго-Восточной Азии между Соединенными Штатами и Китаем. Ситуация, которая складывается вокруг Южно-Китайского моря (ЮКМ), является одной из главных угроз стабильности не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире в целом. Спор за архипелаги, находящиеся в этом море, между Китаем и странами-членами АСЕАН после окончания «холодной войны», привлек внимание внерегиональных государств — США, Японии и Индии. Складывающаяся здесь ситуация определяется характером новой геополитической игры, где ключевым аспектом становится американо-китайское соперничество за господство в ЮВА.

Регион ЮКМ входит в состав восточноазиатского сегмента евразийской дуги нестабильности, которая характеризуется системой территориальных споров и геополитических противоречий. Во время «холодной войны» в Восточной Азии была создана устойчивая система блоков и противовесов, которая протянулась от Курильских островов через разделенную Корею, Тайваньский пролив до Вьетнама[1]. Можно сказать, что дуга зафиксировала раздел сфер влияния, и нарушение сложившихся разграничительных линий одним из игроков, рассматривается как сигнал к незамедлительным ответным действиям со стороны других, которые могут выражаться в оказании политического, дипломатического, экономического, финансового, военного или информационного воздействия. Усиление политических и экономических позиций Китая и стремление Соединенных Штатов сохранить и укрепить свои позиции в регионе приводит к усилению давления на малые и средние страны. На сегодняшний день наиболее слабым звеном восточноазиатской дуги нестабильности в регионе является ЮКМ, где территориальные споры привели к развертыванию борьбы за сферы влияния

между КНР и США, что, в свою очередь, может превратиться в борьбу за Вьетнам. Именно здесь происходит подготовка к пересмотру сложившегося геополитического порядка[2].

После развала СССР, когда биполярная система мироустройства прекратила свое существование, а однополярный мир так и не появился, странам ЮВА удалось сделать большой экономический рывок. Это привело к развитию интеграционных процессов на региональном уровне и усилению политического влияния АСЕАН. В этот период Пекин грамотно использовал сложившуюся ситуацию и начал себя позиционировать как нового регионального лидера, который может обеспечить развитие других стран региона. Согласно геополитической стратегии Китая в регионе в этот период, основные усилия направлены на развитие экономических связей со странами ЮВА.

Появление нового центра силы — Китая, а также экономический рывок азиатских стран мог нанести существенный ущерб экономике США, поэтому в Вашингтоне было принято решение применить в отношении стран ЮВА не военные, а экономические меры. Соединенным Штатам было необходимо замедлить слишком динамичный рост региона, который подрывал позиции США — главного мирового лидера[3]. Осенью 1997 г. произошло обрушение азиатских валютных рынков. Данная мера имела успех лишь наполовину «…именно тогда этот, до сей поры универсальный, инструмент дал первую осечку — китайскую экономику обрушить не удалось»[4]. При этом Вашингтону удалось решить важную задачу по дискредитации финансовых рынков ЮВА, что привело к их существенному обесцениванию и снижению доходности.

Азиатский финансовый кризис имел негативные последствия и для США. Доверие азиатских стран к Западу испытало серьезное давление, поскольку «...их самолюбие было очень уязвлено неприкрытым западным диктатом, проводником которого являлся МВФ»[5]. В результате действий Вашингтона свое развитие получили паназиатские настроения и произошло сплочение стран ЮВА вокруг Китая — нового регионального лидера, что привело к созданию в 2010 г. зоны свободной торговли со странами АСЕАН. Следует отметить, что появление

зоны свободной торговли может способствовать более тесному сотрудничеству и все более жесткому привязыванию экономик стран ЮВА к КНР[6].

Превращение Китая в ведущую региональную державу, а также экспансия КНР в ЮКМ привели к переориентации внешнеполитического курса США. КНР рассматривается как основной геополитический противник в регионе, а, следовательно, американская сторона вынуждена перейти к политике «сдерживания» Китая. С начала XXI века происходит «разворот» Соединенных Штатов в сторону АТР в рамках изменения стратегического курса в отношении Китая.

Администрацией Барака Обамы была разработана новая стратегия «хеджирования» («hedging strategy»), которая направлена на создание как экономических, так и политических барьеров против экспансии КНР в регионе. Вашингтон проводит активную политику по развитию и углублению двусторонних отношений не только с традиционными партнерами, но и с новыми, к которым относится Вьетнам. Необходимо также отметить, что представители правящих кругов ряда азиатских стран призывали США вернуться в регион, надеясь получить поддержку в противостоянии с Китаем в ЮКМ.

Одно из ключевых мест в новой политической стратегии США занимает Вьетнам. Поэтому, на сегодняшний день американская сторона прикладывает значительные усилия для превращения СРВ в своего союзника, поскольку именно Вьетнам может стать серьезным противником Китая в случае эскалации конфликта в регионе. Не стоит также забывать и о географическом положении этой страны. Имея военную базу в Камрани, можно контролировать важнейшие морские торговые пути, через которые проходит около половины международной морской торговли.

Установив дипломатические отношения в 1995 г., СРВ и США активно развивают двустороннее сотрудничество во всех областях. К концу 2016 г. товарооборот двух стран составил 47,15 млрд долларов США. В 2013 г. двусторонние отношения были выведены на уровень всеобъемлющего партнерства, а в мае 2016 г., во время официального визита президента США Барака Обамы во Вьетнам, были сняты все ограничения на по-

ставки летального вооружения. Одним из факторов столь впечатляющей динамики развития отношений СРВ и США стало обострение противоречий в ЮКМ.

В 2002 г. руководство КНР и страны-члены АСЕАН подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море[7], согласно которой стороны обязывались решать все возникающие споры мирными способами, путем консультаций и переговоров между вовлеченными в эти споры государствами. Декларация смогла отсрочить на некоторое время назревавшую напряженность в ЮКМ. Территориальные споры вспыхнули с новой силой в 2009 г., после того как Китай провел по всей акватории ЮКМ девятипунктирную линию в форме латинской буквы «U», которую во Вьетнаме называют «бычьим языком» и обозначил свою морскую границу. Тем самым Китай претендовал на присоединение к своей территории около 80% акватории моря, включая почти все острова. С целью подтверждения своих прав, а также международного признания на акваторию и спорные острова, правительство КНР направило в ООН специальное письмо с картой, на которой были обозначены границы Китая по версии Пекина[8]. Китайская береговая охрана начала активно преследовать вьетнамские рыболовные суда, нарушавшие девятипунктирную линию, а ВМС КНР и ВВС КНР провели ряд учений в акватории ЮКМ. Предпринятые шаги спровоцировали не только обострение ситуации в регионе, но и позволили Соединенным Штатам проводить более активную политику «возвращения в Азию».

В мае 2014 г. китайская нефтяная компания CNOOC[9] начала разведку новых месторождений в районе Парасельских островов в ЮКМ, которые, по мнению Ханоя, относятся к его исключительной экономической зоне. В сообщении китайских властей было указано, что на время разведывательных работ запрещается судоходство в радиусе 5 км. Эти действия можно расценивать не только как очередной шаг по эскалации конфликта в регионе, но и как вызов вьетнамской стороне. После этого последовал ряд активных шагов в ЮКМ со стороны как СРВ, так и КНР, что вызвало рост напряженности в этом районе и нанесло серьезный ущерб вьетнамо-китайским отношениям[10]. При этом нужно отметить, что США не заняли четкой позиции

по вопросу принадлежности спорных островов в ЮКМ. После визита в 2010 г. госсекретаря США Хиллари Клинтон во Вьетнам, американская администрация заявила о том, что «США готовы поддерживать тех, кто выступает за сохранение статус-кво в ЮКМ, против попыток КНР закрепить за собой почти три четверти акватории этого моря — примерно 2,2 млн. кв. км.»[11].

Стремясь установить контроль над ресурсами ЮКМ, Китай встретил упорное сопротивление со стороны Ханоя, который считает архипелаги своими исконными территориями. Вьетнам полон решимости отстаивать свои интересы всеми возможными способами и готов обращаться за поддержкой к ведущим мировым державам. На сегодняшний день Вьетнам является ключевым элементом в региональной политике не только США, но и КНР. Но Вьетнам не хочет быть пешкой в чужой игре и всячески пытается избежать этой участи. Для этого Ханой придерживается принципа: чем больше стран вовлечено в геополитическую игру, тем больше возможностей для маневров[12]. Усиление Китая всегда является угрозой для национальной безопасности Вьетнама. Именно этим можно объяснить стремление вьетнамского руководства развивать дружеские отношения не только с традиционными партнерами, такими как Россия, но и с новыми — США.

Внешнеполитический курс Китая в отношении Вьетнама остается практически неизменным на протяжении многих лет, что играет на руку США. Несмотря на то, что и в КНР, и в СРВ у власти находятся коммунистические партии, поддерживающие между собой межпартийные связи на высочайшем уровне, оба государства подвергаются давлению по вопросам прав человека со стороны Вашингтона. Китай не готов идти на какие-либо уступки по ключевым для Вьетнама вопросам территориальных споров. Тем самым, Пекин показывает вьетнамскому руководству, что факт сближения с США не может быть использован для оказания давления на Китай. Такая позиция КНР может подтолкнуть Вьетнам к выбору в пользу США[13].

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что Соединенным Штатам удалось включиться в региональные геополитические игры после азиатского финансового кризиса. Пекин использовал последствия кризиса для своего усиления и пре-

вращения в одну из ведущих мировых держав. Однако увеличение давления на страны ЮВА в контексте территориальных споров и активная наступательная политика КНР в ЮКМ оказывает негативное влияние на безопасность в регионе, провоцирует гонку вооружений среди азиатских стран и позволяет США играть на противоречиях между странами. Стремление Китая доминировать в ЮВА провоцирует США вести все более активную политику по созданию «линии сдерживания» КНР.

В сложившейся ситуации Вьетнам находится меж двух огней. При этом Ханой может успешно преодолеть возникающие внешнеполитические угрозы, лавируя между КНР и США и создавая свою собственную систему противовесов в отношениях с этими странами.

---

[1] Колотов В.Н. Евразийская дуга нестабильности: предварительные итоги 2016 г. / Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Азии: итоги 2016 г. Спб., 2016. С. 35

[2] Там же. С. 35

[3] Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». М., 2003. С. 315.

[4] Там же. С. 315.

[5] Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 15.

[6] Мосяков Д.В. Большая «игра» в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. № 13. С.5.

[7] Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // [Электронный ресурс] URL: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (дата обращения: 02.12. 2017).

[8] Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 20 // Научная электронная библиотека КиберЛинка [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/asean-i-territorialnye-spory-v-yuzhno-kitayskom-more (дата посещения: 02.12.2017).

[9] CNOOC (China National Offshore Oil Corporation) — Китайская национальная шельфовая нефтяная компания, третья по величине нефтяная компания Китая.

[10] Денисов Д.В. Первомайская демонстрация. Конфликт Китая и Вьетнама ставит Россию в неудобное положение // Lenta.Ru (Лента.Ру). – 2014. – 17 мая. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/articles/2014/05/16/china/ (дата обращения: 22.10.2017).
[11] Мосяков Д.В. Сближение Вьетнама с США и политика КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. №26. // Научная электронная библиотека КиберЛинка [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sblizhenie-vietnama-s-ssha-i-politika-knr (дата обращения: 22.04.2017).
[12] Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. Спб., 2013. С. 68-69.
[13] Там же. С. 69.

© ***Захаров А.О.***
ИВ РАН

ЗАМЕТКИ о ПОЛИТОГЕНЕЗЕ в ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ в I тыс.[1]

За двадцать лет, прошедших с выхода в свет критической статьи британской исследовательницы Джен Виссеман Кристи о становлении государственности в приморской Юго-Восточной Азии (Wisseman Christie 1995) теоретическое осмысление регионального политогенеза идёт в рамках двух основных подходов.

Один из них представлен в первую очередь американским историком Майклом Викери и австралийским археологом Дугалдом О'Рейли (Vickery 1998; O'Reilly 2007). Он заключается, во-первых, в подчёркивании специфики политического строя юго-восточноазиатских политий I тыс., во-вторых, в отрицании применимости к ним понятия «государство». Викери на основании древнекхмерской эпиграфики VII–VIII вв. предложил понятие «поньство» (*poñ*-ship, по аналогии с kingship) в качестве обозначения сложной политической системы, в которой главную роль играли местные «вожди»-*пони*. Он не называет их вождями (chiefs), чтобы избежать некорректных сопоставлений с другими типами вождей, известных по племенам (tribe), вождествам (chiefdom) и иным политическим структурам. О'Рейли, избегая чересчур специальных терминов, называет политическую систему обществ Индокитая до появления Ангкорской империи «вождеством» (chiefdom). Подход Викери и О'Рейли развивает тезис американского историка Оливера Уолтерса (1915–2000) о глубокой самобытности обществ Юго-Восточной Азии и неприменимости к ним индийских и китайских моделей государственности (что практиковалось истори-

[1] Предварительный вариант статьи был представлен на 1-й научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения», НИУ ВШЭ, 19 марта 2015.

ками XX в., знавшими о глубоком культурном влиянии цивилизаций Индии и Китая на Юго-Восточную Азию) (Wolters 1982; 1999).

Второй подход связан с применением другой идеи Уолтерса – *мандалы* (санскр. *maṇḍala* ‘круг царств’) как специфической системы отношений местных политий, характеризующейся неустойчивым положением политии-гегемона. Говорить о *мандалах* предпочитают археологи, для которых слово «мандала» обозначает четырёхуровневую иерархию поселений, отражающую некую политическую систему. Примером такого подхода могут служить труды Стивена Мёрфи (Murphy 2010; 2012).

Была сделана попытка рассмотреть политические системы ранней Юго-Восточной Азии при помощи теории города-государства, или «порта-политии» (Manguin 2000; Kathirithamby-Wells 1990). В итоге французский археолог Пьер-Ив Мангэн пришёл к выводу о «размытой природе» приморских политий островной Юго-Восточной Азии (Manguin 2002) и о том, что «государство – это процесс», а не состояние. (Впрочем, процесс складывается из изменений состояния и состояний изменения.)

Что касается более широких обобщений и теоретического анализа политических систем региона I тыс., то они почти исчезли из научной периодики и встречаются в виде исключений в монографиях. Первой в их ряду стоит книга американского историка Кеннета Холла – «учебник» (textbook) по истории Юго-Восточной Азии до конца XV в. (Hall 2011). Холл повторил в ней свои соображения 1985 г. (Hall 1985) о ведущей роли торговли в становлении сложных политических систем. Другая обобщающая, но коллективная монография, изданная корифеями юго-восточноазиатской археологии Йеном Главером и Петером Беллвудом, оперирует нейтральными терминами «полития», «царство» и «империя», хотя, например, глава об археологии Центрального Вьетнама, написанная английским археологом и историком Уильямом Саусвортом, называется «Прибрежные государства Чампы» (Glover & Bellwood, 2004; Southworth 2004). Переход к истории (transition to history) связывается в монографии с началом нашей эры – временем становления

первых сложных письменных обществ в низовьях Меконга (Stark 2004). В классической монографии французского историка и эпиграфиста Жоржа Сёдеса эти общества назывались государствами (Cœdès 1944; 1948; 1968). Виссеман Кристи в статье 1990 г. связывала появление первых государств в островной части Юго-Восточной Азии с III в. до н.э., хотя никаких письменных свидетельств этого нет до сих пор.

Таким образом, вопрос о политической эволюции региональных политических систем, в том числе политогенезе, если понимать под ним становление государственности, а не вообще политической системы, относительно автономной от других общественных систем, едва ли может считаться решённым. Проблема усложняется вопросом о причинах такой эволюции.

Чтобы ответить на вопрос о появлении государства в Юго-Восточной Азии, необходимо договориться о том, что такое государство. Но до этого нужно, видимо, сформулировать ряд положений, которые поместят Юго-Восточную Азию в контекст мировой истории.

Во-первых, Юго-Восточная Азия ни в коей мере не была районом первичного политогенеза. Как ни трактовать государство и сложные политические системы, все их первые варианты возникли не в Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, Юго-Восточная Азия испытывала значительное внешнее влияние на протяжении всей своей истории. При этом, поскольку этот регион сложился после Второй мировой войны (ранее он был разделён на Французский Индокитай, американские Филиппины, Нидерландскую Индию и Британскую Малайю), внешним влиянием можно считать не только исходящее из явно удалённых районов – областей Южной (уверенно называемых Индией, несмотря на заведомую неточность такого обозначения) и Восточной (часто отождествляемых с Китаем вопреки существованию различных государственных образований на его нынешней территории) Азии, но и то, которое исходило от других областей собственно Юго-Восточной Азии.

В-третьих, я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы говорить о политических процессах в долине Красной реки – областях, исторически занятых (прото)вьетами. Слож-

ные государственные образования на территории нынешнего Северного Вьетнама появились ещё в I тыс. до н.э. и вошли в состав империи Хань во II в. до н.э. (о форме и содержании их зависимости учёные спорят, см. Деопик 2002, *Полное собрание…*; Познер 1994). Поэтому я сосредоточусь исключительно на вопросах политогенеза в областях преимущественно индийского влияния – влияния, шедшего с полуострова Индостан[2].

В целом время появления сложных политических систем, отличающихся различными формами социальной иерархии, иерархией поселений, выделенной управленческой функцией, письменной культурой, относится в Юго-Восточном Индокитае к первым векам нашей эры и совпадает с ростом мировой торговой системы, охватывавшей Римскую империю, Парфянское царство (с III в. – Сасанидский Иран), Кушанское царство и Империю Хань. Именно рост торговых (по меньшей мере обменных) потоков между Восточной и Южной Азией при посреднической роли жителей Юго-Восточной Азии (прямая навигация от Индостана до южнокитайских Наньхао и Гуаньчжоу была открыта лишь в IV–V вв.) привёл, по-видимому, к росту борьбы за доступ к и контролю над торговыми путями, что в свою очередь способствовало выстраиванию местных сложных политических систем. Во всяком случае, таков ход рассуждений К. Холла (Hall 1985).

С I в. н.э. появились археологические признаки нового типа общественно-политической организации – многоуровневая система поселений культуры Окео[3] в низовьях Меконга, на территории современных Камбоджи и Вьетнама. От этой культуры дошли многочисленные артефакты, включая надписи на печатях и инталиях, золотые пластины с изображениями божеств индуистского круга, в некоторых случаях снабженными надписями (Malleret 1960–1963; Le Thi Lien 2005). Известны созданные в первые века нашей эры каналы значительной длины,

[2] В зарубежной литературе оно часто обозначается термином «индический» (Indic). Он мне кажется неблагозвучным и не вполне понятным для русского уха, хотя вполне уместен в английском языке.

[3] Название получила по расположенному в Южном Вьетнаме памятнику Окео, который исследовал французский археолог Луи Малере в 1940-х гг. (Malleret 1960–1963).

в частности связывающий городище Окео с памятником Ангкор Борей канал длиной 90 км (Higham 2002, 237; ср. Manguin 2004, P. 291). Археологи нашли храмы и памятники древнего ваяния и резьбы по дереву, например деревянные статуи Будды (они, правда, более поздние - 300–600 гг., Vo Si Khai 2003, 65, 85; Tingley 2009, 126).

К I, самое позднее – II в. китайские источники относят появление царства Фунань 扶南 (Pelliot 1903), помещаемого историками в низовьях Меконга. К концу II в. (192 г.) китайские и вьетнамские исторические сочинения относят возникновение царства Линьи 臨沂 в районе нынешнего г. Хюе в Центральном Вьетнаме (Stein 1947; Захаров 2015). Эти свидетельства соответствуют археологическим данным последних лет и могут считаться отражением изменения политических систем в Юго-Восточном Индокитае (см. Захаров 2013; 2015).

В IV–V вв. на территории Юго-Восточного Индокитая и Малайского архипелага появились первые царские надписи – тексты, написанные от имени царя и/или прославляющие местного монарха; надписи на печатях могут быть более древними, но они слишком короткие, чтобы дать надёжную информацию о структуре властных отношений (некоторые содержат лишь один слог *oṃ*). Все ранние надписи, включая царские, написаны на санскрите. Лишь в VI–VII вв. в эпиграфику проникли местные языки: древнемалайский – в суматранском царстве Шривиджае, древнекхмерский – в камбоджийском царстве Бхаве (китайское название – Ченла 真臘)[4]. Для составления текстов использовалась письменность индийского происхождения – разновидность брахми, известная под названием «паллава». От VIII в. остались древнейшие датированные царские надписи Явы; ко второй половине века относятся первые примеры использования другой индийской письменности – «нагари» – для записи буддийских царских надписей царей «из рода

[4] Недатированная древнечамская надпись из Донгентяу (Đông Yên Châu) C.174 может относиться к V, равно как и к VI в., но до сих пор остаётся изолированным источником. Более того, она не содержит имени царя и, вероятно, имеет чисто религиозный смысл (Cœdès 1939).

Шайлендров» на Яве[5]. В 802 г. Джаяварман II создал Ангкорскую империю, что, по общему мнению историков, знаменует начало новой эпохи в истории Индокитая, если не всей Юго-Восточной Азии (Cœdès 1968; O'Reilly 2007; Hall 2011; Vickery 1998).

Таким образом, первые достоверные свидетельства о применении письменности обществами Малайского архипелага относятся к IV–V вв. Это надписи царя Мулавармана на жертвенных столбах (*yūpa*) в районе Кутея на юго-востоке Калимантана в долине р. Махакам (Vogel 1918; Chhabra 1935; 1965) и надписи царя Пурнавармана в районе современной Джакарты на западе Явы (Vogel 1925) (см. *рис. 1*).

Рис. 1. Места находок ранних царских надписей Юго-Восточной Азии

Согласно Л.Е. Гринину, разработавшему целостную концепцию эволюции государства,

«Раннее государство – это категория, с помощью которой обозначается особая форма политической организа-

[5] Подборку материалов по эпиграфике см. Захаров 2012; 2013; 2015.

ции достаточно крупного и сложного торгово-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделённая от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые нормы, а также перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства» (Гринин 2011, 30).

В целом описание Фунани в китайских источниках может быть интерпретировано в свете концепции Л.Е. Гринина.

«Цзинь шу» 晉書 («История царства Цзинь»), повествующая о событиях 265–419 гг., но составленная в конце VI – первой половине VII в. Фан Сюань-линем, сообщает:

> «Там есть города, обнесённые стенами, с дворцами и жилыми домами… Они предаются земледелию. Они сеют один год и пожинают в течение трёх[6]. Ещё больше они любят гравировать и чеканить украшения. Для еды у них много утвари из серебра. Налог платят золотом, серебром, жемчугом и благовониями. У них есть книги и помещения для архивов и других вещей. Знаки для письма напоминают используемые народом *ху*. Погребальные и свадебные обряды проходят в общем как в *Линьи*» (Pelliot 1903, 254; ср. Берзин 1995, 109, 247).

[6] По Кл. Жаку, это отражение подсечно-огневого или переложного земледелия (Jacques, Lafond 2007, 51). П. Уитли видел здесь свидетельство размножения черенками, корневыми отростками (ratooning), используемого в разведении саго и сахарного тростника, но в Фунани, вероятно, относящегося к орошаемому рисоводству (Wheatley 1983, 79). Недавно К. Холл интерпретировал это предложение буквально: «Они оставляют урожай в земле, чтобы он рос ещё в течение трёх лет до новой посадки» (“In one year they sow and harvest for three [i.e., they leave it in and it will grow back three years before they have to replant]”, Hall 2011, 48). Как справедливо отметил Майкл Коу, «можно только предполагать, каким образом выращивали рис» (Coe 2003, 55; Higham 2001, 33).

П. Пельо отметил, что помещения означают здесь не только библиотеки, а любые виды хранилищ, и что народы *ху* обитали в Центральной Азии и здесь имеется в виду индийская письменность (Pelliot 1903, 254, n. 1–2). Необходимо помнить, однако, что в Центральной Азии в первые века нашей эры для передачи бактрийского и согдийского языков уже использовалась греческая по происхождению письменность, и поэтому данное указание китайского текста ничего само по себе не значит.

«Нань Ци шу» 南齊書 («История Южных Ци»), рассказывающая об эпохе 479–501 гг. и написанная Сяо Цзы-сянем в начале VI в., свидетельствует:

> «Люди Фунани злы и коварны. Они силой захватывают жителей соседних городов, которые не отдают им должное, и делают их своими рабами. В качестве товаров у них есть золото, серебро и шёлк… Жители Фунани отливают золотые кольца и браслеты и серебряную посуду. Жители Фунани рубят деревья для постройки жилищ. Царь живёт в двухэтажном павильоне. Они окружают свои поселения деревянной оградой… Люди тоже живут в приподнятых жилищах. Делают корабли длиной восемь–девять *чангов*[7]. Они в ширину составляют шесть–семь футов…» (Pelliot 1903, 261).

Согласно «Лян шу» 梁書(«История царства Лян»), описывающей события 502–556 гг. и составленной в первой половине VII в. Яо Сю-лянем:

> «Страна производит золото, серебро, медь, олово, благовоние алоэ, слоновую кость, павлинов, голубых зимородков и попугаев пяти цветов… …жители страны некрасивые и чёрные. Там, где они живут, они не копают колодцев. Несколько десятков семей имеют общий водоём, откуда они черпают воду. Их обычай – поклоняться духам неба. Они делают из бронзы образы этих духов неба; те из них, у кого два лица, имеют четыре руки; те, у кого четыре лица, имеют восемь рук. Каждая рука держит какую-нибудь вещь: то ребёнка, то птицу, то четвероно-

[7] До 22,5 м., считая в 1 *чанге* 2,3–2,5 м (Берзин 1995, 266).

гое, или солнце и луну. Когда царь выезжает или возвращается, он едет на слоне; так же обстоит дело и с сожительницами и людьми дворца» (Pelliot 1903, 263, 269).

Посольства из Фунани прибывали в Китай между 226–231 и 243–244, в 268, 285, 286, 287, 357, 434, 435, 438, 484, 503, 511, 512, 514, 517, 519, 520, 530, 535, 539, 559, 572, 588 и между 618–649 гг. (Wheatley 1983, 153). Фунань была не единственным царством, откуда приходили посольства: согласно «Цзинь шу», «в 6-й год *тай-кан* (285), летом, в четвёртый месяц десять царств, включая Фунань, поднесли дань»; «в тот же год (7-й год *тай-кан*) двадцать одно царство, включая Фунань, и одиннадцать царств, включая Махань, прислали послов поднести дань» (Pelliot 1903, 252).

Итак, по китайским источникам Фунань была страной городов со значительным разделением труда: в ней существовали земледелие, ремёсла и торговля, в том числе на дальние расстояния. В Фунани существовало налогообложение. Жители Фунани строили корабли. Цари выезжали на слонах не позднее V в., о событиях которого рассказывает «Нань Ци шу». По данным «Лян шу» (начало VII в.) статуи богов в Фунани были многорукими, что указывает на индийское влияние. Есть и сведения о рабовладении. В царстве пользовались письменностью, что подтверждается «Нань Ци шу» и «Лян шу»: в 484 г. царь Шэебамо Цзяочжэньжу 僑陳如闍耶跋摩 (Джаяварман из рода Каундиньи) направил к китайскому двору письменное прошение с буддийским монахом Нацесянем-Нагасеной 那伽仙 (Pelliot 1903, 257, 260. 269). Эти данные позволяют считать Фунань ранним государством.

Все ранние царские надписи Юго-Восточной Азии свидетельствуют о том, что их оставили сложные политические системы, которые могут считаться раннегосударственными в терминологии Л.Е. Гринина, о чём я писал в докторской диссертации (Захаров 2013) и двух монографиях (Захаров 2012; 2015). Что касается факторов политогенеза, то надписи позволяют обсудить вопрос о роли войн и завоеваний в этом процессе.

В приводимой ниже *таблице 1* собраны указания источников на войны, завоевания, битвы и победы над противниками.

Таблица 1. Войны в ранних царских надписях Юго-Восточной Азии

Царство/район	Данные надписей
Вокань (Нячанг, Центральный Вьетнам), IV–V вв.	prathamavijayāya «ради первой победы», стр. 7 надписи Вокань С.40[8]
Фунань, V–VI вв., царь Гунаварман	yudhi vīra…nāmnā narādhipatinā saha yu… «в битве, [в которой участвовал] царь по имени Вира вместе с…»; ripugaṇās «войска врагов»; nirdagdhārāma «сожжённый сад»; jambāttabhojakapade «завоёванной в грязи обители жрецов / владении», надпись Прасат Преам Ловен К.5
Ват Фу (Лаос), царь Деваника, V–VI вв.	dhanañjaya iva ripugaṇavijaye «в победе над множеством/войсками врагов подобный Арджуне (Дхананджая)»; dviṣadanekānīkāvāptavijayo vijaya iva «добившийся победы над многими войсками врагов, как Арджуна (Виджая)», стр. 8 и 14 надписи Ват Фу К.365
Кутей (юго-восток Калимантана, Индонезия), царь Мулаварман, V в.	śrī-mūlavarmma rājendra[ḥ] sama(re) jitya pārtthi[vān] karadāṃ nṛpatīṁś=cakre yathā rājā yudhiṣṭhiraḥ «Владыка царей Шри Мулаварман, победив царей в битве, сделал царей данниками, как царь Юдхиштхира», надпись С издания Chhabra 1965

[8] В исследовательской литературе надписи Камбоджи обозначаются буквой K (от Kamboja), а надписи Чампы – буквой C латиницы (от Champa/Campā), начиная с каталогов Ж. Сёдеса. См. Cœdès 1908; 1937; 1942; 1966; Cœdès, Parmentier 1923; Griffiths et al. 2012.

Царство/район	Данные надписей
Тарумanагара (запад Явы), царь Пурнаварман, V в.	Pracuraripuśarabhedyavikhyātavarmmo «знаменитый панцирь, непроницаемый для стрел многочисленных врагов»; arinagarotsādane «разрушении вражеских городов»; śalyabhūtam ripūnām «наносящий вред врагам» надписи из Джамбу; jayaviśālasya «великого победой» надписи из Кебон Копи
Шривиджая (юго-восток Суматры), царь Джаянаша, VII в.	*yaṃ wala śrīwijaya kaliwat manāpik yaṃ bhūmi jāwa tida bhakti ka śrīwijaya* «…когда войско Шривиджаи отправилось в поход на землю Джава, не преданную Шривиджае» надписи Кота Капур (пер. С.В. Кулланды), войско из 20 тыс. человек, senapati «военачальник», *wala yaṃ … manāpik* «войско для карательной экспедиции» и *wala yaṃ niwawa di samaryyāda* «войско, отправленное в пограничные районы» надписи Сабокингкинг; netā maddāsasenāyāḥ «командир армии моих рабов» (фрагментарная санскритская надпись *b* издания Й.Г. Де Каспариса); wala dualakṣa daṅan ko duaratus cāra de sāmwau daṅan jālan sariwu tlurātus sapulu dua vañakña «армия в двадцать тысяч [человек], а также двести следовали на кораблях и одна тысяча триста двенадцать по суше…» надписи Кедукан Букит (пер. Ж. Сёдеса)
Ява(двипа) (центральная Ява), царь Санджая, VIII в.	sannatārirmmanuriva «как Ману, имеющий врагов склонёнными», raghuriva vijjitānekasā(mantaca)kraḥ «подобно Рагху, победитель многих кругов соседних правителей» надписи из Чанггала 732 г.

Царство/район	Данные надписей
Бхава (Камбоджа), царь Бхававарман (VI–VII века)	śārasanodyogajitārthadānai «с дарами, завоёванными действием лука» надписи К.213
Бхава (Камбоджа), царь Читрасена-Махендраварман (начало VII в.)	jitveman teśam akhilaṅ «завоевав всю страну» надписей К.363, К.496–497, К.508, К.1102, К.1106; vijitya nikhilān deśān «завоевав все страны» надписей К.509, К.377
Бхава (Камбоджа), царь Ишанаварман I (≈616–637)	tena bhūmibhujā vyāptadiśā maṇḍalakīrttinā «этим царём, захватившим страну и прославленным во всём круге царств» надписи К.604 627 г. из Самбор Прей Кук

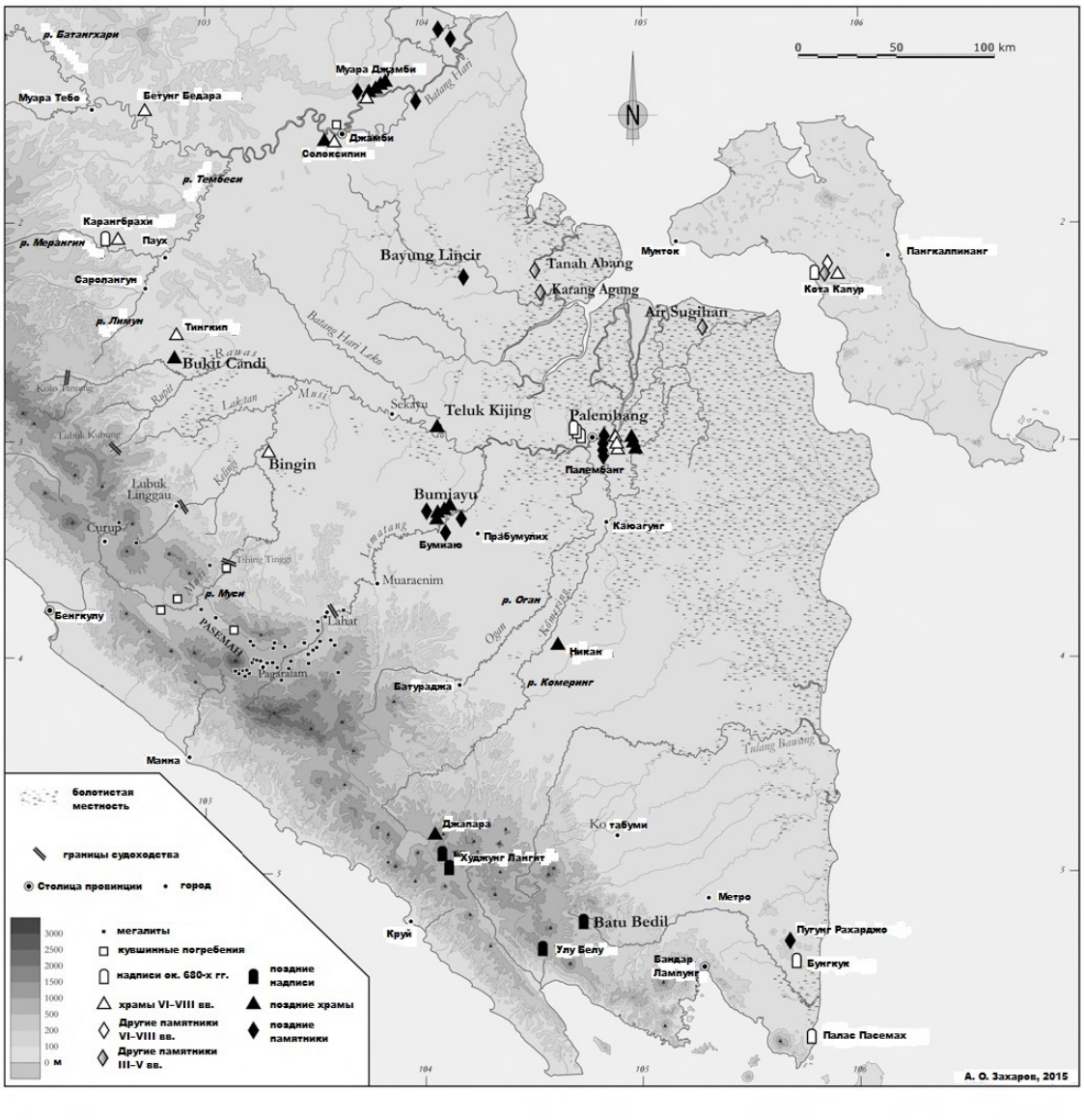
Составлено по: Filliozat 1969; Cœdès 1930; 1931; 1952; 1953; 1956; Chhabra 1965; Vogel 1918; 1925; De Casparis 1956; Кулланда 2001; Barth 1885; 1903; Finot 1928, Seidenfaden 1922.

Данные *табл. 1* отражают, на первый взгляд, военный фактор политогенеза и/или военную функцию царской власти. Эта функция была свойственна вторичному политогенезу и едва ли может быть оспорена: достаточно указать на царства II тыс. до н.э. (Ашшур, Хеттское царство, Митанни, Шан, ведийские арии и т.д.). Приписать её отражение в надписях исключительно санскритской поэтике и эпической традиции на основании языка текстов не удастся, поскольку надписи Шривиджаи из Кота Капур, Кедукан Букит и Сабокингкинг написаны на древнемалайском и не содержат указаний ни на санскритскую поэтику, ни на санскритский эпос.

Сложнее вопрос о том, не было ли упоминание побед выражением исключительно идеологии царской власти. Вероятна гипотеза, что по меньшей мере санскритские надписи описывают никогда не происходившие события с целью возвеличить царей – заказчиков текстов. Древнемалайские надписи Шривиджаи едва ли могут быть интерпретированы таким образом, потому что пространственное распределение так называемых текстов присяги – почти дословных копий одного протографа –

свидетельствует о проникновении флота царя Джаянаши из района г. Палембанга в долине р. Муси на остров Банка (надпись Кота Капур); в историческую область Джамби – долину р. Батанг Хари до её косвенного притока р. Мерангин (надпись Каранг Брахи); на крайний юг Суматры (надписи из Бунгкук и Палас Пасемах) (см. *рис 2*).

Рис. 2. Археологические памятники юго-востока Суматры в VII в.



Источник: Manguin 2009, 437, fig. 19-1; русифицирована А.О. Захаровым

В случаях с Таруманагарой на Западной Яве, Кутеем на Восточном Калимантане, царём Санджаей у нас нет иных памятников, кроме эпиграфических, поэтому невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть свидетельства надписей. Но в отно-

шении Гунавармана и царей Бхавы ситуация иная: их можно сопоставить с данными китайских источников.

В надписи Гунавармана K.5 с памятника Прасат Преам Ловен, расположенного на холме Тхапмыой (Tháp-mười; он же Готхап) в Тростниковой долине (Plaine des Joncs), говорится о царе Джа(явармане), который, по-видимому, был отцом Гунавармана (*nṛpatir jja*[*yavarman*], строка 3, строфа II; *guṇavarmmanāmā… yene… janitā*, строки 10–11, строфа VI, Cœdès 1931, 5–6). Джаяварман упоминается в надписи другого правителя – Рудравармана, K.40 из Та Прохм в камбоджийской провинции Бати. В этом тексте Джаяварман прямо называется отцом Рудравармана (*tatpitrā jayavarmmaṇā nṛpatinādhyakṣo dhanānāṃ kṛtaś* «Его отец, царь Джаяварман, назначил сына надзирателем над имуществом», строка 9, строфа V, Cœdès 1931, 10). Шэебамо-Джаяварман 闍耶跋摩 (ум. 514) упоминается в «Нань Ци шу» (Pelliot 1903, 257). В упомянутом выше прошении, посланном с буддийским монахом Нагасеной, он просил китайский двор о военной помощи против Линьи. «Нань Ци шу» отмечает непрерывные набеги жителей Фунани на Линьи и их общую страсть к подчинению соседей (Pelliot 1903, 262, 261, см. выше). Джаяварман и его сын Лютобамо-Рудраварман 留陁跋摩 упоминаются в «Лян шу» (Pelliot 1903, 269–270). Хотя «Лян шу» молчит об их военных действиях, это объясняется предвзятостью её составителей. Они подчёркивали регулярное поступление дани из Фунани и верность её царей китайскому императору, показывая их исключительно в благоприятном виде. Молчание «Лян шу» не согласуется и с данными «Нань Ци шу» о военных действиях Джаявармана и его подданных. Так что можно не сомневаться в воинственности царей Гунавармана и Джаявармана.

Китайские источники приписывают упадок Фунани двум царям Ченлы – Читрасене и Ишанаварману. Китайская династическая история «Суй шу» 隋書 («История царства Суй») Вэй Чжэна (581–643), законченная в 636 г., рассказывает:

> «Царство Ченла находится к юго-западу от Линьи; первоначально она была подвластна Фунани… Фамилия её (прежнего) царя – кшатрий (*цали*), его личное имя –

Читрасена (質多斯那, Чжидуосына); его предки постепенно усилились; Читрасена присоединил Фунань и владел ею. Он умер. Ему наследовал его сын Ишанасена, он живёт в городе Ишана (т.е. Ишанапура). За его стенами живёт 20 тыс. семейств… Там 30 городов. В городах тысячи семейств/домохозяйств. В каждом есть окружной начальник (*бушуай*). Титулы чиновников такие же, как в Линьи» (Aspell 2013, 17–18; ср. Pelliot 1903, 272; Cœdès 1943, 1).

Согласно «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая история династии Тан»), составленной в XI в. Оуян Сю и Сун Ци, «царь-кшатрий Ишана подчинил Фунань и захватил её территорию в начале эпохи *чжэньгуань* (627–649)» (Pelliot 1903, 275; Седов 1967, 18–19). Ма Дуань-линь в «Вэньсянь тункао» 文獻通考 («Исследование всех главных разделов истории Китая», ≈1254–1323) повторяет «Суй шу»:

«Царство Ченла расположено к юго-западу от царства Линьи. Первоначально оно зависело от Фунани… Родовое имя царя – *Ца*. Личное его имя Чидосына (Читрасена). Во времена его предков Ченла стала могущественной. Чидосына напал на Фунань и подчинил её себе. После его смерти ему наследовал его сын Ишэнасяньдай (伊奢那先代, Ишанаварман). Этот царь сделал своей столицей город Ишэну (Ишанапуру) с населением свыше 20 тыс. семей… В царстве имеется, кроме того, ещё 30 городов, каждый из которых населён несколькими тысячами семей и управляется губернатором. Титулы чиновников здесь такие же, как и в царстве Линьи…» (*Ethnographie* 1883, 476–483; Берзин 1995, 270–272).

Эти свидетельства китайских источников показывают, что завоевательная политика Читрасены-Махендравармана и Ишанавармана I – не только пропаганда авторов их надписей. Имеющиеся сведения позволяют предполагать определенную цикличность политической истории: новый правитель был вынужден вновь подчинять соседей (это верно во всяком случае для Читрасены и Ишанавармана, но может быть обосновано данными китайских текстов о политической истории Фунани с её

сменой династий Хуней, Фаней и Варманов, см. Briggs 1951; Cœdès 1968; Берзин 1995; Захаров 2013).

Фраза «Суй шу» и «Вэньсянь тункао» о сходстве титулов чиновников с оными царства Линьи нуждается в комментарии. Недавно Уильям Аспелл перевёл 47-ю главу «Суй ши», посвящённую Юго-Восточной Азии, гораздо подробнее, чем предшествующие исследователи. В описании Линьи можно прочесть:

> «У них есть два почётных чиновника. Первый называется *си-на-по-ди*, второй – *са-по-ди-ге*. Им подчиняются три разряда чиновников: первый называется *лунь-дуосинь*, второй – *гэ-лунь-чжи-ди*, третий – *и-та-це-лань*. Внешние чиновники (*вай-гуань*, служащие вне столицы) распределены по двумстам округам. Старший из них называется *фу-ло*. Следующие по рангу называются *кэлунь*. Они похожи на клерков (чай) областных губернаторов и окружных судей (в Китае)» (Aspell 2013, 9).

Явный санскритский прототип титула *си-на-по-ди* – *senāpati* «военачальник». В *са-по-ди-ге* Аспелл видит санскритское слово *sarvādhikārin* «надзирающий за всем; первый министр» (Aspell 2013, 9, n. 23). *Фу-ло* отражает санскритское слово *putra* «сын», возможно, сокращение *rājaputra* «царевич» (там же, n. 26). В титуле *ке-лунь* исследователь видит отражение древнекхмерского титула *kloñ*/*khloñ*, широко распространённого в эпиграфике (http://sealang.net/ok/, s.v. ‘id.’).

В любом случае источники показывают сложившуюся государственность, хотя о надёжности их данных об административной иерархии судить трудно. Титулы царей и сановников и топонимы, обозначающие «страну», «город», «местность», которые представлены в ранней царской эпиграфике Юго-Восточной Азии, сведены в *таблицу 2*.

Таблица 2. Политическая и пространственная терминология в ранних царских надписях Юго-Восточной Азии[9]

Царь	Страна/регион	Время	Термины
шримара	Вокань, Нячанг, Вьетнам	IV–V вв.	*шримара* (из тамильского)
Гунаварман, сын Джаявармана	Фунань	V в.	нрипати, нарадхипати, аванидхарапати, васудхадхипа
Рудраварман	Фунань	V–VI вв.	нарадхипа, нрипати
Кулапрабхавати	Фунань	V–VI вв.	раджни, нрипати, раджа, **пура**[10]
Деваника	Ват Фу, Лаос	V–VI вв.	нарендра, махараджадхираджа
Бхававармaн	Си Тхеп, Таиланд	VI–VII в в.	раджа
Бхававармaн	Бхава/Ченла	VI в.	раджа, парватабхупала, нрипа, кшитипати
Читрасена-Махендраварман	Бхава/Ченла	VI–VII в в.	раджа, притхивипати, **деша**
Ишанаварман I	Бхава/Ченла	VII в.	раджа, кшитипа, кшитиша, кшонindра, нрипа(ти), самантанрипа, самантанарешвара, пурешва-

[9] Таблица не носит исчерпывающего характера. Многие надписи, в особенности относящиеся к Бхаве/Ченле, остаются неопубликованными или опубликованы лишь частично. В отсутствие эстампов нет возможности расширить таблицу за счёт новых данных, в частности по древнекхмерской терминологии.

[10] Полужирным шрифтом набраны обозначения разных форм территориальной/поселенческой организации.

Царь	Страна/регион	Время	Термины
			ра, бхумибхудж, аванибхудж, притхивибхудж, нарадхипати, свамин, бхритья, адхикрита, ачарья, врах камратань ань, понь, мратань кхлонь, **мандала, пура, нагара, грама, вихара**
Бхадраварман	Долина Тхубона, Центральный Вьетнам	V–VI вв.	махараджа, раджа, раджаматра, дхармамахараджа, джанапада, ануграха (земельное пожалование)
Кандарпадхарман	Чампа, Хюе	VI в.	чампешвара, **пур**ешвара
Пракашадхарман-Викрантаварман	Чампа	VII в.	нарендра, раджа, раджадхираджа, нрипати, чампешвара, махипати, дхарани-бхудж, кшитипати, нрипатва, нарадхипати, нрипа, Чампа**деша**, Чампа**нагара**, Чампа**пура**параме-швара, Чампа**кшо-ни**швара, **пури, раджья, вишайя, коштхагара**
Мулаварман	Калимантан	V в.	раджа, партхива, нарендра, **бхуми**дана, **пура**
Пурнаварман	Западная Ява	V в.	аванипати, нарапати, нрипа, нарендра, **пу-**

Царь	Страна/регион	Время	Термины
			ра, нагара, шибира[11]
Джаянаша	Шривиджая	VII в.	**кадатуан, вануа, бхуми**, дату, дапунта хиян, хулунтухан
Санджая	Центральная Ява	VIII в.	нарапати, прабху, раджа, саманта, **двипа, деша, раджья**

Составлено по: Cœdès, 1930; 1931; 1937; 1942; 1951; 1952; 1953; 1954; 1956; 1964; 1966; De Casparis 1956; Sarkar 1971; Vogel 1918; 1925; Finot 1902; 1928; Barth 1885; 1903; Filliozat 1969; Jacques 1986.

Явное преобладание санскритских царских титулов над обозначениями слуг разных типов (от министров до рабов) отражает не столько отсутствие оных, сколько сосредоточенность авторов надписей на фигуре царя. Не случайно в древнемалайской, а не санскритской надписи Сабокингкинг, составленной от лица правителя Шривиджаи (скорее всего Джаянаши, но его имя, как и название царства, в тексте не встречается; отнесение источника к его времени основывается на месте находки его и других надписей Шривиджаи, очень близком сходстве шрифтов и содержании этого памятника и «текстов присяги»), перечисление подданных, к которым обращается царь, занимает несколько строк:

> «Все вы, сколько вас ни есть, дети царей, вожди, военачальники, *наяки*, *пратьяя*, наперсники царя, судьи…, *мурдхака*, бригадиры, надзиратели за низшими кастами, ножовщики, *кумараматьи*, *чатабхата*, *адхикарана*… писцы, ваятели, корабельные капитаны, купцы, командиры… и вы, соотечественники царя и рабы царя, – все вы, люди, будете убиты этой клятвой»; *Kāmu wañak=māmu rājaputra proṣṭāra bhūpati senapati nāyaka pratyaya hāji-pratyaya daṇḍanāyaka … mūrddhaka tuhā an watak=wuruḥ addhyākṣī nījawarṇa*[12] *wāṣīkaraṇa kumārāmātya cātabhaṭa*

[11] Шатёр или лагерь.
[12] Читать *nīcavarṇa*.

adhikaraṇa karmma … kāyastha sthāpaka puhāwaṃ waṇiyāga pratisāra dā ...kāmu marsī hāji hulun=hāji wañak=māmu uraṃ niwunuḥ sumpaḥ (De Casparis 1956, 32–33, 36–38, с исправлениями[13]). Примечательно, что в древнемалайском тексте встречается тот же санскритский термин *сенапати*, что и в древнекитайском описании должностей царства Линьи.

VII век, по-видимому, стал переломным в становлении государственности Юго-Восточной Азии. В трёх известных нам по данным эпиграфики царствах в это время появились представления о территориальной организации, а в двух из них – и сама эта организация. В Шривиджае *мандала* обозначала небольшую область внутри царства. Надпись Сабокингкинг (прежнее название Телага Бату II) утверждает:

«Облечённые мною полномочиями *даму*, вы, кто защищает все *мандалы* моего *кадатуана* (царства): наследный принц, второй наследный принц и другие принцы, кто облечен мною должностями/титулами *даму*, – вы прокляты…»; *dy=āku sanyāsa datūa kāmu mamrakṣāña sakalamaṇḍalāñā kadātuanku yuvarāja pratiyuvarāja rājakumāra yam nisamvarddhiku akan=datūa niparsumpahakan=kāmu* (строка 20; De Casparis 1956, 35)[14].

[13] Значение слова *proṣṭāra* не ясно. Многозначность термина *bhūpati* в санскрите не позволяет установить его точное значение в контексте СКК. Оно могло обозначать вассала, но в переводе Йоханнес Гайсбертус Де Каспарис использовал термин «вождь» (De Casparis 1956, 19, 37, n. 4). Он полагал, что слово *mūrdhaka* обозначало лидера некоей группы людей, и перевел его как «вождь кого-либо» (chief of…) (там же, 19–20, 37). Но это толкование сомнительно, так как перед этим термином в надписи пробел и в санскрите оно означает кшатрия (Böhtlingk 1884, 95). Интерпретировать слово *amātya* как «министр» не вполне убедительно, поскольку, как показал Дмитрий Николаевич Лелюхин, оно обозначало сподвижника, спутника (Лелюхин 2001, 23–24). Де Каспарис перевел оборот *marsī hāji* как «прачечники царя» (washermen of king), но позднее Александр Аделар предложил «соотечественники правителя» на основе аналогий между языком *салако* и (древне)малайским (Adelaar 1992, 393–396; ср. Mahdi 2005, 197).

[14] Де Каспарис переводил фрагмент *sakalamaṇḍalāñā kadātuanku* как «все провинции моей империи» (De Casparis 1956, 43).

Но едва ли в Шривиджае существовало территориальное деление, потому что термин *maṇḍala* встречается в ее надписях только раз в надписи, происходящей из центра страны – г. Палембанга, и отсутствует во всех «текстах присяги», расположенных в ее других районах – в долине реки Батангхари, на острове Кота Капур, на южном побережье Суматры (в Лампунге). Правитель Шривиджаи Джаянаша, как и его вассальные правители, носил титул *дату* (хотя и утверждал, что может их назначать). Деление на *мандалы* в надписи Сабокингкинг было скорее риторическим приемом и говорило о желании ее авторов представить царство вполне сложившимся и полноценным сообразно господствовавшим в VII в. представлениям о должном политическом устройстве.

Единственный известный мне случай, когда *мандала* означала именно круг царств, встречается в другом контексте – в датированной 627 г. камбоджийской надписи К.604 из Самбор Прей Кук (здание F_3 храма S; провинция Кампонг Тхом). В ней упоминаются царь Ишанаварман I и его слуга (*бхритья*) брахман Видьявишеша, установивший *лингам* Шивы. Седьмая строфа надписи сообщает, что «этим царем, захватившим страну и прославленным во всем круге царств (*мандале*), этот слуга был назначен управляющим всеми земельными участками и обязанностями» (*tena bhūmibhujā vyāptadiśā maṇḍalakīrttinā bhṛtyo yo ‘dhikṛtas sarvveṣv itikarttavyavastuṣu*; Finot 1928, 44–45; о надписи см. также: Cœdès 1952 17–19)[15]. Таким образом, в этом тексте встречается и слово *diś* «страна». О «слуге» (*бхритья*) Ишанавармана I Ишваракумаре, назначенном защитником города Джъештхапура, который стал на какое-то время его владыкой (*svāmin, mratañ khlon*), говорит надпись с холма Кхау Ной (провинция Прачинбури, Таиланд) К.506 637 г. (Jacques 1986, 81; Cœdès 1953, 23). В недатированной надписи из Ват Прей Венг К.80 (провинция Кандал, Камбоджа), Ишанаварман I называется прославленным владыкой трех царей, дарителем и могущественным правителем трех несокру-

[15] *Vastu* – земельный участок как в «Артхашастре», так и в эпиграфике (*Вигасин, Самозванцев* 1984, 155–160; *Sircar* 1966, 367). *Itikartavya* – «обязанность, долг» (*Monier-Williams* 1899, 165).

шимых городов-*нагар*, победоносным владыкой земли, тройным могуществом подобным Харе (*bhūpatrayasyoruyaśo vidhātā bhoktā valīyān nagaratrayasya śaktitrayasyeva hara sthirasya śrīśānavarmmā jayati kṣitīśaḥ*; Cœdès 1954, 4).

Собранные данные могут служить указанием на то, что при Ишанавармане I существовал аппарат управления, включавший слуг-*бхритья*, назначавшихся на те или иные должности, и что в стране *diś* и круге царств *maṇḍala* существовали земельные участки и города (*vastu* и *pura* или *nagara*). Эти сведения в целом подтверждаются цитированными выше китайскими источниками. Напрашивается и вывод о том, что в разных частях ЮВА одни и те же санскритские слова могли иметь разные значения.

Что касается понятия *deśa* «страна», то оно встречается у предшественника Ишанавармана I Читрасены-Махендравармана. Его стелы К.363 из Фу Локхона (провинция Басак, Лаос) и К.496–497 из Пак Мун или Кхан Тхевада в провинции Убон в Таиланде указывают на завоевание страны: *jitveman teśam*[16] *akhilaṅ* «завоевав всю страну» (Barth 1903, 442–446; Cœdès *apud* Seidenfaden 1922, 57–60; Jacques 1986, 66). Надпись Читрасены-Махендравармана К.509 из Тхам Прасат в провинции Убон (Таиланд) и его же отрывочная надпись К.377 из Ват Сумпхона около Сурина (Таиланд) говорят о завоевании «всех стран» (*vijitya nikhilān deśān*) (Cœdès *apud* Seidenfaden 1922, 58–59; Vickery 1998, 74–75; Cœdès 1953, 3–4; Cœdès 1935, 380–384). Таким образом, термин *деша* мог означать и отдельные страны и всю подвластную Читрасене территорию.

Замена слова *деша* словом *мандала* у Ишанавармана I может отражать большие притязания этого царя, оправданные тем, что его царство охватывало уже и низовья Меконга – бывшие районы Фунани (Захаров 2013, 5–16).

Информацию о территориальном устройстве содержат надписи царей долины Тхубона, расположенной на севере Центрального Вьетнама в современной провинции Куангнам, Бхадравармана (V–VI вв.) и Пракашадхармана-Викрантавармана (VII в.). Хотя их родство не было доказано,

[16] Читать – *deśam*.

оба они покровительствовали храмовому комплексу Мишон, где и найдено большинство их текстов. Согласно надписи С.72 из Мишона, Бхадраварман пожаловал богу Бхадрешваре землю, именуемую *акшаяниви* «вечное владение» [17] и *бхуми* «земля» (A.5, 7): *bhadreśvarāya akṣayī nīvī dattā* «Бхадрешваре дано вечное владение» и *sakuṭumbijanā bhūmi dattā* «земля дана вместе с домовладельцами/крестьянами» (Finot 1902, 188–189; Majumdar 1927, 5–6). Сразу после второго предложения в тексте стоит оборот *janapadamaryyādā*(*ḥ*) – «границы страны». Это единственное упоминание в ранней чамской эпиграфике термина *джанапада*[18], входившего в семерку традиционных элементов государства древнеиндийской политической теории, представленной в дхармашастрах и «Артхашастре», и обозначавшего «сельскую местность»[19].

Можно ли сделать какие-либо выводы из этих данных? Логично предполагать, что дарованная Бхадравармaном богу земля не была единственной в его царстве, тем более что ее границы в последующем тексте надписи строго фиксированы и подтверждены в другой надписи – из Тиемшона С.147 (Finot 1918, 13). Таким образом, в царстве Бхадравармана существовало размежевание земельных владений, по крайней мере, статуса *акшаяниви*. Вполне возможно, хотя едва ли доказуемо, земли находились внутри *джанапады*.

Из вышеизложенного ясно, что слово *бхуми* тоже могло в разных контекстах иметь разные значения: в надписи Бхадравармана С.72 оно означает земельное пожалование, тогда как в надписях Шривиджаи – страну. Интересно, что в надписях на

[17] Я.В. Тарасюк посвятил дарам типа *акшаяниви* в эпиграфике Паллавов отдельную статью. Такие дары не отчуждались и позволяли получать устойчивый доход в форме процентной прибыли (Тарасюк 2004, 196–245).

[18] Указываемое Д.Ч. Сиркаром значение слова *janapada* в эпиграфике «люди сельской местности» (people of the countryside) (Sircar 1966, 133) в данном случае не подходит, потому что лексически не сочетается с понятием границ.

[19] Такими элементами считались государь, *аматья* (министр/советник), сельская местность, укрепленный город/крепость, казна, войско и союзники (*Артхашастра Каутильи* 2009, 219).

жертвенных столбах с Юго-Восточного Калимантана, прославляющих царя Мулавармана, встречается выражение *bhūmidāna* «дар земли». Поскольку этот дар получили жрецы-брахманы (*viprāḥ*), то и в этом случае слово *бхуми* относилось не ко всей стране.

В надписях Пракашадхармана-Викрантавармана данных чуть больше. Наиболее известная его надпись С.96 658 г. из храмового комплекса Мишона сообщает (В.23–25):

> «*Кошткагара* (*koṣṭhāgāra*) Лонь вместе с областью (*viṣaya*) Чаум и *кошткагары* Хаваун, Карннауй, Чау, Питау, Краун, Наджоч, Васауй в (области) Мидит – все это вместе прекрасный Шри Пракашадхарман, владыка Шри Чампы, даровал богам Ишанешваре, Шри Шамбхубхадрешваре и Шри Прабхасешваре для вечного поклонения»; loṅ-koṣṭhāgāraṃ sa-caum-viṣayaṃ havauṅ-karnnauy-caupitau-krauṅ-najoc-vasauy-koṣṭhā | gāra di midit tatrasahitaṃ sarvvam idaṃ śrīmāñ chrī campeśvara śrī prakāśadharmmā bhagavatām īśāne | śvara-śrīśaṃbhubhadreśvara-śrīprabhāseśvarāṇāṃ satatapūjāvidhaye prādāt (Finot 1904, 921).

Согласно словарю санскритской эпиграфики Д.Ч. Сиркара, *кошткагара* означает царский амбар или житницу (royal granary) и может быть сопоставлен с тамильским словом *koṭṭagāram*/*koṭṭāram* «сокровище, сокровищница» (treasure, storehouse), а *вишая* – «округ/район (district), царство или территорию» с многозначительным замечанием: «иногда *вишая* входила в *мандалу*, но в некоторых случаях *мандала* входила в *вишаю*; временами *мандала* и *вишая* были синонимами» (Sircar1966, 160, 377 (цитата)).

Из текста надписи С.96 следует, что *кошткагары* находились в областях-*вишаях*, причем таких областей было не менее двух, и царь мог распоряжаться объектами, находившимися на их территориях.

Таким образом, политическая организация царств Пракашадхармана-Викрантавармана и Ишанавармана I – Чампы и Бхавы (Камбоджи) – может считаться государственной. В пользу этого говорит как активная внешняя политика (Пракашадхарман был внуком Ишанавармана I по матери, согласно

надписи C.96; Finot 1904, 918–925; Huber 1911, 264; Cœdès 1912, 15–16; Finot 1915, 190; Majumdar 1927, 16–27; Golzio 2004, 13–21; Захаров 2012, 126–138), так и земельные пожалования, аппарат управления и территориальная организация.

Как было показано выше, военный фактор, по-видимому, играл важную роль в становлении индианизированных государств Юго-Восточной Азии. Была ли она решающей?

Во-первых, в ускорении общественно-политического развития приморских обществ Индокитая и Малайского архипелага важную роль играла международная торговля, о чём говорилось выше (Hall 1985; Wang Gungwu 1958). Во-вторых, эпиграфические памятники оставили те общества, которые получили индийскую письменность и религию (вследствие неких морских контактов, прямых или опосредованных), а во многих случаях – и санскритские язык, поэтику и литературу, и при этом вели активную и успешную военную деятельность. Завоевание соседей, пусть и непродолжительное, помогало формировать относительно крупные политические единицы, способные снаряжать успешные посольства в Китай. Учитывая эти обстоятельства, можно, видимо, предположить, что становление ранних государств было обусловлено (но не детерминировано) соперничеством за доступ к международным торговым путям.

Но войны, как давно известно, – не единственный фактор вторичного политогенеза (Claessen & Skalník 1978; Claessen & Skalník 1981; Claessen & Oosten 1996). Возникают как минимум вопросы о роли внешнего влияния и о роли идеологии/религии. Почему в значительной части Юго-Восточной Азии были заимствованы элементы индийской культуры? Или, точнее, как эти элементы способствовали политической эволюции региона? Можно ли считать индианизацию фактором политогенеза, сопоставимым по своему влиянию со сражениями/войнами и международной торговлей? Какую роль в политогенезе играла религия, в частности различные течения индуизма и буддизма? Можно видеть в заимствовании религиозных систем или отдельных их элементов особый фактор политогенеза? – Пока на эти вопросы у меня нет ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артхашастра Каутильи: кн. I–II / пер. с санскр., введ., коммент., исслед. и прил. А.М. Самозванцева. М.: Восточная литература, 2009.

Берзин Э.О. *Юго-Восточная Азия с древнейших времён до XIII века*. М.: Восточная литература, 1995.

Вигасин А.А., Самозванцев А.М. *«Артхашастра» (проблемы социальной структуры и права)*. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984.

Гринин Л.Е. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: URSS – Изд-во ЛКИ, 2011.

Деопик Д.В. *Вьетнам: история, традиции, современность*. М.: Восточная литература, 2002.

Захаров А.О. Надпись Пракашадхармы-Викрантавармана из Мишона 658 г.: Вступ. ст., пер. с санскрита и коммент. // *Восток (Oriens)*. 2012. № 1. С. 126–138.

Захаров А.О. *Политическая история и политическая организация раннесредневековой Индонезии (V–начало X в.)*. – М.: Институт востоковедения РАН, НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2012.

Захаров А.О. *Политическая история и политическая организация обществ Юго-Восточного Индокитая и Малайского архипелага в I тыс. н.э.*: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИВ РАН, 2013, 565 с., ил.

Захаров А.О. Политическая история Камбоджи в VI–VII вв.: от Фунани к Ченле // *Восток (Oriens)*. 2013. № 1. С. 5–16.

Захаров А.О. *Политическая история Центрального Вьетнама во II–VIII вв.: Линьи и Чампа*. М.: Институт востоковедения РАН, НОЧУ ВПО «Институт стран Востока», 2015.

Захаров А.О. Царские надписи фунаньской эпохи // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2015. № 1 (47). С. 170–177.

Познер П.В. *История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья*. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1994.

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. М.: Восточная литература, 2002 (Памятники письменности Востока, CXXX, 1).

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю. Леонова, А.В. Никитина и А.Л. Федорина; вступ. ст.

А.Л. Федорина. Т. 2. Внешние анналы. Главы III–V. М.: Восточная литература, 2010 (Памятники письменности Востока, CXXX, 2).

Седов Л.А. *Ангкорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.)*. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1967.

Adelaar A. The relevance of Salako for Proto-Malayic and for Old Malay epigraphy // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* (далее – BTLV). D. 148. No. 3–4. 1992. P. 381–408.

Aspell W. Southeast Asia in the *Suishu:* A Translation of Memoir 47 with Notes and Commentary // *Asia Research Institute Working Paper*, No. 208, September 2013, 33 pp., www.ari.nus.edu.sg/pub/wps.htm.

Barth A. Inscriptions sanscrites du Cambodge. Paris : Imprimérie Nationale, 1885.

Barth A. Inscription sanskrite de Phou Lokhon (Laos) // BEFEO. T. 3. 1903. No. 3. P. 442–446.

Bergaigne A. Inscriptions sanskrites de Campā et du Cambodge. Paris (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale, 37/1), 1893.

Boechari. An Old Malay Inscription at Palas Pasemah (South Lampong) // *Pra Seminar Penelitian Sriwijaya (Jakarta 1978)*. Jakarta: Puslit Arkenas, 1979. P. 19–42.

Boechari. New Investigations on the Kedukan Bukit Inscription // *Pusat Penelitian Arkeologi Nasional, Untuk Bapak Guru. Persembahan para murid untuk memperingati Usia Genap 80 Tahun Prof. Dr. A.J. Bernet Kempers*. Jakarta: Puslit Arkenas, 1986. P. 33–56.

Böhtlingk O. *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. T. V. St. Petersburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1884.

Brandes J.L.A. *Oud-Javaansche Oorkonden*. Nagelaten Transcripties van wijlen Dr. J.L.A. Brandes. Uitgegeven door Dr. N.J. Krom. The Hague: Bataviaasch Genootschap, 1913 (Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen, D. LX).

Briggs L.P. *The Ancient Khmer Empire*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1951 (Transactions of the American Philosophical Society, Held in Philadelphia for promoting useful knowledge, New Series, Vol. 41, Pt. 1).

Chhabra B.Ch. Expansion of Indo-Aryan Culture during the Pallava Rule, as evidenced by inscriptions // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal* (Letters). Vol. I, 1935, No. 1, P. 1–64, 7 pl.

Chhabra B.Ch. Bangkok Museum Stone Inscription of Mahendravarman // *Journal of the Siam Society*. Vol. 49. No. 2. 1961. P. 109–111.

Chhabra B.Ch. *Expansion of Indo-Aryan Culture during the Pallava Rule (as evidenced by inscriptions)*. Delhi: Munshi Ram Manohar Lal, 1965.

Claessen H.J.M., Skalník P. (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton, 1978.

Claessen H.J.M., Skalník P. (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton, 1981.

Claessen H.J.M., Oosten J.G. (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: E.J. Brill, 1996.

Coe M.D. *Angkor and the Khmer Civilization*. New York: Thames & Hudson, 2003.

Cœdès G. Inventaire des inscriptions du Champa et du Cambodge // *Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient* (далее – BEFEO). T. 8. Fasc. 1. 1908. P. 37–92.

Cœdès G. Note sur deux inscriptions du Champa // *BEFEO*. T. 12. Fasc. 8. 1912. P. 15–17.

Cœdès G. Les inscriptions malaises de Çrīvijaya // *BEFEO*. T. 30. 1930. P. 29–80.

Cœdès G. Etudes cambodgiennes. XXV. Deux inscriptions sanskrites du Founan. XXVI. La date de Kôh Ker. XXVII. La date du Bàphûon // *BEFEO*. T. 31. № 1. 1931. P. 1–23.

Cœdès G. Review of: Chhabra B.Ch. Expansion of Indo-Aryan Culture during the Pallava Rule, as evidenced by inscriptions. Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (Letters). Vol. I, 1935, No. 1, pp. 1–64, 7 pl. // *BEFEO*. T. 35. No. 2. 1935. P. 380–384.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. I. Hanoi: Imprimérie d'Extrême-Orient, 1937.

Cœdès G. A New Inscription from Fu-nan // *The Journal of the Greater India Society*. T. IV. 1937. No. 2. P. 117–121.

Cœdès G. La plus ancienne inscription en langue chame // *Eastern and Indian Studies in Honour of F.W. Thomas, C.I.E.* Bombay: New Indian Antiquary Extra Series I, No. 48. 1939. P. 39–52.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. II. Hanoi: Imprimérie d'Extrême-Orient, 1942.

Cœdès G. *Histoire ancienne des états hindouisés d'Extrême-Orient*. Hanoi: Imprimérie d'Extrême-Orient, 1944.

Cœdès G. *Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie*. P.: Editions de Boccard, 1948.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. III. P.: École française d'Extrême-Orient, 1951.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. IV. P.: École française d'Extrême-Orient, 1952.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. V. P.: École française d'Extrême-Orient, 1953.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. VI. P.: École française d'Extrême-Orient, 1954.

Cœdès G. Nouvelles données sur les origines du royaume khmèr: la stèle de Văt Luong Kău près de Văt P'hu // *BEFEO*. T. 48. No.°1. 1956. P. 209–220.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. VII. P.: École française d'Extrême-Orient, 1964.

Cœdès G. *Inscriptions du Cambodge*. T. VIII. P.: École française d'Extrême-Orient, 1966.

Cœdès G. *The Indianized States of Southeast Asia* / Ed. W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu, Hawaii: East-West Center Press, 1968.

Cœdès G., Parmentier H. *Listes générales des inscriptions et des monuments du Champa et du Cambodge*. Hanoi: Imprimérie d'Éxtrême-Orient, 1923.

De Casparis J.G. *Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D.* [Prasasti Indonesia II]. Bandung: Masa Baru, 1956.

Ethnographie des peuples étrangers à la Chine. T. II. *Méridionaux* / par Ma-Touan-Lin; traduit pour la première fois du Chinois avec un commentaire perpétuel par le marquis d'Hervey de Saint-Denys. Genève: H. Georg; Paris: E. Leroux; London: Trübner, 1883.

Finot L. Notes d'épigraphie : Deux nouvelles inscriptions de Bhadravarman Ier, roi de Champa // *BEFEO*. T. 2. 1902. P. 185–191.

Finot L. Notes d'épigraphie : Stèle de Çaṃbhuvarman à Mì-sơn // *BEFEO*. T. III. 1903. P. 206–213.

Finot L. Notes d' épigraphie : Inscriptions du Quang Nam // *BEFEO*. T. 4. No. 1–2. 1904. P. 83–15.

Finot L. Notes d'épigraphie // *BEFEO*. T. 4. 1904. No. 3. P. 672–679.

Finot L. Notes d'épigraphie : Les inscriptions de Mì-sơn // *BEFEO*. T. 4. No. 3. 1904. P. 897–977.

Finot L. Errata et addenda // *BEFEO*. T. 15. No. 2. 1915. P. 185–190.

Finot L. Nouvelles inscriptions du Cambodge // *BEFEO*. T. 28. 1928. P. 43–80.

Glover I.C., Bellwood P. (eds.). *Southeast Asia: From Prehistory to History*. L.: RoutledgeCurzon, 2004.

Golzio K.-H. *Inscriptions of Campā based on the Editions and Translations of Abel Bergaigne, Étienne Aymonier, Louis Finot, Édouard Huber and other French Scholars and of the work of R.C. Majumdar: Newly presented, with minor corrections of texts and translations, together with calculations of given dates*. Aachen: Shaker Verlag, 2004.

Griffiths A., Lepoutre A., Southworth W.A., Thành Phần. Études du Corpus des inscriptions du Campā III. Épigraphie du Campā 2009–2010 : prospection sur la terraine, protection d'estampages, supplément à l'inventaire // *BEFEO*. T. 95–96 pour 2008–2009. 2012. P. 437–497.

Griffiths A., Lepoutre A., Southworth W.A., Thành Phần. *Văn Khắc Chămpa Tại Bảo Tàng Điêu Khắc Chăm – Đà Nẵng / The Inscriptions of Campā*

at the Museum of Cham Sculpture in Đà Nẵng. Hồ Chí Minh: VNUHCM Publishing House, 2012.

Hall K.R. *Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia*. Honolulu: Hawaii University Press, 1985.

Hall K.R. *A History of Early Southeast Asia: Maritime Trade and Societal Development, 100–1500*. Lanham–Boulder–New York–Toronto–Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2011.

Higham, Charles, 1996, *The Bronze Age of Southeast Asia*, Cambridge–New York: Cambridge University press.

Huber E. Etudes indochinoises // *BEFEO*. T. 11. 1911. P. 259–311.

Jacques Cl. Le pays Khmer avant Angkor // *Journal des savants*. 1986. Nos. 1–3. P. 59–95.

Jacques Cl., Lafond Ph. *The Khmer Empire: Cities and Sanctuaries, Fifth to the Thirteenth Centuries*. Bangkok: River Books, 2007.

Kathirithamby-Wells J., Villiers J. (eds.) *The Southeast Asian Port and Polity: Rise and Demise*. Singapore: Singapore University Press, National University of Singapore, 1990.

Le Thi Lien. Gold Plaques and Their Cultural Contexts in the Ok Eo Culture // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. Vol. 25. 2005 (Taipei Papers, vol. 3). P. 145–154.

Mahdi W. Old Malay // *The Austronesian Languages of Asia and Madagascar* // Ed. by A. Adelaar, N.P. Himmelmann. L.–N.Y.: Routledge, 2005. P. 182–201.

Majumdar R.C. *Ancient Indian Colonies in the Far East*: Vol. I. *Champa*. Book III: *The Inscriptions of Champa*. Lahore: Punjab Sanskrit Books Depot, 1927.

Malleret L. *L'Archéologie du delta du Mékong*. T. I–IV. Paris : Ecole Française d'Extrême-Orient, 1959–1963. T. I. *L'exploration archéologique et les fouilles d'Oc-Èo*. 1959. T. II. *La civilisation matérielle d'Oc-Èo*. 1960. T. III. *La culture du Fou-nan*. 1962. T. IV. *Le Cisbassac*: *Texte avec Index et Planches*. 1963.

Manguin P.-Y. City-States and City-State Cultures in pre-15th-Century Southeast Asia // *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre* / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 2000. P. 409–416.

Manguin P.-Y. The amorphous nature of coastal polities in Insular Southeast Asia: Restricted centres, extended peripheries // *Moussons*. No. 5. 2002. P. 73–99.

Manguin P.-Y. The Archaeology of the Early Maritime Polities of Southeast Asia // *Southeast Asia: From Prehistory to History* / Ed. I.C. Glover & P. Bellwood. L.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 282–313.

Manguin P.-Y. Southeast Sumatra in Protohistoric and Srivijaya Times: Upstream-Downstream Relations and the Settlement of the Peneplain //

From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra / Ed. D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel & M.L. Tjoa-Bonatz. Newcastle upon Tune: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 434–484.

Murphy, Stephen, *The Buddhist Boundary Markers of Northeast Thailand and Central Laos, 7th–12th Centuries CE: Towards an Understanding of the Archaeological, Religious and Artistic Landscapes of the Khorat Plateau*: Thesis Submitted to the School of Oriental and African Studies, for the Degree of Doctor of Philosophy University of London September 2010.

Murphy, Stephen, "Measuring mandalas in early Southeast Asian statecraft: a case study from the Chi River system of northeast Thailand, c. 7th–11th centuries CE": Paper presented to the 14th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, Dublin, Ireland, 18th – 21st September 2012.

O'Reilly D.J.W. *Early Civilizations of Southeast Asia*. Lanham–New York–Toronto–Plymouth, UK: Altamira Press, 2007.

Pelliot P. Le Fou-nan // *BEFEO*. 1903. T. 3. Fasc. 1. P. 248–303.

Sarkar H.B. *Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (up to 928 A.D.)*. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay. Vol. I. 1971.

Schweyer A.-V. Chronologie des inscriptions publiées du Campā. Études d'épigraphie cam – I // *BEFEO*. T. 86. Fasc. 1. 1999. P. 321–344.

Seidenfaden E. Complément à l'Inventaire descriptif des monuments du Cambodge pour les quatre provinces du Siam Oriental // *BEFEO*. T. 22. 1922. P. 55–99.

Sircar D.C. *Indian Epigraphic Glossary*. Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarsidass, 1966.

Southworth W.A. The Coastal States of Champa // *Southeast Asia: From Prehistory to History* / Ed. by I.C. Glover, & P. Bellwood. L.–N.Y.: RoutledgeCurzon, Taylor & Francis Group, 2004. P. 209–233.

Stark M. Pre-Angkorian and Angkorian Cambodi // *Southeast Asia: From Prehistory to History* / Ed. by I.C. Glover, & P. Bellwood. L.–N.Y.: RoutledgeCurzon, Taylor & Francis Group, 2004. P. 89–119.

Stein R. Le Lin-yi, sa localisation, sa contribution à la formation du Champa et ses liens avec la Chine // *Han-Hiue Bulletin du Centre d'Études Sinologiques de Pékin*. T. II. 1947. P. 1–335.

Tingley N. *Arts of Ancient Viet Nam: From River Plain to Open Sea*. With essays by A. Reinecke, P.-Y. Manguin, K. Nguyen-Long, & Nguyen Dinh Chien. Houston: Asia Society–The Museum of Fine Arts, 2009.

Vickery M. The Reign of Sūryavarman I and Royal Factionalism at Angkor // *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 16, No. 2, September 1985. P. 226–244.

Vickery M. *Society, Economics, and Politics in Pre-Angkor Cambodia: The 7th–8th Centuries*. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO, 1998.

Vickery M. Funan Reviewed: Deconstructing the Ancients // *BEFEO*. T. 90–91. 2003–2004. P. 101–143.

Vogel J.Ph. The Yūpa Inscriptions of king Mūlavarman, from Koetei (East Borneo) // *BTLV*. D. 74. 1918. P. 167–232.

Vogel J.Ph. The Earliest Sanskrit Inscriptions of Java // *Publicaties van den Oudheidkundigen Dienst in Nederlandsch-Indië*. Batavia, 1925. P. 15–35.

Wheatley P. *Nāgara and Commandery: Origins of the Southeast Asian Urban Traditions*. Chicago: University of Chicago, Department of Geography, 1983 (Research Paper Nos. 207–208).

Wisseman Christie J. Trade and State Formation in the Malay Peninsula and Sumatra, 300 B.C. – A.D. 700 // *The Southeast Asian Port and Polity: Rise and Demise* / Ed. J. Kathirithamby-Wells & J. Villiers. Singapore: Singapore University Press, National University of Singapore, 1990. P. 39–60.

Wisseman Christie J. State Formation in Early Maritime Southeast Asia. A Consideration of the Theories and the Data // *BTLV*. D. 151. No. 2. 1995. P. 235–288.

Wolters O.W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1982.

Wolters O.W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives: Revised Edition*. New York: Cornell University, Southeast Asia Program; Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1999.

© ***Москалев П.Э.***
СПбГУ

«ЗАРУБЕЖНЫЕ КИТАЙЦЫ» в ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛАОСА в КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI вв.

На территории современного государства – Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР), с 1353 до 1707 гг. н.э. существовало королевство Лансанг (*лао.* ລ້ານຊ້າງ), граничившее на севере с территорией современной китайской провинции Юньнань. Непосредственное соседство с Китаем исторически предопределило то, что Лансанг был одним из государств, находившихся в сфере вассально-даннической системы отношений с китайскими императорами.

Информация о первом в истории посольстве с данью из лаосских земель в Китай была зафиксирована в китайских летописях уже в 1403 г., во время правления в Китае императора Чжу Ди (правил 1402 – 1424) из династии Мин (существовала 1368 – 1644)[1]. Лаосские правители продолжали периодически посылать дань в Китай и в последующие столетия вплоть до середины XIX в., когда Лаос стал все больше оказываться в сфере влияния Сиама.

Вассально-даннические отношения, которые поддерживал Лаос со своим крупным северным соседом, не привели к формированию на его территории значительной по количеству китайской иммигрантской диаспоры[2]. Китайские торговцы, в основном из провинций Юньнань и Гуанси, посещали лаосские земли, и были теми немногими лицами китайской национальности, кто добирался до Лаоса вплоть до последних десятилетий XIX в[3]. Большинство китайских торговцев не имели целью иммигрировать на территорию Лаоса для постоянного проживания, их визиты в эту страну носили временный характер.

На протяжении XVIII – большей части XIX вв., после распада единого королевства Лансанг в 1707 г., историческое развитие лаосского общества происходило в условиях существования трех независимых государств: Вьентьяна – на территории северной части бывшего Лансанга, Лунгпхабанга – на террито-

рии центральной части и Тямпасака – в южной части[4].

Каждое из трех независимых лаосских княжеств на протяжении XVIII в. постоянно стремилось восстановить былое единство страны под своей властью, периодически вступая для этого в союзы с более крупными государствами в регионе: Сиамом, Бирмой и Аннамом[5]. В 1774 г. король Сиама Таксин (правил 1767 – 1782) заключил союз с князем Луангпхабанга против бирманцев, а в 1778 г. сиамские войска вторглись в княжество Вьентьян и в течение нескольких месяцев оккупировали его. В том же году сюзеренитет Сиама признало и южное лаосское княжество Тямпасак. После низложения короля Таксина в апреле 1782 г. и провозглашения королем Сиама генерала Пья Чакри (правил 1782 – 1809), Вьентьян и Тямпасак попрежнему оставались сиамскими вассалами, главы местных правительств назначались из Бангкока. Северное лаосское княжество Луангпхабанг, благодаря проведению более гибкой внешней политики, а также тому, что оно находилось дальше от Сиама, сумело сохранить формальную независимость от него в конце XVIII в., но в первой половине XIX в. оно стало все больше попадать в зависимость от Вьетнама.

Французский естествоиспытатель Анри Муо (*фр.* Henri Mouhot, 1826 - 1861) в работе «Путешествие по Сиаму, Камбодже и Лаосу в 1858 – 1860 гг.», опубликованной в 1863 г. в Париже, писал, что: «Торговля в Лаосе ведется не очень активно. Китайцы, проживающие в Сиаме, не добираются туда по причине огромных расходов, которые требует транспортировка товаров на слонах. Примерно раз в год в Лаос прибывает торговый караван из Юньнани и Гуанси, в составе которого около 100 человек и несколько сотен мулов. Они прибывают в феврале и уезжают обратно в марте либо апреле»[6].

Лаос никогда не имел выхода к морю, и исторически всегда располагался несколько в удалении от основных региональных торговых путей. Рельеф этой страны, представлен множеством небольших по площади речных долин, разделенных труднопроходимыми горными массивами, покрытыми густыми лесами. Указанные обстоятельства не могли не оказать влияние на то, что на протяжении веков лаосские земли не особенно привлекали переселенцев, да и даже просто путеше-

ственников из других стран.

Даже когда с конца XIX в. ситуация начинает меняться, и некоторые выходцы из южных провинций Китая, многие из которых до этого уже имели опыт проживания в других странах Индокитая, таких как Сиам и Вьетнам, начали обустраиваться также и в лаосских городах, прежде всего, в двух крупнейших - Вьентьяне и Луангпхабанге[7], количество «зарубежных китайцев» в этой стране все равно оставалось небольшим.

В новой и новейшей истории Лаоса можно выделить два обособленных периода – период французского колониального господства, начавшийся в 1893 г., и период, последовавший за обретением страной независимости в 1954 г. Оба периода характеризуются особенностями, связанными с китайской миграцией на территорию этой страны и положением китайской диаспоры в ней.

В 1893 г. Лаос вошел в состав французского Индокитая. К тому времени Франция уже установила свой контроль над территориями Тонкина, Аннама, Кохинхины и Камбоджи, так что после подчинения Лаоса вся территория Индокитайского полуострова к востоку от Меконга и к югу от Юньнани стала управляться французской колониальной администрацией. После этого только лишь территория независимого Сиама разделяла колониальные владения Франции и Великобритании в Юго-Восточной Азии (ЮВА).

В 1896 г. Англия и Франция заключили соглашение о разделе сфер влияния в Индокитае. Сиам был поделен на три сферы: территория в бассейне Менама была объявлена нейтральной, северные и восточные районы на правом берегу Меконга французской сферой влияния, малайские княжества на юге Сиама английской.

Последнее десятилетие XIX в. стало периодом активизации китайской иммиграции на территорию французского Индокитая в целом, и Лаоса в частности. Во многом это было связано именно с тем, что присутствие французов открывало новые экономические возможности и перспективы для китайских иммигрантов. Китайцы могли устраиваться работать по найму на различных предприятиях, созданных французами, а также выступать посредниками в коммерческих отношениях между

французами и коренным населением.

Для оптимизации издержек по управлению колониями в Индокитае французы привлекали людей из Тонкина, Аннама и Кохинхины для выполнения административных и военных задач на территории Лаоса. В результате, многие вьетнамцы и «зарубежные китайцы», ранее проживавшие на территории Вьетнама, оказывались в Лаосе. Кроме того, французы предлагали различные привилегии для тех людей, которые соглашались на переезд в Лаос с целью сельскохозяйственной разработки незанятых земель, которых там было весьма много, а также развития разного рода предпринимательства[8]. В частности, таким людям колониальные власти предоставляли земельные участки в Лаосе и налоговые льготы.

Для проживавших в городах выходцев из сопредельных стран, главным образом, китайцев - налог был в два раза меньше, чем для лаосцев, однако на них возлагались расходы по организации празднеств и приему приезжавших государственных чиновников[9].

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. во французском Лаосе сложилась прослойка «зарубежных китайцев», многие из которых приезжали не непосредственно из Китая, а из других регионов французского Индокитая, прежде всего, из Вьетнама. Некоторые из них работали в составе колониального административного аппарата, но большинство учреждали предприятия малого бизнеса, участвовали в трансграничной торговле на Меконге, или работали в лаосских городах.

При этом, Лаос, как и вообще весь Французский Индокитай, по-прежнему не были основными направлениями китайской эмиграции на рубеже XIX – XX вв., да и в первые десятилетия XX в. тоже. Преимущественно китайцы все же предпочитали уезжать в Сингапур, Малайзию, Сиам и Индонезию в те годы. Никогда в истории Лаоса процент китайского населения не превышал 2% от общей численности населения страны[10], то есть доля китайского этнического компонента всегда была весьма незначительна, что существенно контрастирует с положением в соседнем Таиланде, или в южной части Вьетнама.

Хотя иммиграция лиц китайской национальности на территорию Лаоса и активизировалась с 1890-х гг. под влиянием

политики французских колониальных властей, вплоть до середины 1920-х гг. в этой стране так и не сложилась значительная по численности китайская община. Лаос к моменту установления над ним французского контроля вообще был не очень густо заселен, в нем к концу XIX в. проживало только около 500 тыс. человек на территории свыше 230 тыс. квадратных километров[11].

К 1921 г. на территории Французского Индокитая в целом насчитывалось около 355 тыс. «зарубежных китайцев», из них только 5 тыс. проживали в Лаосе[12].

Китайские иммигранты в Лаосе в первые десятилетия XX в., также, как и в большинстве других стран Индокитая, имели склонность к тесному взаимодействию друг с другом, взаимопомощи и поддержке своих земляков. Во Вьентьяне в период французского колониального господства существовали две китайские ассоциации, основанные и поддерживаемые представителями разных китайских субэтнических диалектных групп. Более крупная ассоциация объединяла китайцев *«чаочжоуской»* субэтнической диалектной группы, ассоциация поменьше формально была основана китайцами субэтнической диалектной группы *«хакка»,* но допускала также членство китайцев из иных, более малочисленных в Лаосе групп, в частности: *«кантонцев», «миньнаньцев»* и *«хайнаньцев»*. Китайские ассоциации существовали также в таких городах Лаоса, как: Луангпхабанг, Паксе, Саваннакхет, Тхакхек. Также в провинции Сиангкхуанг существовала ассоциация китайцев из провинции Юньнань[13].

Земляческие ассоциации играли чрезвычайно важную роль в жизни китайской общины в Лаосе. С одной стороны, они представляли интересы всех своих членов в отношениях с местными властями, с другой, они сотрудничали с колониальными властями, чтобы обеспечить соблюдение всеми «зарубежными китайцами» требований законодательства. Для вновь прибывавших в Лаос китайских иммигрантов ассоциации оказывали всестороннюю поддержку в поиске жилища и трудоустройстве. Ассоциации также выступали в роли хранителей китайских традиций и сохранения китайской культуры в среде «зарубежных китайцев», под их патронажем в лаосских горо-

дах организовывались фестивали в честь китайских праздников, а также свадебные и похоронные церемонии в соответствии с китайскими традициями.

В более крупных городах Лаоса, в частности, во Вьентьяне, Саваннакхете и Паксе были построены специальные китайские храмы, в других городах «зарубежные китайцы» посещали лаосские буддийские *«ваты»* наравне с лаосцами, несмотря на то, что последние придерживались буддизма традиции Тхеравада, а не Махаяна[14].

В разгар мирового экономического кризиса в 1930-е гг. наблюдался отток китайского населения из Лаоса, численность «зарубежных китайцев» сократилась до примерно 3 тыс. человек на всю страну[15].

В 1940 - 41 гг. колониальное правительство французского Индокитая сотрудничало с правительством милитаристской Японии, допустив японские войска на территорию Индокитая. К концу 1941 г. отдельные подразделения японской армии уже дислоцировались во всех районах Индокитая, при этом колониальная администрация, возглавляемая адмиралом Жоржем Деку, хотя формально и сохраняла свою власть, но фактически была вынуждена идти на любые требования японских военных[16].

Сотрудничество японских милитаристов и французской колониальной администрации в Индокитае продолжалось вплоть до 9 марта 1945 г., когда японцы приняли решение об аресте высокопоставленных французских чиновников и офицеров и предоставлении независимости вьетнамской, камбоджийской и лаосской монархиям. 8 апреля 1945 г. лаосский король Сисавангвонг (годы жизни 1904 – 1959) провозгласил независимость Королевства Лаос. Независимость, конечно, была сугубо номинальной[17].

Ликвидировав французскую администрацию, японские военные власти заявили о включении Лаоса в «Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания» в Восточной Азии. Это было сделано под лозунгами о том, что лаосцы являются «младшими братьями» японцев, Япония будет уважать их обычаи и не станет вмешиваться в их внутренние дела, а также, под лозунгом «Азия для азиатов»[18]. При этом, в условиях японской

оккупации «зарубежные китайцы» в Лаосе испытывали значительные трудности, учитывая, часто резко негативное отношение японцев к китайцам, в которых они видели алчных капиталистов, с одной стороны, а с другой, вполне реальную угрозу для реализации своих планов по объединению всей Азии под руководящим началом идеологии японского милитаризма.

Капитуляция Японии в августе 1945 г. оставила политическую власть в Лаосе в состоянии вакуума, который сразу же стали пытаться заполнить, противоборствуя друг с другом, различные внутренние политические силы, придерживавшиеся разных убеждений относительно дальнейшего развития страны. Осенью 1945 г. король Сисавангвонг попытался восстановить в Лаосе протекторат, ожидая возвращения французов после окончания Второй Мировой войны, но вместо этого был вынужден отречься от престола под давлением со стороны правительства, созданного патриотическим политическим движением «Свободный Лао» во Вьентьяне[19].

12 октября 1945 г. новое правительство повторно провозгласило независимость Лаоса. Однако уже с начала 1946 г. французские войска начали интервенцию на территорию страны, они достаточно быстро разгромили вооруженные силы, сформированные «Свободным Лао» и восстановили марионеточную монархию во главе с Сисавангвонгом в апреле 1946 г.

11 мая 1947 г. была опубликована первая в истории конституция Королевства Лаос, разработанная под контролем французских советников. Она закрепила зависимость Лаоса от Франции, подтвердив его вхождение во Французский союз. Конституция сохраняла институт французских советников и экспертов и объявляла государственным языком французский. В августе 1947 г. были проведены выборы в Национальное собрание Лаоса, к участию в них были допущены только представители имущих классов[20].

19 июля 1949 г. была заключена франко-лаосская генеральная конвенция. Франция формально признавала независимость Лаоса и предоставляла ему право участия в различных органах власти Французского союза, но сохраняла за собой право решать вопросы, связанные с обороной, внешней торговлей и финансами в Лаосе. Кроме того, лаосское правительство

фактически не имело права проводить самостоятельную внешнюю политику, по всем внешнеполитическим вопросам оно обязано было консультироваться с правительством Франции. Все это делало объявленную независимость Лаоса формальной[21].

Однако, после подписания конвенции 1949 г., большинство руководителей движения «Свободный Лао», сочли независимость достигнутой. В октябре 1949 г. они приняли решение о роспуске движения, расформировании его вооруженных сил, и ликвидации правительства, находившегося в Бангкоке. Многие члены «Свободного Лао», воспользовавшись амнистией, возвращались в Лаос и начинали сотрудничать с французами. При этом отдельные лаосские политики по-прежнему не были удовлетворены положением дел в стране, в частности, нелегально вернувшийся в страну с группой сторонников принц Суфанувонг начал организацию сопротивления для продолжения борьбы против колонизаторов[22].

Фактическое восстановление французского колониального господства в Лаосе к концу 1940-х гг. сопровождалось дальнейшим усилением эксплуатации местного населения. В частности, в 2-3 раза был увеличен подушный налог и многие другие налоги[23]. Крестьян в принудительном порядке мобилизовали на общественные работы, и, в среднем, лаосские крестьяне были заняты на таких работах 4-5 месяцев в год[24]. Все это приводило к активизации деятельности народно-освободительного, антифранцузского движения в разных районах страны в конце 1940-х гг.

Для «зарубежных китайцев» в Лаосе фактическое восстановление французской колониальной власти после окончания Второй мировой войны, с одной стороны, сулило надежды на возвращение к старому порядку, существовавшему на протяжении большей части первой половины XX в., при котором многие из них на взаимовыгодной основе сотрудничали с французами и пользовались льготами и привилегиями, не доступными коренному населению страну. С другой стороны, было понятно, что полного восстановления довоенного порядка уже не стоило ждать, так как баланс сил на Индокитайском полуострове претерпел серьезные изменения, идеи национально-

освободительной борьбы за независимость широко распространились в местном обществе. Таким образом, для «зарубежных китайцев» в Лаосе, большинство из которых занимались коммерческой деятельностью, начало второй половины XX в. приносило все большую неопределенность и неуверенность в их будущем в этой стране.

В период 1952 – 1953 гг. национально-освободительная борьба в Лаосе все больше трансформировалась в гражданскую войну между политическими силами, придерживавшимися различных идеологических установок. Их противостояние происходило при активной поддержке представителей иностранных государств, с одной стороны - Франции и США, с другой стороны – Вьетнама.

23 октября 1953 г. Франция подписала с Лаосом договор о дружбе и ассоциации, в котором признавалось, что Королевство Лаос является полностью независимым и суверенным государством. Однако в протоколе к этому договору по-прежнему содержались условия, фактически сводившие независимость Лаоса на нет. В частности, Лаос обязывался содействовать защите Французского союза, координировать свою внешнюю политику с Францией. Командование и руководство вооруженными силами Лаоса должна была осуществлять Франция.

Договор 1953 г. не только отражал стремление Франции укрепить свои позиции, но и должен был послужить юридическим оправданием для проведения французами военных операций на территории Лаоса. Колонизаторы пытались превратить свою войну в Лаосе из войны Франции при поддержке марионеточного режима в войну, которую марионеточный режим вел бы против своего народа при поддержке Франции. В Лаосе была создана пятнадцатитысячная королевская армия, предназначавшаяся для подавления национально-освободительного движения в стране[25].

После разгромного поражения, понесенного французами в битве при Дьенбьенфу в марте – мае 1954 г., американцы и их союзники, опасаясь того, что независимый Лаос, подобно Северному Вьетнаму, встанет на социалистический путь развития, стали оказывать активную финансовую помощь королевскому правительству Лаоса. Одновременно правительство Северного

Вьетнама стало поддерживать оппозиционную лаосскую партию «Патхет Лао»[26].

Американская финансовая поддержка открывала новые привлекательные возможности для частной предпринимательской активности «зарубежных китайцев» в Лаосе, в том числе, для ведения внешней торговли с соседним Таиландом, так же поддерживаемым США, и с другими странами[27].

Период истории Лаоса между двумя индокитайскими войнами (август 1954 – ноябрь 1955) проходил в условиях вялотекущей гражданской войны[28]. Для Северного Вьетнама Лаос представлял стратегическую операционную базу, ведь он не только непосредственно граничил с провозглашенной в 1945 г. Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ), но и через него проходили важнейшие сухопутные коммуникации, связывающие силы вьетнамских коммунистов на севере и юге Вьетнама. Для США контроль над Лаосом после 1954 г. тоже представлялся весьма важным, с одной стороны, для предотвращения использование Лаоса Северным Вьетнамом в борьбе за объединение с Южным, с другой, для недопущения усиления позиций коммунистов в северо-восточном Таиланде за счет их сотрудничества с единомышленниками в Лаосе[29].

С уходом французов из Лаоса в 1954 г. население страны составляло около 2 млн. чел., из них только порядка 30 тыс. были «зарубежными китайцами»[30]. Однако, после обретения Лаосом независимости, наблюдался расцвет китайской иммиграции туда, в основном с территории Таиланда.

В начале 1955 г. королевское правительство Лаоса, пользуясь поддержкой США, организовало военную операцию против лаосских коммунистов, базы которых располагались в северных, граничащих с ДРВ провинциях. Особых успехов в этом правительственные войска не достигли, и в 1956 г. были вынуждены пойти на временное перемирие с оппозиционными силами. После этого, начиная с августа 1956 г. и до февраля 1957 г., во Вьентьяне были подписаны семь соглашений между королевским правительством страны и представителями прокоммунистической политической организации - Патриотического фронта Лаоса, которые, в частности, содержали условия о полном прекращении военных действий, проведении новых

выборов в Национальное собрание страны с участием представителей от Патриотического фронта и создании коалиционного правительства.

Перемирие между проамериканскими и коммунистическими силами в Лаосе, предусмотренное Вьентьянскими соглашениями 1956–57 гг. было непродолжительным. Большую группу руководителей лаосских коммунистов вскоре подвергли аресту. Те же из них, кто избежал этой участи, возобновили деятельность по организации вооруженной борьбы.

К середине 1961 г. лаосские коммунисты уже контролировали 2/3 территории страны[31]. В мае – июне 1962 г. лидеры противоборствующих сторон в лаосской гражданской войне вновь предприняли попытку сесть за стол переговоров, на этот раз условия урегулирования конфликта обсуждались в Женеве. По итогам конференции было принято решение повторно сформировать коалиционное правительство. Вооруженная борьба в Лаосе снова была временно приостановлена.

Между тем, обстановка на Индокитайском полуострове продолжала обостряться по мере развития военных действий на территории Вьетнама. В этих условиях взаимное недоверие представителей оппозиционных фракций в лаосском правительстве, поддерживаемых, с одной стороны США, с другой стороны, Северным Вьетнамом, так и не позволило им найти компромисс друг с другом. Часть коммунистов снова была исключена из состава правительства, после чего лаосские коммунисты вновь перешли к вооруженной борьбе.

В мае 1964 г. в гражданскую войну в Лаосе непосредственно вмешались США, американская авиация начала бомбардировки территорий Лаоса, находившихся под контролем коммунистов, под предлогом того, что там находили транспортные коммуникации и базы северовьетнамской армии[32].

Несмотря на то, что Лаос фактически непрерывно находился в состоянии гражданской войны, период 1960-х – начала 1970-х характеризуют, как «золотую эпоху» в жизни «зарубежных китайцев» в Лаосе[33]. Новые китайские иммигранты в Лаосе в те десятилетия, в основном, селились в городах на берегу Меконга – вблизи с границей с Таиландом, в частности, во Вьентьяне, Саванакете и Паксе, где организовывали различные,

преимущественно торговые, предприятия.

К началу 1970-х гг. численность китайского населения Лаоса достигала 45 – 50 тыс. человек, то есть около 2% от общей численности населения страны в тот период. В то время численность «зарубежных китайцев» в стране вышла на свой исторический максимум, по сравнению с более ранними периодами.

Вплоть до 1975 г. «зарубежные китайцы» занимали доминирующие позиции как в торговом, так и в промышленном секторах лаосской экономики. Объемы лаосской экономики всегда были сравнительно небольшими, и китайцы в этой стране, в основном, занимались мелким и средним бизнесом. При этом, именно китайские иммигранты и их потомки контролировали большую часть импортной и экспортной торговли страны, владели большинством рисорушек, лесопилок и пивоварней, фактически монополизировали производство таких товаров, как безалкогольные напитки и сигареты. «Зарубежные китайцы» также владели большинством пекарен, продуктовых лавок, ресторанов, ремонтных мастерских для автомобилей и велосипедов в лаосских городах[34].

К лету 1975 г., после победы Северного Вьетнама над Южным, силы Лаосской Народно-Революционной Партии (ЛНРП), как официально стала называться коммунистическая партия Лаоса, выступили с территории своих баз на севере страны. К августу 1975 г. старая администрация по всей стране была распущена, в декабре 1975 г. лаосские коммунисты провозгласили основание ЛНДР. Власть в стране взяли в свои руки революционные комитеты, возглавляемые коммунистами. Эти события оказали серьезное негативное влияние на деятельность многих представителей китайской диаспоры в Лаосе.

В период 1975 – 1982 гг. около 300 тыс. жителей Лаоса (примерно 10% населения) покинули страну, среди них была и значительная часть представителей китайской общины[35]. «Зарубежные китайцы» в те годы массово уезжали из Лаоса в соседний Таиланд, либо в США и страны Западной Европы.

В отличие от пришедших к власти в соседней Камбодже в 1975 г. «красных кхмеров», лаосские коммунисты действовали гораздо менее радикально для реализации своей программы по

переустройству общественной жизни в стране. Идеологически и организационно ЛНРП находилась в тесных контактах с Коммунистической партией Вьетнама[36]. В то же время, отношения между новыми лаосскими властями и правительством КНР после 1975 г. и на протяжении первой половины 1980-х гг. были весьма напряженными на фоне того, что и отношения КНР с Вьетнамом в указанный период резко ухудшились[37].

Отношения между Лаосом и Китаем стали улучшаться лишь после 4 съезда ЛНРП в 1986 г., в результате которого внешнеполитическая напряженность была ослаблена, и Лаос постепенно приступил к реализации политики «открытых дверей». После этого в крупнейших городах страны также малопомалу стали возрождаться покинутые в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. китайские кварталы. Отдельные «зарубежные китайцы» с конца 1980-х гг. снова стали открывать магазины розничной торговли, в тоже время возобновили работу китайские школы.

Важным событием в жизни китайской общины Лаоса был официальный визит премьера Госсовета КНР Ли Пэна (в должности 1988 – 1998) во Вьентьян в 1990 г., в результате которого было укреплено взаимодействие между правительствами ЛНДР и КНР в разных сферах. В 1991 г. 4 съезд ЛНРП окончательно утвердил план по переходу страны к многоукладной экономической модели. После этого Лаос на протяжении 1990-х гг. постепенно «открывал двери» для частных инвестиций, в том числе зарубежных. В этих условиях уверенность представителей местной китайской общины в стабильности также возрастала. В то десятилетие также были восстановлены ранее полностью прекратившие деятельность китайские земляческие ассоциации. К середине 1990-х гг. примерно 5-6 тыс. «зарубежных китайцев», порядка 800-850 семей, оставались проживать на территории Лаоса[38].

В 1997 г. ЛНДР вступила в Ассоциацию Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – это также положительно повлияло на положение «зарубежных китайцев» в этой стране, поскольку, в условиях регионального объединения, они получили новые, более широкие возможности для сотрудничества и взаимодействия с китайскими иммигрантскими диаспорами в со-

седних странах ЮВА.

Начиная с 1990-х гг. «зарубежные китайцы» постепенно стали восстанавливать свое влияние в лаосской экономике. Капитал местных китайцев стал активно направляться с сферу строительства, а также участвовать в возрождении импортно-экспортной торговли, обрабатывающей промышленности, например, в сферу производства мебели.

Начиная с XXI в. наметилась еще одна тенденция, связанная с «зарубежными китайцами», которые ранее либо сами проживали в Лаосе, но затем уехали оттуда, либо родственники которых жили или до сих пор живут там. А именно, некоторые китайцы, уехавшие из Лаоса в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг., теперь начинают инвестировать средства в различные проекты на территории Лаоса.

Например, единственная лаосская компания, осуществляющая авиаперевозки – «Lao Airlines», основанная в 1976 г. и долгое время являвшаяся полностью государственной, в 2000-м году получила крупные инвестиции от китайской компании «China Yunnan Airlines»[39]. С 2002 г. 25% акций крупнейшей государственной пивоваренной компании в Лаосе – «Lao Brewery Company» были выкуплены таиландской компанией «TCC Group», владельцем которой является проживающий в Таиланде «зарубежный китаец» - мультимиллиардер Тярын Сириваттханапхакди (тайск. เจริญ สิริวัฒนภักดี)[40].

В целом, начиная с 1990-х гг. заметна тенденция, при которой «зарубежные китайцы» инвестируют средства в различные проекты в Лаосе совместно с лаосским государством, то есть в формате государственно-частного партнерства.

Несмотря на очевидные тенденции к восстановлению экономической активности зарубежной китайской общины, а также к небольшому росту ее численности на территории Лаоса после смягчения внешнеполитической напряженности, прежде всего в отношениях с КНР, начиная с 1986 г., на рубеже 1990-х – 2000-х гг. она все еще оставалась не более чем блеклой тенью самой себя в период ее расцвета, пришедшийся на 1960-е – начало 1970-х гг.

В 2009 г. численность населения ЛНДР оценивалась при-

мерно в 6,8 млн. человек, по этому показателю страна обгоняла только небольшие по площади Бруней, Восточный Тимор и Сингапур из всех одиннадцати государств ЮВА[41]. При этом, по показателю ежегодного прироста населения Лаос оценивался на первом месте из всех стран ЮВА, прогнозировалось, что к 2039 г. его население вырастет вдвое.

К настоящему времени почти все «зарубежные китайцы» в Лаосе носят лаосские имена и фамилии и используют лаосский язык для повседневного общения, то есть наблюдается процесс ассимиляции лиц китайского происхождения в местном обществе[42]. Границы между местными китайцами и коренными лаосцами становятся еще более размытыми, если сравнивать представителей второго и третьего поколений «зарубежных китайцев», проживающих в Лаосе, которые в еще большей степени интегрированы в местное общество.

Однако есть также отдельные «зарубежные китайцы», проживающие в Лаосе, в большей степени сохранившие свою китайскую идентичность. Например, лаосский предприниматель китайского происхождения, вице-президент Китайской торговой палаты в Лаосе по имени Яо Бинь, проживающий в этой стране уже несколько лет и занимающий пост председателя совета директоров крупной девелоперской компании «Kritaphong Group», в полной мере идентифицирует себя с китайской нацией нежели чем с лаосской[43].

Подводя итог описанию положения «зарубежных китайцев» в историческом развитии Лаоса с конца XIX в. до начала XXI в., можно выделить шесть временных периодов, на протяжении которых, специфика такого положения была различной.

Во-первых, это период с 1893 по лето 1941 гг. - время, когда Лаос находился под управлением французской колониальной администрации до того, как на его территорию вошли японские войска. Он характеризуется расцветом китайской иммиграции в страну, причем, в основном, не непосредственно из Китая, а из других частей Французского Индокитая - Вьетнама и Камбоджи, а также, частично, с территории Таиланда. Французские колониалисты поощряли иммиграцию лиц китайской национальности в Лаос в те годы, стремясь, в сотрудничестве с ними, модернизировать экономику этой страны, активизиро-

вать региональную торговлю.

Второй период в новейшей истории Лаоса, в ходе которого положение «зарубежных китайцев» в этой стране объективно изменилось – это время японской оккупации с июля 1941 г. до сентября 1945 г. Хотя французская колониальная администрация и продолжала существовать в Лаосе до марта 1945 г., тем не менее, фактически она была вынуждена действовать по указанию японских милитаристов. В этих условиях, французы уже не могли, как раньше, открыто сотрудничать с местными китайцами. Многие «зарубежные китайцы» были вынуждены временно отказаться от публичной демонстрации своей этнической и национальной обособленности. В период с марта по август 1945 г. японцы ликвидировали французскую администрацию в Лаосе, и объявили о формальном признании страны независимым королевством, но фактически, это означало лишь то, что в те последние месяцы войны японцы на короткое время стали единолично управлять положением в Лаосе. Очевидно, что при серьезном японско-китайском антагонизме, накопившемся за годы войны, положение «зарубежных китайцев» в Лаосе в период японской оккупации было тяжелым.

Третий период в истории Лаоса, связанный с очередным изменением в положении местных «зарубежных китайцев» начался с осени 1945 г. был связан с попытками Франции восстановить ранее утраченную власть над территориями Индокитая и продолжался до подписания Женевских соглашений летом 1954 г. Этот период после окончания Второй мировой войны может быть охарактеризован, как время крайней нестабильности в политической жизни Лаоса, когда на территории страны практически непрерывно велись военные действия. Положение «зарубежных китайцев» в этот период было весьма неопределенным, многие из них предпочитали уезжать из Лаоса, некоторые пытались наладить экономическое сотрудничество с активизировавшимися в Индокитае представителями США.

Четвертый период – с августа 1954 до августа 1975 гг. был периодом стабилизации положения «зарубежных китайцев» в Лаосе. В годы гражданской войны и Второй индокитайской войны, в ходе которой боевые действия велись, в том числе, и на территории Лаоса, «зарубежные китайцы», тем не менее,

успешно занимались коммерческой деятельностью, пользуясь относительно лояльным отношением к ним правящих режимов Королевства Лаос.

Пятый период в истории китайской общины Лаоса начался с провозглашения ЛНДР в 1975 г. и до проведения 4 съезда ЛНРП в 1986 г. В те годы наблюдался массовый отток китайского населения из Лаоса на фоне прихода к власти прокоммунистических сил и ухудшения отношений с КНР.

Шестой период начался с провозглашения курса на реализацию политики «открытых дверей» в ЛНДР в 1986 г. и продолжается по сей день. Он характеризуется значительным улучшением межгосударственных отношений с Китаем, постепенным увеличением численности «зарубежных китайцев» в Лаосе, воссозданием общественных институтов, специфичных для китайской диаспоры – земляческих ассоциаций, школ. Кроме того, наблюдается интенсификация сотрудничества между лаосским государством и частными инвесторами из числа «зарубежных китайцев» в деле развития разнообразных коммерческих предприятий в Лаосе.

---

[1] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Ed. By Lynn Pan. P. 169.
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Яковлева Е.А. Политическое развитие Лаоса и межгосударственные отношения на Индокитайском полуострове конце XVIII – середине 80-х годов XIX века: Автореф. дис. … канд. историч. наук: 07.00.03. – М., 1994. С. 7.
[5] Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. С. 308.
[6] Cit. ex The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 169.
[7] Ibid.
[8] Ibid.
[9] Кожевников В.А. Очерки новейшей истории Лаоса. М.: Наука. 1979. С. 6.
[10] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 169.
[11] Ibid. P. 170.
[12] Ibid.
[13] Ibid.

[14] Ibid.
[15] Ibid.
[16] A New History of Southeast Asia. Ed. by Ricklefs M.C. Palgrave Macmillan. 2010. P. 300.
[17] Ibid.
[18] Кожевников В.А. Указ. соч. С. 53 - 54.
[19] A New History of Southeast Asia. P. 312.
[20] Лаос (справочник). Отв. ред. Тюрин В.А. М.: Наука. 1980. С. 83.
[21] Там же. С. 84.
[22] Кожевников В.А. Указ. соч. С. 72.
[23] Там же. С 73.
[24] Там же.
[25] Лаос (справочник). С. 86.
[26] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 170.
[27] Ibid.
[28] Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М.: Восточный университет. 2004. С. 297
[29] Там же.
[30] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 170.
[31] Мосяков Д.В., Тюрин В.А. Указ соч. С. 299.
[32] Там же. С. 299 – 300.
[33] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 170.
[34] Ibid. P. 171.
[35] Ibid. P. 170.
[36] Мосяков Д.В., Тюрин В.А. Указ соч. С. 312.
[37] Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН. 2012. С. 49.
[38] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 170.
[39] Lao Airlines. Atlasnavigator.com / URL: http://www.atlasnavigator.com/airlines/lao-airlines.html (дата обращения: 07.12.2017)
[40] Lao Brewery Company Portfolio. Sheehan Family Companies. / URL: https://www.sheehanfamilycompanies.com/portfolio/lao-brewery-company (дата обращения: 07.12.2017)
[41] A New History of Southeast Asia. P. 470.
[42] The Encyclopedia of the Chinese Overseas. P. 171.
[43] Overseas Chinese resident in Laos eyes new role as 'overseas bridge'. Xinhua. Ed. by Wang Fan. (дата публикации: 17.05.2017) / URL: http://www.ecns.cn/2017/05-17/257881.shtml (дата обращения: 06.12.2017)

© ***Фомичева Е.А.***
ИВ РАН

ТАИЛАНД: КУЛЬТУРА и ПОЛИТИКА

Примерно с середины XIX века в Таиланде шло строительство современного государства, создания тайской нации и формирования тайской национальной идентичности. Власть осуществляла реформы государственных учреждений, военного дела, образования, использовала разные инструменты, чтобы направить этот процесс в нужном направлении. На отдельных этапах принимались меры по внедрению элементов западной культуры, достижений современной науки и техники, в другие периоды преобладала охранительная тенденция. При этом в поле зрения власти всегда находились культура, искусство, традиции быта как необходимые условия консолидации тайского единства.

Принято считать, что таиландцы – гомогенный народ. Однако традиционное сиамское общество формировалось, впрочем, как и другие государства средневековья, путем захвата новых земель, присоединения соседних этносов, существовавших в сиамском государстве в условиях достаточно большой автономии со своими языковыми, бытовыми и культурными особенностями. В стране проживают помимо тайцев китайцы, лао, моны, кхмеры, вьетнамцы, малайцы-мусульмане, представители горных племен (шаны, карены, лису, лаху и др.) Культурно-этническое разнообразие нужно было объединить в единый народ. Этому служила государственная идеология триединства: нация-король-религия.

Становление современного государства изначально было связано с вхождением Сиама/Таиланда в мировую систему международных экономических и политических отношений. Для большинства стран азиатского региона этот процесс осуществлялся через их превращение в колонию западных стран. В Восточной Азии лишь Япония и Сиам избежали этой участи, но отнюдь не случайно, а благодаря сочетанию естественных обстоятельств, географических факторов, и, в значительной

степени, - политике королей, стоявших во главе этих государств.

Инициаторами и проводниками реформ в Сиаме были короли Монгкут (1851-1868) и Чулалонгкорн (1868-1910), которые в условиях натиска колониальных держав - Великобритании и Франции, обратились к опыту Запада, чтобы перенять у них достижения, полезные для тайского государства, которые способствовали бы его вхождению в число современных государств и сохранению национального суверенитета. По сути дела, реформы, затронувшие многие сферы жизни страны, означали внедрение новой, адекватной времени, модели государства в феодальное восточное общество. В данной статье наше внимание будет сосредоточено на культурной политике государства как важном элементе национального строительства.

Видимые свидетельства культурного заимствования у Запада королями-реформаторами очевидны в гражданской архитектуре Бангкока периода Правления короля Чулалонгкорна (Рамы V). Образцом творчества иностранных авторов является Большой тронный зал – *Пхра Тхинанг Чакри Маха Прасат* на территории Большого королевского дворца, который был построен в 1876 – 1882 гг. английскими архитекторами Дж. Кланичем и Г. Розе с участием тайцев, скорректировавших проект в духе тайских традиций. В результате дворцовое здание сочетает элементы итальянского ренессанса и тайских архитектурных форм. Здание, где размещен Тронный зал *Ананда Самакхом*, построено в 1908-1915 гг. итальянскими архитекторами Марио Таманьо и Аннибалом Риготти в том же сочетании ренессансных и классических форм. В конце XIX – начале XX вв. иностранцы активно привлекались государством к строительству зданий министерств. Так сложился особый стиль династии Чакри или Бангкокского периода (*Раттанакосин*), в котором причудливо переплелись местные и западные мотивы. В повседневной жизни общества были отменены многие средневековые обычаи, связанные с почитанием королевских особ[1].

Включение элементов европеизации в повседневную жизнь тайцев продолжалось и при короле Вачиравуде (1910 – 1925 гг.). Были введены фамилии, внедрялись европейский костюм и прически. Эти реформы имели определенный успех в

городе и значительно слабее затронули деревню. Этот был период, когда власть осознанно насаждала элементы западной культуры в стране. Но одновременно, будучи патриотами своей страны, сиамские короли обращали большое внимание на сохранение древних традиций.

После буржуазной революции 1932 г., когда была установлена парламентская монархия, знать была отстранена от управления государством[2], престиж королевской власти упал, вместе с ними ушли многие средневековые культурные традиции, связанные с личностью короля.

Пришедший в 1938 г. к власти военный диктатор Плэк Пхибунсонгкрам стремился вытеснить из народного сознания и из повседневной практики образ монарха и заменить его своим культом, вплоть до того, что изымались изображения королевских особ и повсюду внедрялся образ самого диктатора, обязательный к вывешиванию в служебных помещениях и частных магазинах. В кинотеатрах по окончании сеанса на экране возникал портрет диктатора, которому публика должна была поклониться. Символ колеса (чакры) заменялся символом года, когда родился Плэк Пхибунсонгкрам, - петуха, а цвет дня его рождения – зеленый - становится официальным[3]. Пхибун провозглашает политику тайского национализма под лозунгом «Таиланд для тайцев», лелея планы создания Великой тайской нации путем присоединения земель соседних государств. Издаются специальные Законы о культуре, в которых гражданам предписывается наряду со знанием гимна и проявлением уважения к национальному флагу, носить европейскую одежду. Одновременно правительство поощряет патриотическое воспитание, финансирует создание исторических фильмов и спектаклей. В 1943 г. создан Совет по культуре, в 1953 г. – Министерство культуры. Таким образом, в государстве постепенно формируется взвешенный подход к национальной культуре – ее всемерное поощрение и развитие при определенном допущении иностранных заимствований.

По окончании Второй мировой войны, когда на несколько десятилетий у власти оказались военные правительства, менявшие друг друга в результате военных переворотов, перед ними встал вопрос, что делает эту власть законной. Таким

незыблемым элементом политической системы страны при постоянной смене военных клик вновь становится институт монархии.

Тесный союз с США, который был основой военных режимов, участие тайских вооруженных сил во вьетнамской войне способствуют бурному проникновению в страну американской поп-культуры, которая разрушает традиционные нравственные ценности и исторически сложившиеся устои общества. Элиты стремятся укрепить свою власть на основе возрождения и консервации тайской традиции, в этом они получают поддержку тайской интеллигенции, озабоченной сохранением национальной идентичности на основе национальной культуры и истории.

Яркий представитель авторитарных правителей фельдмаршал Сарит Тханарат установил хорошие личные отношения с молодым королем Пумипхоном Адульядетом[4], и активно поддерживал возрождение поклонения монарху. Король Пумипхон Адульядет своей деятельностью снискал себе любовь и уважение подданных и внес большой вклад в восстановление статуса монархии в королевстве как стержневого элемента преемственности государственности и национальной культуры, цементирующих тайскую нацию.

Возрождение культа монарха оказалось успешным, поскольку столетние культурные традиции народом не были забыты. На протяжении всего долгого срока правления Рамы IX, умершего в октябре 2016 г., проводилась политика почитания короля как нравственного идеала для подданных и отца нации. Так, перед любой демонстрацией фильмов и спектаклей обязательно появлялся портрет короля и исполнялся королевский гимн, при звуках которого все встают. Повсеместно в офисах и домах тайцев висели портреты королевской семьи. День рождения короля праздновался как национальный праздник, желтый цвет – цвет дня его рождения, был знаком верности королю[5].

Параллельно воскрешались многие традиции и обычаи, связанные с древней монархической символикой: праздник первой борозды, гонки королевских лодок, лой кратонг. Большую поддержку получал традиционный театр[6]. Король Ра-

ма IX, и королева Сирикит лично поощряли искусство, народные промыслы. Через специально созданные королевские фонды они содействовали развитию традиционных ремесел, особенно в сельской местности: производство ручного тайского шелка, плетение из ротанга, изделия из серебра и многое другое. Причем с экономической точки зрения эти занятия рассматривались как дополнительный источник доходов в крестьянском хозяйстве.

После 1958 г. авторитарные режимы стали активно проводить политику модернизации экономики, для реализации которой в 1961 г. был разработан первый 5-летний план экономического развития, однако он не содержал культурной программы. Министерство культуры было упразднено. Но уже в 1979 г. Департамент культуры в Министерстве образования был повышен в статусе. В 1981-1986 гг. делаются попытки выработать культурную политику государства. В дальнейшем пятилетние планы экономического развития содержали специальные разделы по культурной политике[7].

На уровне законодателей культуре уделяется серьезное внимание, ее значение для государства и народа закреплено в основном законе страны. Статья LXIV Конституции 2521 года[8] гласит: «Государство поощряет и сохраняет национальную культуру». А в Конституции 1997 г. прямо записано, что тайский гражданин обязан защищать тайскую культуру. В развитие конституционных положений в 1981 г. была обнародована Программа по сохранению и развитию культуры в стране. Программа настолько интересна и поучительна, что мы достаточно подробно приведем ее основные цели:

- Оказывать всестороннюю поддержку тайской культуре и сохранять ее через образование, проведение научных исследований и ее развитие с тем, чтобы она стала действенной опорой для личности при решении жизненных проблем, для прогресса в социальной, культурной и политической областях, в целях упрочения национального суверенитета.

- Распространять тайскую культуру среди народа Таиланда, добиваясь, чтобы люди понимали ее, применяли в жизни нравственные ценности своей культуры и действовали в соответствии с ними. Знание и понимание тайской культуры будет

способствовать сохранению национального единства, обеспечению безопасности и созданию взаимопониманию между соотечественниками, а также со всеми народами мира.

- Поощрять традиционные местные культуры отдельных этносов с тем, чтобы одновременно с этим гармонизировать культурное разнообразие в мирное единство.

- Поддерживать и продвигать культурный обмен на региональном и международном уровне с тем, чтобы добиться международного понимания, и выборочно включать элементы зарубежных культур в контекст тайской культуры.

- Поддерживать и развивать координацию и сотрудничество между государственными учреждениями и частным сектором, действующими в сфере культуры для мобилизации всех необходимых средств и ресурсов[9].

В седьмом пятилетнем плане экономического развития на 1992-1996 гг. были определены принципы культурной политики, направления ее реализации, государственные учреждения и общественные организации, призванные выполнять их, источники финансирования и правовая основа деятельности в этом направлении[10]. В плане были сформулированы 14 конкретных задач в сфере культуры, среди которых такие как: утверждение ценности семьи, изучение народной мудрости, поощрение понимания культурного наследия как личного достояния человека и др.[11].

В начале XXI в. страна переживает резкие и значительные изменения, характеризующиеся ростом социально-экономического неравенства, вторжением норм потребительского общества, разложением традиционной морали. В этих условиях одну из важных своих задач государство видит в воспитании молодежи, в том, чтобы способствовать становлению молодых людей как граждан своей страны. Озабоченность будущим страны оправдана развитием негативных тенденций в молодежной среде. Согласно одному из исследований, проведенных в 2005 г., 65% опрошенных молодых людей ни разу за месяц не посетили буддийский храм. При этом молодежь предпочитает проводить свое время в гигантских торговых пассажах, слоняясь от витрины к витрине. Потребление алкоголя в

молодежной среде с 1991 по 2005 г. возросло в 5 раз. Наблюдается рост преступности среди подростков и юношества[12].

Государство последовательно проводит патриотическое воспитание в школах, университетах. Для этого предусмотрено участие молодежи в массовых церемониях, вырабатывается уважительное отношение к истории страны и традициям предков. Устанавливаются памятники национальным героям, по телевидению идут длинные сериалы по мотивам легенд и классической литературы. Создаются художественные фильмы из жизни средневекового тайского государства, воспевающих подвиги предков. В 2001 г. вышел фильм «Легенда о Си Сурьятхай», посвященный подвигу легендарной героини тайцев. Он был снят режиссером, имеющим происхождение из королевской семьи, при финансовой поддержке королевы Сирикит. Среди других исторических фильмов «Король Наресуан», «Банг Рачанг», «Сема – воин Аюттхаи», «Кхун Пэн – Легенда о полководце» и др.

В печати ведется дискуссия на тему «Что значит быть тайцем». Таиландская исследовательница Ладда Тхангсупачай определяет «тайскость» как следование нравственности, сформированной Буддийским учением, которая ведет человека от дикости к мудрости[13].

Ряд исследователей и политиков подходят к культуре и искусству с точки зрения их практического использования для привлечения прибыли в доход государства и частных бизнесменов. Так в программе правительства Таксина Чиннавата (2001-2006 гг.) в разделе о культуре содержится такое положение: «Сохранять культурные и исторические объекты для целей просвещения, а также как источника заработка для людей. Поддерживать туристическую индустрию для популяризации тайской культуры достойным и творческим образом»[14].

В современную эпоху остро встает вопрос о том, как сочетать интернационализацию в технической и культурной сфере, унификацию повседневной жизни и сохранение национального самосознания. Культурная неопределенность разрушает историческую память, разрывает сознание индивида. В этих условиях продуманная политика государства в сфере культуры, как широко трактуемого понятия, основанная на глубоком понима-

нии происходящих в мире процессов и ценности национальной культуры не менее важны для общества, для страны и народа, чем планы экономического развития. Эта проблема осознается таиландской общественностью, представители которой прямо ставят вопрос о том, сможет ли Таиланд выжить под натиском глобалистских тенденций[15].

---

[1] Например, было отменено правило для подданных падать ниц при проезде царских особ по улицам города, поскольку видеть его лицо было запрещено под страхом смертной казни.

[2] В 1935 г. король Прачатипок отрекся от престола, ему наследует 10-летний Ананда Махидон (1925-1946)

[3].Тайцы верят в мистические предзнаменования, амулеты, предсказания, почитают животных, символизирующих каждый год двенадцатилетнего цикла, что является для них не забавой, а серьезным пророчеством судьбы.

[4] Пумипхон Адульядет – Рама IX, годы жизни 1927-2016 гг., царствовал с 1946 по 2016 гг.

[5] По тайским поверьям, каждому дню недели соответствует определенный цвет: воскресенье - красный, понедельник – желтый, вторник - розовый, среда - зеленый, четверг – оранжевый, пятница – синий, голубой, суббота – черный, фиолетовый.

[6] В Таиланде сохранилось несколько видов традиционного театра, основанного на эпосе «Рамакиан»: театр масок – *кхон*, классическое танцевальное представление *лакон*, народный вариант классического театра *ликей*, классическое представление южных провинций страны *манора*, кукольный и теневой театры .

[7] www.deacadmia.edu. Michael Connors. Cultural policy as general will and social-order protectionism: Thailand’s conservative double movement.

[8] В Таиланде за XX в. сменилось более десятка конституций, но главные положения сохраняются. Конституция 2521 года соответствует 1978 год григорианского календаря. Буддийский календарь ведет свое летосчисление с момента ухода Гаутамы Будды в нирвану, исчисляется по лунному календарю и принят не только в Таиланде, но также в Лаосе, Камбодже, Мьянме, Шри- Ланке наряду с общепринятым григорианским.

[9] www.cd.org. Cultural Policy in Thailand. The Institute for Cultural Democracy, Seattle, 1998.

[10] Amara Raksasataya. A Cultural Policy for Thailand’s National Development. Indira Ghandi National Centre for the Arts , New Delhi, 1997.

[11] Cultural policy in Thailand. 2006 –
http://www.wwcd.org/policy/link/Thailand.htm
[12] Michael Connors. Cultural policy as general will and social-order protectionism: Thailand's conservative double movement (prepublication copy) p. 35
[13] Ladda Tangsupachai as cited by Michael Connors. Cultural policy as general will and social-order protectionism: Thailand's conservative double movement (prepublication copy), Revision, p.5
[14] Policy of the Government of Thailand/ By Thaksin Shinawatra (E.H. Prime Minister) –http://wwwthaigov.go 02.26.2001
[15]. www.trf.or.th

© ***Сюннерберг М.А.***
ИСАА МГУ

ФРАНКО-ВЬЕТНАМСКИЙ «ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ» как ИСТОЧНИК о СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ в ПОЗДНЕМ КОЛОНИАЛЬНОМ ВЬЕТНАМЕ [*]

Важность изучения семейно-брачных отношений во Вьетнаме обусловлена тем особым местом, которым обладает в этой стране институт семьи, ставший основой всего общества. В данном случае это не просто красивые слова, которые, казалось бы, можно сказать по отношению к любой стране. Родственные связи вьетнамцев прослеживаются с самого первого мифа о происхождении вьетнамского народа от общих первопредков – дракона Лак Лонг Куана и феи Ау Ко. Причем в этом мифе мы видим довольно много аспектов семейно-правовых отношений: знакомство супругов и их вступление в брак, рождение детей, фактический развод, раздел детей. Пусть сам миф был в окончательном виде сформулирован лишь ближе к середине второго тысячелетия нашей эры, но тем самым он показывает важность «семейного упорядочивания» для самих вьетнамцев.

Культ предков, ставший фундаментом религиозной жизни страны, также обусловливает важность семейных отношений и знание каждым индивидуумом истории своего рода. Полная версия известной каждому вьетнамисту поговорки «Пьешь воду – помни об источнике» звучит так: «У воды есть источник, у человека есть предки, поэтому когда пьешь воду – помни об источнике» (вьет. – Nước có nguồn, người có tổ tiên; do vậy uống nước phải nhớ nguồn).

[*] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-31-01229 – "Женщины во Вьетнаме: роль и место в истории и в современной общественно-политической жизни").

Автор выражает признательность своей дипломантке 2017 г. Валерии Кузнецовой, которая при работе над дипломной работой по совету научного руководителя уделила внимание данному журналу и сделала некоторые наблюдения, учтенные при написании данной статьи.

Клановая система построения вьетнамского общества получила еще большее развитие с выдвижением в государственной идеологии на передний план конфуцианской этики, согласно которой семья – это государство в миниатюре. С другой стороны, можно сказать, что как раз принятие конфуцианской идеологии стало возможным из-за постепенной трансформации вьетнамского общества – от основанного преимущественно на общинах к базирующемуся на семье[1].

Специфика Вьетнама в рамках Юго-Восточной Азии как раз во многом и обусловлена клановым характером вьетнамского общества. Роль семьи, почитания предков, знания истории собственного рода здесь несоизмеримо выше, чем в соседних странах по Индокитайскому полуострову. Вполне типичная, к примеру для Мьянмы, ситуация, когда при вопросе о дате рождения или даже имени деда у собеседника могут возникнуть затруднения, просто нереальна для Вьетнама. Собственно только во Вьетнаме с давних пор существовала система фамилий, чего не было в соседних Камбодже, Лаосе и Таиланде. Конечно, это во многом объясняется тем, что Вьетнам испытал сильнейшее влияние со стороны Китая, в состав которого входил почти тысячу лет (I–X вв.), и чью государственную идеологию в виде неоконфуцианства впоследствии применил у себя.

Успешность изучения того или иного вопроса и полнота представлений о том или ином историческом явлении зависит от имеющихся в распоряжении исследователя источников. Семья здесь исключением не является, для ее изучения можно привлечь самые разнообразные материалы. Ими в зависимости от исследуемого периода могут быть государственные летописи, своды законов и законодательные акты (как общего характера, так и в рамках семейного права), записки путешественников, культурологические работы, полевые исследования – ученых-предшественников[2], так и своих собственных, пресса, а в современном мире – Интернет-ресурсы.

Применительно к Вьетнаму важнейшим документом по истории семей и родов стали «семейные хроники» *зя фа* (вьет. – gia phả), однако они содержат скорее биографическую информацию конкретных людей и конкретного рода, нежели сведения об институте семьи как таковом. Тем не менее при долж-

ном анализе «семейные хроники» позволяют подметить некоторые общие тенденции семейно-брачных отношений того или иного периода.

Другим специфическим в сравнении с другими странами ЮВА для Вьетнама жанром являются разнообразные «семейные поучения» (вьет. – gia huấn; возможен перевод и как «семейные наставления»). Наиболее известное произведение этой категории – «Песнь семейных поучений» (вьет. – Gia huấn ca), авторство и время создания которой доподлинно неизвестно, но вьетнамской традицией долгое время приписывалось великому поэту и политическому деятелю Нгуен Чаю (1380–1442)[3]. Жанр представляет собой небольшие литературные произведения, независимо друг от друга написанные несколькими учеными-конфуцианцами (в т.ч. и столь известными как Данг Суан Банг, 1828–1910) в форме легко запоминаемых стихов или поэм. В них содержались нравоучения и правила воспитания, которые глава конфуциански-образованного семейства хотел передать своим детям в дополнение к тем знаниям, которые они получали от своих учителей. В некоторых родах определялись дни в году, когда дети должны были приходить в поминальный родовой храм, где им зачитывали «семейные наставления» предков. Они же иногда заносились в «семейные хроники» *зяфа*. Во многом схожим с этим жанром являются различные наставления сугубо для женщин (вьет. – nữ huấn), например, созданные в самом конце XIX века «Наставления женщинам, изложенные стихами» (вьет. – «Huấn nữ diễn âm ca»). В этих произведениях подробно описывались ожидаемые от детей на протяжении всего их жизненного пути поступки и поведенческие нормы – как в общении внутри семьи, так и в целом в социуме.

Большинство из обнаруженных и классифицированных вьетнамскими исследователями 35 экземпляров «семейных поучений» и «наставлений женщинам» относятся к XIX – началу XX вв. Благодаря этим жанрам можно в детальном виде узнать те нормы поведения в кругу семьи, которые были приняты в образованном вьетнамском обществе и которые прочно закрепились в сознании вьетнамцев как нечто должное к исполнению, став неотъемлемой частью общественной морали. Той

морали, которая была поставлена под сомнение под влиянием европейских нравственных ориентиров, распространившихся во вьетнамском обществе к 1920-м гг.

И наконец, говоря об источниках по семейно-брачным отношениям, не стоит забывать и о художественной литературе, которая при должном подходе может стать весьма ценным материалом для реконструкции тех или иных общественных явлений[4].

Именно весьма скудная источниковая база обусловливает то, что о специфике семейных отношений во Вьетнаме в период до XV в. (т.е. в период преимущественно общинной организации общества и превалирования на государственном уровне буддизма и различных государственных культов поклонения духам) известно совсем немного. Отрывочные сведения можно найти лишь в крупнейших средневековых вьетнамских летописях – «Краткой истории Вьета» (вьет. – Việt Sử lược) и «Полном собрании исторических записок Дайвьета» (вьет. – Đại Việt Sử Ký Toàn Thư; сокр. – Тоан Тхы). В летописи Тоан Тхы больше информации можно найти в комментариях ее составителей, однако они отражают склад ума человека конфуцианской эпохи, а не мировоззрение людей X–XII вв.

Не очень помогают здесь и «записки путешественников» – китайских чиновников из приграничных с Вьетнамом южнокитайских провинций, в силу своей должности хорошо осведомленных о социально-политической жизни территорий нынешнего Северного Вьетнама в XI–XII вв.

Но нам точно известно, что правовая основа семейно-брачных отношений получила особо широкое развитие во Вьетнаме с XV в., т.е. когда на государственный уровень была выведена конфуцианская идеология с свойственным ей особым вниманием к семье, выступавшей в роли «государства в миниатюре». Соответственно государство уделяло особое внимание нормам семейных отношений и этике семейной жизни, в результате чего о семье в этот период известно значительно больше. Хотя в летописях это опять же отражено в незначительной степени: так Тоан Тхы лишь упоминает сам факт издания императором Ле в 1499 г. 24 указов, регламентирующих семейные отношения, но не раскрывает их содержания. Это

сделано лишь в целом менее подробной хронике XIX в. «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора» (вьет. – Khâm định Việt sử thông giám cương mục; сокр. – Кыонг Мук).

Вопросам семьи и брака посвящены большие разделы двух вьетнамских крупнейших кодексов законов – Кодекса Династии [Поздние] Ле конца XV в. (вьет. – Quốc triều hình luật) и Кодекса императора Зя Лонга начала XIX в. (вьет. – Hoàng Việt luật lệ)[5]. Собственно именно описанием родственных связей и установлением различных категорий траура в зависимости от степени родства и открываются эти кодексы законов. Впрочем, сделано это было вслед за китайской законодательной традицией – Кодексы династий Мин и Цин начинались аналогично. Вообще, вьетнамские кодексы, особенно Кодекс Зя Лонга, очень сильно воспроизводят структуру, основные положения и стилистику китайских[6].

Правовые нормы семейной жизни также подробно расписаны в составленном в середине XIX в. фундаментальном издании династии Нгуен – «Одобренный высочайшим повелением свод законов империи Дайнам» (вьет. – Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ). Распределение материала в данных документах проводится в соответствии с имеющимися шестью министерствами (вьет. – bộ). Семейная тематика нашла отражение в разделе, относящемуся к министерству наказаний (вьет. - bộ hình) и соответственно к уголовному законодательству. При этом оно подразделялось, в свою очередь, в соответствии со сферами компетенции всех шести министерств, т.е. было уголовное законодательство по линии министерства общественных работ, министерства финансов и т.д. Семейная проблематика была отнесена к министерству финансов. Заметим, что компетенция «министерства финансов» была шире, чем у аналогичных в современных странах и включала в себя не только чисто финансовые вопросы, но и более широкие социальные, в т.ч. семейные. Само слово hộ и означает «семья», «крестьянский двор». Неудивительно, что термин *луат хо* обозначал таким образом и «семейное право», а впоследствии был использован для обозначения «гражданского кодекса».

В отличие от летописей, которые порой лишь сообщают о факте издания того или иного императорского указа или принятия того или иного закона, но при этом в подавляющем большинстве случаев не содержат их подробного описания, Кодексы уже в силу своего предназначения подробно знакомят нас с соответствующими постановлениями. Однако этот тип источника содержит лишь своего рода теоретическую модель – нам известно о том или ином законе, но ничего не известно об особенностях его применения, о том, насколько он выполнялся в обществе и в какой степени был доведен до сведения подавляющей части этого общества. При этом в целом вьетнамское законодательство, как и китайское, было в первую очередь уголовным – в законах подробно прописывалась ответственность за то или иное нарушение, а вот нормы общественной жизни в них были представлены в меньшей степени. Более детализировано эти нормы обговаривались в «деревенских договорах» (вьет. – hương ước) – документах, регламентирующих внутреннюю жизнь каждой общины, в которую в соответствии с традицией автономности вьетнамской общины, государство сильно не вмешивалось. Деревенские договоры – письменное деревенское право, связанное с социальной организацией и повседневной жизнью деревни, применяющееся всякий раз при необходимости[7]. Деревенские договоры могли бы стать отличным источником по данной проблематике, но т.к. сделаны они были не на долговечных материалах, то к XXI в. не сохранились.

В энциклопедическом труде знаменитого вьетнамского ученого Фан Хюи Тю (1782–1840) «Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам» (вьет. – Lịch triều hiến chương loại chí) отводится место и семейной проблематике в разделе «Записи об обрядах и церемониях». Однако, как отмечает ведущий отечественный исследователь общественной мысли Вьетнама А.В. Никитин, сочинение Фан Хюи Тю не несло его современникам ничего нового из области фактов. Главная заслуга ученого состояла в том, что он систематизировал и классифицировал политический опыт Вьетнама за длительный период его исторического развития и, тем самым, вывел политическую науку из стадии накопления эмпирическо-

го материала на уровень обобщения[8]. Таким образом, в данном труде в достаточно наглядном виде была систематизирована уже имеющаяся разрозненная информация.

Иная ситуация сложилась в принципиально новый этап исторического развития Вьетнама – при колониальном господстве Франции (1887–1945). Восприятие европейского опыта нашло отражение в самых различных сферах жизни и сыграло роль в появлении новых явлений общественной и культурной жизни – возникновению прессы, художественной литературы, иного законодательства и др. При этом культурологические изыскания вьетнамских исследователей первой половины XX века фактически повторяют написанное в Кодексах и трудах Фан Хюи Тю, поскольку они ставили своей задачей демонстрацию традиционной специфики Вьетнама[9].

Усвоение частью вьетнамского общества французского восприятия личностной и семейной жизни вкупе с осознанием архаичного характера существующих вьетнамских стереотипов привело к пересмотру многих ценностей. Полемика, возникшая вследствие этого, хорошо прослеживается в различных статьях передовых журналов того времени и в художественной литературе, основной темой которой и стала семейная проблематика в том или ином ее аспекте. Неудивительно, что этой теме посвящено большое количество научных работ как во Вьетнаме, так и за его пределами.

Важно отметить, что с создания Индокитайского союза во Вьетнаме по сути было три разных законодательства – в Кохинхине действовало максимально приближенное к французскому, в формально сохранившем независимость Аннаме сохранялся упомянутый выше Кодекс законов императора Зя Лонга, а в Тонкине с конца 1910-х гг. стали активно внедряться разработанные французами и профранцузской вьетнамской элитой различные законы с учетом местных традиций.

Здесь мы подходим к главному объекту нашей статьи – франко-вьетнамскому «Правовому журналу» (вьет. – Pháp Viện báo). Его известность не идет ни в какое сравнение с перечисленными выше источниками и научными работами, сам он не становился предметом отдельного исследования[10] и, насколько мы можем судить, даже не привлекался в качестве источника

по вопросу семейно-брачных отношений во Вьетнаме. Однако, как мы постараемся показать, с точки зрения освещения интересующей нас проблематики он представляется как минимум заслуживающим внимания, сочетая в себе преимущества столь разноплановых материалов как кодексы законов, пресса и научные публикации.

Отсканированная версия этого журнала размещена на французском научно- информационном ресурсе Галлика[11], благодаря чему у современных исследователей есть возможность обратиться к этому редчайшему изданию. Поскольку, как уже было сказано, ранее этот журнал не выступал предметом самостоятельного исследования, имеет смысл сделать его общую презентацию, продемонстрировав его концепцию, структуру, а затем перейти к демонстрации того, как именно он может быть использован для исследования семейно-брачных отношений во Вьетнаме и какие исследовательские возможности в целом он предоставляет.

Журнал ежемесячно издавался в Ханое довольно непродолжительное время – с мая 1931 по декабрь 1932 г. Выпускался на французском языке и латинизированной вьетнамской письменности *куоннгы* (вьет. – quốc ngữ). Содержание в версиях на французском и вьетнамском языках в целом было схожим, однако не совпадало полностью. Как правило, статьи теоретического характера, равно как и сюжеты, не имеющие отношения к Вьетнаму[12], были более подробно представлены на французском языке, в то время как на вьетнамском более детально были представлены законодательные акты.

Всего было издано 20 номеров. На ресурсе Галлика они собраны в трех томах; по всей видимости, в таком виде они были доступны и в 1930-е гг. во Вьетнаме. Первый том содержит все восемь номеров 1931 г. (в сумме 420 страниц на французском и 350 страниц на вьетнамском), второй том – первые шесть номеров 1932 г. (200 страниц на французском и 140 на вьетнамском), третий том – последние шесть номеров 1932 г. (110 страниц на французском и 70 на вьетнамском). Как видим, количество страниц уменьшается от тома к тому, но в сумме насчитывается свыше 1 тысячи, являя собой действительно фундаментальный материал для изучения.

Директором журнала был видный вьетнамский общественный деятель того времени Фам Хюи Лук (Phạm Huy Lục). Некоторое время он возглавлял учрежденную еще в 1926 г. Палату народных представителей Тонкина (вьет. – Viện dân biểu Bắc Kỳ). Именно Фам Хюи Лук был составителем, возможно, первой в истории Вьетнама книги, посвященной правам человека[13]. Она была издана в 1935 г. под эгидой Французской лиги по защите прав человека и гражданина Ханойским обществом по правам человека (вице-президентом этого общества как раз и был Фам Хюи Лук) и на более чем 100 страницах описывала деятельность в мире и во Вьетнаме в этом направлении. Помимо общего руководства Фам Хюи Лук выступал и в роли автора для «Правового журнала».

У журнала был Попечительский совет (фр. – Comité du Patronage; вьет. – Hội đồng bảo trợ), состоявший из восьми видных французских и вьетнамских деятелей Индокитая. Возглавлял его почетный верховный резидент А. Тиссо (H. Tissot), также председательствовавший в Совете помощи франко-индокитайским детям. Редакция журнала располагалась в самом центре Ханоя – на улице Ханггай («Пеньковая улица»; вьет. – Hàng Gai; фр. – Rue de Chanvre). На этой же улице была редакция и, пожалуй, самого известного вьетнамского журнала колониального периода – «Южный ветер» (вьет. – Nam Phong).

Одним из активных авторов и ведущим библиографической рубрики «Правого журнала» был Нгуен Ван То (Nguyễn Văn Tố), известный многочисленными публикациями в одном из самых авторитетных научных изданий по Индокитаю – Бюллетеню французского института Дальнего Востока (фр. – Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient; вьет. – Tập san Viện Viễn Đông Bác cổ; сокр. – BEFEO).

В авторский коллектив входили и многие видные французские общественные деятели и чиновники колониальной администрации, например, Пьер Гроссен, который в 1920-х гг. занимал пост резидента в провинциях Ниньбинь (1926 г.) и Тхайбинь (1928 г.).

Состав журнала свидетельствует о его элитарном характере – он был создан при явной поддержке французской колониальной администрации и во многом был призван пропаганди-

ровать и разъяснять ее деятельность в законодательной сфере. Тем удивительнее, что он был вынужден прекратить свою деятельность в конце 1932 г., впрочем, причины этого остаются неясными. Возможно, все объясняется занятостью идейного вдохновителя журнала – Фам Хюи Лука, вероятно в конце 1932 г. и занявшего пост Председателя Палаты народных представителей Тонкина[14].

У жителей Тонкина была возможность подписаться на рассылку журнала на год или 6 месяцев, или же купить интересующий номер отдельно. Однако ценовая политика была ориентирована опять же скорее на элиту общества. Годовая подписка двуязычного издания стоила 15 пиастров, шестимесячная – 8, отдельный номер продавался за 1,35 пиастра. Это весьма большие суммы. Например, годовая подписка на издававшуюся популярным литератором Нят Линем газету «Сегодня» для жителей Индокитая составляла 3,80 пиастра, другая его газета – «Нравы» оценивалась в 3 пиастра. А скажем, пачка сигарет Rosette brand стоила 0,13 пиастра. Впрочем, вьетнамцы могли купить только вьетнамоязычную версию «Правового журнала», и цена в таком случае была более чем в 2 раза ниже.

Необходимость издания журнала, по мнению его руководства, была обусловлена тем, что подавляющая часть жителей Северного Вьетнама не имела никакого более-менее конкретного понятия о законе, ориентируясь в первую очередь на существующие традиции. И действительно известно, что вьетнамцы традиционно отдают предпочтение обычаю перед законом, воплощением чего служит знаменитая поговорка «Указы императора отступают перед обычаями деревни» (вьет. – Phép vua thua lệ làng). Главенствующими и определяющими судьбы людей во Вьетнаме были общепринятые нормы морали (вьет. – luân thường) – законодательно не оформленные, но твердо укоренившиеся в народном сознании и по умолчанию подразумеваемые к неукоснительному исполнению. Соотношение и зачастую несовпадение закона (вьет. – luật) и обычая (вьет. – tục; тж. – lệ) в семейных вопросах проявлялось весьма наглядно.

Именно об этих особенностях вьетнамского общества писал Фам Хюи Лук в Предисловии к первому выпуску журнала и Нгуен Ван То в первой из его теоретических статей. В качестве

авторитетного примера была даже приведена фраза императора Зя Лонга, в которой он призывал максимально доводить до сведения народа принятые законы и что по сведениям французских офицеров середины XIX в., в должной степени так и не было сделано, поскольку доступ к законам имели лишь чиновники, ответственные за их исполнение. Поэтому задачей журнала было доведение законов до своей читательской аудитории.

Но, как подмечали авторы издания, законы, тем более в гражданской сфере, в любой стране базируются в первую очередь на традициях и особенностях социального опыта каждой из них. А потому крайне важным стало изучение традиций и обычаев и понимание того, какие из них сохраняют свою актуальность, а какие нет. Нгуен Ван То в первом номере журнала особое внимание уделил определению того, что именно можно считать «обычаем», «общепринятыми привычками» (вьет. – tập quán), напоминая о созданном в 1927 г. для изучения социального опыта населения Северного Вьетнама Консультативном юридическом совете. В итоге Совет выпустил отдельное издание, посвященное в первую очередь именно семейным отношениям, где анализировалось распределение прав в роду, наследование и распоряжение культовыми землями[15].

Авторы «Правового журнала», сетуя на отсутствие гражданского кодекса, который бы в деталях регламентировал повседневную жизнь, отмечали, что традиционное законодательство имело характер уголовного права. Гражданское законодательство Северному Вьетнаму лишь предстояло выработать и применить в начале 1930-х гг. – во многом как раз при помощи самого «Правового журнала».

В связи с этими основополагающими идеями журнал по замыслу его создателей представлял собой ознакомительное издание, разъясняющее права и обязанности граждан, положения гражданского кодекса, функции и работу законодательных органов. Журнал также освещал проблемы судебной медицины, имущественных отношений и т.д. Отдельное внимание было уделено проблемам нравственности и морали во вьетнамском обществе, таким как полигамия, измена, развод, и т.п., а также их трактовка в рамках закона. Подчёркивалось, что составители журнала ждут мнения от читателей, в том числе

профессионально разбирающихся в юридической науке. Главной же целью издания провозглашалось «ознакомление народа с повседневным законодательством и эволюцией законодательства в целом, а также предоставление юристам различных материалов для их успешной деятельности»[16].

Отдавая дань уважениям традициям, была подобрана и фраза для эпиграфа, предваряющего каждый номер журнала. В его качестве была взята вторая часть классического высказывания Конфуция из Лунъюя: Философ сказал: «Слушать [судебные] тяжбы я могу подобно другим, но что действительно необходимо, это чтобы не было тяжб». Написана она была иероглифами и сопровождалась переводом на французский язык. Образованным вьетнамцам она должна была быть понятна и в таком виде, ведь, как отмечал в Предисловии Фам Хюи Лук, еще император Ле Тхань Тонг повелел высечь эту фразу на колонне дворца.

Структурно номера журнала состояли из нескольких основных разделов. Первым из них и, по словам редакции, самым важным был теоретический раздел (вьет. – phần lý luận). В нем публиковались материалы по общим правовым проблемам и по наиболее актуальным именно для Вьетнама. Например, в одном из номеров обсуждалось, могут ли с юридической точки зрения жены и дети чиновников заниматься бизнесом. Также в теоретический раздел, начиная с первого номера и вплоть до последнего, помещалась серия сквозных статей (вьет. – bài nối) под общим названием «Вопросы обычного права во Вьетнаме» (вьет. – Mấy cái vấn đề về tục lệ nước Nam; фр. – Questions de droit coutumier annamite). Чтобы продемонстрировать то ключевое место, которое занимали вопросы семейно-брачных отношений в деятельности журнала, приведем некоторые из названий конкретных статей в этой серии: «Имеет ли женщина право управлять культовыми землями?» (№1), «Система домашнего рабства» (№1), «Вопросы брака» (№2), «Соотношение причин для развода в новом Гражданском кодексе с традиционным обычным правом» (№4), «Научный подход к вопросу о взаимоотношении отцов и детей» (№6), «О приемных детях» (№8), «О патриархальном праве во Вьетнаме» (№10-11) и др. Нгуен Ван То, автор этих статей, активно использовал примеры предыду-

щих кодексов Ле и Нгуен, тем самым давая нам возможность увидеть положения предшествующего законодательства и их интерпретацию современными вьетнамскими юристами. Кстати, это было и одной из первых попыток перевода средневекового законодательства на латинизированный вьетнамский язык, до этого были переводы только на французский язык. Поэтому часто цитирование Кодексов Ле и Нгуен сопровождалось оригинальным написанием на иероглифике, чтобы читатель сам мог сверить вариант перевода с оригиналом.

Вторым разделом журнала была «Судебная медицина» (вьет. – Pháp y). Даже этот раздел был увязан с местными обычаями – так, в первом номере речь шла о ударах о и побоях, что, по мнению автора, наиболее часто случалось с населением из-за его характера.

Важнейшим элементом содержания журнала стала последовательная публикация статей Гражданского кодекса Тонкина (вьет. – Dân luật Bắc kỳ). Представляется, что именно ГК и стал главной причиной рождения этого журнала, ключевым смыслом деятельности которого было доведение содержания и разъяснение сути ГК для большой аудитории. Кодексу было уделено два из ключевых разделов журнала. Один так и назывался «Разъяснение Гражданского кодекса Тонкина» («Bắc Kỳ dân luật giải nghĩa»), а второй, собственно и представлявший из себя публикацию статей ГК, помещался в общий раздел «Законодательство» и назывался «Гражданский кодекс, применяемый в местных судах Тонкина» («Dân luật thi hành tại các tòa Nam Án Bắc Kỳ»)[17].

Работа над кодексом велась с августа 1930 по март 1931 г. Разработкой занималась комиссия, включающая в себя Х. Морше, первого председателя апелляционного суда Ханоя, Е.Ж. Гиймэна, главного администратора государственной службы, Хоанга Чонг Фу, губернатора Хадонга и Ву Нгок Хоаня, губернатора и члена второй палаты апелляционного суда Ханоя. Кодекс был опубликован 30 марта 1931 г. и вступил в силу 1 июля 1931 г., т.е. фактически совпал с выходом в свет «Правового журнала».

Главной целью комиссии, работающей над кодексом, было не наносить вреда фундаментальным институтам вьетнам-

ского общества, а стараться адаптировать законодательство к изменяющимся ценностям и социальным институтам местных жителей. Проект Гражданского кодекса должен был в полной мере учитывать обычаи в том состоянии, в котором они были собраны законоведческим комитетом, в частности в отношении организации семьи и права наследования и культа. Что касается вопросов, где обычаи и традиции, в большинстве своем неопределенные, то кодекс брал за основу положения Гражданского кодекса Франции.

Кодекс состоял из 1455 статей, поделенных на четыре тома[18]. Интересующая нас часть кодекса, касающаяся семейно-брачных отношений, находилась в части 4 тома I, начинаясь со 2 главы. Непосредственно семейной тематике было отведено свыше 250 статей ГК, но некоторые вопросы, связанные с семьей, были затронуты и в других разделах. В ГК были статьи, подробно разъясняющие процедуру заключения и регистрации брака; посвященные браку в целом, юридическим причинам для развода, его процедуре и значении в обществе (в сумме 34 статьи); отношениям между родителями и детьми; десять статей подробно регламентировали вопросы по имуществу при заключении брака. Отдельный раздел Кодекса (Статьи 344–362) был посвящен столь важной для Вьетнама проблеме как статус вдовы.

Значимость этого Кодекса подкрепляется и тем, что он довольно долго действовал во Вьетнаме и после достижения страной независимости от Франции. Так, 10 октября 1945 г. Хо Ши Мин, в качестве председателя Временного правительства ДРВ подписал указ о сохранении юридической силы ряда законов колониального времени, в т.ч. и Гражданского кодекса Тонкина[19]. Официально гражданский кодекс Тонкина был упразднён лишь 10 июля 1959 г. и на долгое время собственного аналогичного создано так и не было. Многие положения Гражданского кодекса были воспроизведены, порой подвергшись принципиальным изменениям, в созданном отдельном «Законе о семье и браке» 1959 года. Впрочем, это тема отдельного исследования.

«Разъяснение Гражданского кодекса Тонкина» очень тщательно составлялось самим Фам Хюи Луком. Помимо привязки

той или иной проблемы к соответствующей части ГК директор журнала часто апеллировал к традициям, в т.ч. зафиксированном в предшествующем законодательстве, сравнивая новые положения с ними. Главный акцент в этой рубрике как раз и был сделан на то, чтобы увязать нормы обычного права с новым законодательством, разъяснить читателям, как стоит поступать в той или иной ситуации.

Важной для самого журнала и крайне полезной для современных исследователей была рубрика «Повседневное право» («Pháp luật thường thức»). Этот раздел представлял собой ответы редакции на письма читателей и опять же был тесно привязан к новому ГК. Именно эти вопросы позволяют в макро-приближении увидеть актуальные для вьетнамского населения вопросы и варианты их решения, что не мог бы сделать ни один чисто законодательный источник. Для наглядности приведем перевод некоторых из этих вопросов:

«Вопрос: - Моя жена родила двух мальчиков близнецов. Как определить, кто из них является старшим, и, как следствие, претендует на права владения культовыми землями?

Ответ: - Тот, кто появился на свет первым. При составлении декларации об их рождении в гражданских органах, необходимо позаботиться о том, чтобы сначала заполнить декларацию о рождении первого сына, а потом второго; необходимо будет также зарегистрировать время рождения каждого ребенка»[20].

«Вопрос: Я потерял свою главную жену. Я хотел бы снова жениться, но на данный момент, я хочу взять младшую жену. Мне сказали, что по закону это невозможно. Могли бы вы меня проинформировать по данному вопросу?

Ответ: Это действительно невозможно: женитьба на младшей жене обязательно предполагает наличие главной жены. Статья 80 нового Гражданского Кодекса Тонкина имеет очень четкое определение в этом вопросе: «Запрещено брать жену второго ранга младшую жену прежде, чем жену первого ранга». Соответственно, вдовец или разведенный мужчина может официально заключить только брак первого ранга»[21].

«Вопрос: Моя жена умерла 3 месяца назад. Могу ли я снова заключить брак первого ранга во время траура?

Ответ: Согласно новому Гражданскому Кодексу Тонкина, который вступит в силу 1 июля 1931 г., женитьба во время траура запрещена. Согласно статье 84, брак считается недействительным, если мужчина заключает новый брак первого ранга ранее, чем через год после смерти его первой главной жены»[22].

Помимо упомянутых сюжетов читатели задавали и массу других животрепещущих вопросов, ответы на которые требовали более тщательного разъяснения. К примеру, одна женщина после совместного с мужем прочтения очередного выпуска «Правового журнала» особо интересовалась, имеет ли право ее муж привести домой любовницу, ведь согласно законодательству императора Зя Лонга это не было запрещено (показательно, что об этом она узнала только со страниц этого журнала).

Очевидно превалирующее место семейной тематики на страницах «Правового журнала», помимо важности семейных отношений для вьетнамского общества, объясняется еще и более банальным фактом – журнал прекратил свое существование в тот момент, когда дошел лишь до воспроизведения 364 статьи Кодекса, т.е. примерно ¼ его части. Семейная тематика как раз и помещалась в начале Кодекса, потому и была наиболее подробно отражена на страницах рассматриваемого журнала.

***

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Одним из основных источников по семейной проблематике Вьетнама XV–XIX веков являются составленные в то время Кодексы законов. Однако, как было отмечено, традиционное вьетнамское законодательство вслед за китайским носит в первую очередь характер уголовного права – неслучайно кодексы династий Ле и Нгуен можно перевести и как «Свод уголовных наказаний». Вследствие кардинально новых подходов к законодательной сфере при французской колониальной администрации во Вьетнаме был выработан Гражданский кодекс, аналогов которому в Китае не было. Данный кодекс более подробно в сравнении с законами предыдущих столетий регламентировал повседневную жизнь вьетнамского общества и вьетнамской семьи. «Правовой журнал» является одним из немногих изданий, в котором содержится текст этого Кодекса, то есть по сути является первоисточником правовой информации. Но в отличие от первоис-

точника журнал содержит подробнейшие пояснения профессиональных юристов по интерпретации тех или иных положений законодательства. Причем эти пояснения последовательно идут вслед за ранее опубликованной частью Гражданского кодекса, выполняя одновременно функции своего рода учебного издания для чиновников и, выражаясь современным языком, информационного портала для рядовых граждан. Внимания также заслуживают научные изыскания авторов журнала по реконструкции традиционных обычаев и норм семейного права, сделанные в рамках сквозной темы «Вопросы обычного права во Вьетнаме».

Важнейшим преимуществом данного журнала перед традиционными источниками является его открытый характер. Он не только по своему усмотрению выдает нужную информацию, но и отвечает на вопросы, интересующие его читателей. Журнал тем самым затрагивает не только теорию (которая никогда не может предусмотреть абсолютно все варианты), но и практику и конкретные реалии, которыми жили вьетнамцы. Тем самым помимо расширения чисто профессиональной информативности это предоставляет возможность современным исследователям лучше понять те проблемы, которыми жило тогдашнее вьетнамское общество и тем самым лучше представить его само.

При этом сами авторы журнала порой приходили в затруднение, разъясняя то или иное положение семейного законодательства; да и сами не считали зазорным спрашивать мнение читателей. Это лишний раз свидетельствует о запутанности и в то же время нерегламентированности норм семейно-брачных отношений в стране, когда общество еще жило во многом старыми социальными стереотипами, но при этом активно модернизировалось в условиях вхождения в состав французской колониальной империи.

Свою главную задачу – сделать так, чтобы законодательство стало известно широким слоям населениям – журнал выполнить так и не смог: вьетнамское общество в целом оставалось в неведении касательно законодательной базы. Впрочем по большому счету этого не удалось сделать вплоть до сегодняшнего дня. Авторы проведенного в 2002 г. социологическо-

го опроса по семейной проблематике отмечали, что ключевой в этом отношении «Закон о семье и браке» был в принципе неизвестен 37% опрошенного населения, а оставшиеся 63% о нем слышали, но не знали, что именно в нем написано[23]. Однако как материал для исследования «Правовой журнал» представляется весьма перспективным источником для изучения в первую очередь семейной проблематики, а также правовой практики Вьетнама колониального периода, экономических реалий того времени и ряда других затронутых в нем вопросов. Думается, что этот журнал, фактически обойденный вниманием во всех учебных пособиях и даже специализированной литературе по Вьетнаму, мог бы стать предметом исследования, а заодно и важнейшим источником для ряда дипломных студенческих работ, что говорит о возможности его применения в учебном процессе.

---

[1] Подобная идея высказывается в работе – *Никитин А.В., Федорин А.Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама (к постановке проблемы) // Социальные группы традиционных обществ Востока. Т.1. М., 1985. С.115–124.

В частности, авторы замечают, что «мысль о том, что «наведение порядка в государстве» зависит от «управления семьями», т. е. о том, что государство состоит из семей, а не из общин, вряд ли была очевидной для вьетнамских политиков X–XIV вв. В тот период вьетнамское государство больше устраивал буддизм с его общиной-сангхой» (с. 115).

[2] Среди западных ученых, занимавшихся подобными исследованиями, необходимо упомянуть французского исследователя тридцатых годов прошлого века П. Гуру, автора фундаментальной работы «Крестьяне Дельты Красной реки», в которой он тщательнейшим образом описал структуру северовьетнамской деревни и быт населения этой части страны. Помимо этого он провел отдельное исследование системы фамилий в этом районе, которое систематизировал в отдельной работе: *Gourou P.* Les noms de famille ou «ho» chez les Annamites du delta tonkinois. Essai d'étude statistique et géographique. // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 32, 1932. P. 481–495.

Вопросами семьи плодотворно занимался и классик мировой вьетнамистики знаменитый французский миссионер и ученый Л. Кадьер. См.: *Cadiere L.* La famille et la religion en pays annamite // Bulletin des amis du vieux Hue. №4, 1930. P. 353–414.

[3] С середины XX века многие вьетнамские исследователи открыто поставили под сомнение предположение об авторстве Нгуен Чая, полагая, что это произведение появилось не ранее XVIII в. и вероятно принадлежит сразу нескольким авторам. В связи с этим интерес к изучению этого произведения и жанра в целом в стране снизился, в то время как в колониальном Вьетнаме это произведение изучалось в школах. См., к примеру: *Nguyễn Hồng Phong*. Tìm hiểu Gia huấn ca // Van Sử Địa. Số 27, 1957. Tr. 4–21.

[4] Именно для максимального использования художественной литературы в качестве материала для реконструкции явлений семейной и общественной жизни Вьетнама в 2016 г. был инициирован отдельный проект «Женщины в истории Вьетнама», который, в частности, предполагает издание комментированных переводов художественной литературы и прессы по «женской проблематике» во Вьетнаме. Первое издание – см.: Нят Линь. Холод. Комментированный перевод М.А. Сюннерберга и Е.А. Марченко. Предисловие и вступит. статья М.А. Сюннерберга (Серия «Женщины в истории Вьетнама». Выпуск 1)., Ключ-С Москва, 2016. – 272 с.

[5] На вьетнамском языке встречаются и другие наименования этого Кодекса – Hoàng triều luật lệ, Quốc triều điều luật, Nguyễn triều hình luật, Bộ luật Gia Long. Последнее из них собственно и означает «Кодекс [императора] Зя Лонга».

[6] В связи с чем для лучшего понимания вьетнамского законодательства, в том числе в сфере семейно-правовых отношений, полезным будет прочтение китайских Кодексов, тем более, что фундаментальный перевод минского выполнен на русский язык – см.: Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). / Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н. П. Свистуновой. (Серия «Памятники письменности Востока». Вып. CXIII). М., Восточная литература. Ч. I – 1997, Ч. II – 2002, Ч. III – 2012.

[7] Подробнее о деревенских договорах см.: *Lê Thị Hiền*. Văn Hóa Hương Ước - Từ truyền thống đến Hiện Đại. // Tạp chí nghiên cứu Văn hóa, 2011. http://dlib.huc.edu.vn/handle/123456789/88

[8] *Никитин А. В.* Политические воззрения Фан Хюи Тю // Категории политики в истории философии. М., 1984. С. 116–134.

[9] Здесь выделяются такие работы, как «Традиционный уклад жизни вьетнамцев» Тоан Аня, «Обычаи Вьетнама» Фан Ке Биня и «Краткая история культуры Вьетнама» Дао Зюи Аня.

[10] Показательно, что в весьма объемной и содержательной работе известного вьетнамского ученого и журналиста Хюинь Ван Тонга по истории вьетнамской прессы «Пресса Вьетнама. От зарождения до 1945 года» этому журналу уделено буквально три строчки, да и в его названии

содержится досадная опечатка (Pháp Việt báo вместо Pháp Viện báo). См.: *Huỳnh Văn Tòng*. Báo chí Việt Nam. Từ thời thủy đến 1945. TP HCM., 2016. Tr. 394.

[11] http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32838962m/date

[12] Речь в журналах шла не только о Вьетнаме, но и о других странах, вошедших в состав французского Индокитая, а также о самой Франции. Так, например, в одном из выпусков речь идет о рабстве, которое было закреплено в старом законодательстве Камбоджи, были статьи и о Лаосе.

[13] *Phạm Huy Lục*. Nhân quyền. Hà Nội, 1935.

[14] Такой вывод мы сделали на основании найденной в газете «Чанган» заметки от 11 октября 1935 г., в которой сообщалось, что Фам Хюи Лук был повторно избран на свой пост. Так как срок полномочий в Палате составлял три года, то первый раз соответственно пришелся на конец 1932 г.

См.: Tràng An báo. №65. 11.10.1935 // http://baochi.nlv.gov.vn/baochi/cgi-bin/baochi?a=d&d=WJMY19351011.2.2&e=-------en-20--1--txt-IN------

[15] Pháp Viện Báo. №1. Tr. 8.

[16] Pháp Viện Báo. №1. Tr. 5.

[17] В колониальном Вьетнаме суды, в которых рассматривались дела европейцев, именовались «судами для европейцев» (вьет. – Tòa Tây án), а для местного населения использовался термин tòa Nam Án.

[18] Том I – Личность. Том II – Имущество. Том III – Обязательства и соглашения. Том IV – Документы.

[19] https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-03-SL-giu-nguyen-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo/22523/noi-dung.aspx

[20] Pháp Viện Báo. №3. Tr. 145.

[21] Pháp Viện Báo. №6. Tr. 291.

[22] Pháp Viện Báo. №6. Tr. 291.

[23] *Lê Ngọc Văn*. Gia đình và biến đổi gia đình ở Việt Nam. Hà Nội, 2012. Tr. 261.

© ***Астафьева Е.М.***
ИВ РАН

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ и ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЮВА с РОССИЕЙ, КИТАЕМ и США

12 апреля 2017 г. в Институте востоковедения РАН состоялась Научная межинститутская конференция «Новые тенденции и перспективы экономического и политического сотрудничества стран ЮВА с Россией, Китаем и США», организованная Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель директора ИВ РАН Белокреницкий В.Я.

В конференции приняли участие ученые из различных академических и научно-исследовательских институтов, в частности, специалисты из ИВ РАН, НИУ ВШЭ, НИУ МЭИ, Института стран СНГ, РИСИ, ИДВ РАН, ИМЭМО РАН, ИСАА МГУ, РГГУ.

Работу конференции открыл заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, доктор исторических наук *Д.В. Мосяков.* В своем выступлении на тему *«Некоторые парадоксальные тенденции в политическом и экономическом развитии стран ЮВА»* он отметил, что при анализе последних событий в странах АСЕАН возникает ощущение некоего парадокса. Суть его в том, что, с одной стороны, экономические связи стран АСЕАН с Китаем значительно возрастают, а с другой – наблюдается стагнация, или даже сокращение (например, в Бирме) прокитайских настроений. Другими словами, с точки зрения экономических позиций Китай усиливает свое влияние в странах АСЕАН, а политически и особенно социокультурно его позиции не только не усиливаются, а в лучшем случае находятся на том же самом уровне[1].

А.А. Рогожин (НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова) в докладе *«Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы»* подчеркнул, что первые шаги президента США Дональда Трампа во внешнеэкономической сфере вызвал в странах ЮВА определенное беспокойство, хотя и разной степени. В первую очередь это касается выхода США из Транстихоокеанского партнерства. В этой связи в регионе начат поиск альтернативных вариантов регионального экономического сотрудничества: ускорение переговорного процесса в рамках Регионального комплексного экономического партнерства (РКЭП), активизации в регионе Японии и Индии, вовлечение в процессы регионального сотрудничества стран бассейна Индийского океана и др.

В настоящее время экономическое сотрудничество стран ЮВА и США осуществляется лишь на двусторонней основе и, как показывают приведенные докладчиком расчеты, оно в целом благоприятно для них. В первую очередь это касается торговли: ее отличает стабильность (в 2011-2015 гг. доля США в совокупном внешнеторговом обороте колебалась в диапазоне 8,1-9,3%) и постоянно растущее положительное сальдо для стран региона (в тот же период оно превышало 21 млрд долл. в среднегодовом исчислении). Товарная структура взаимной торговли вполне благоприятна для стран ЮВА: в их экспорте в США 75% составляют машины, оборудование и готовые промышленные изделия, а в импорте из США почти 80% – это машины, оборудование, транспортны средства и химтовары. Докладчик оценил перспективы экономических отношений стран ЮВА как благоприятные[2].

В выступлении *Сведенцова В.Л. (*РИСИ*) «Треугольник Россия-Китай-США: возможности для России в условиях "новой реальности" президента Трампа»* указывалось, что президент Д. Трамп неоднократно критиковал «поворот в Азию», предыдущей американской администрации, который, по его словам, «полностью провалился из-за сокращения расходов на флот», слабости и непоследовательности администрации американского президента Б. Обамы. Вместе с тем, подчеркнул докладчик, нельзя сказать, что Трамп полностью порывает с «поворотом в Азию». Трамп не собирается сворачивать американ-

ский зонтик безопасности над своими союзниками в Азии. Политика президента Трампа в отношении китайских властей будет характеризоваться двумя моментами. Во-первых, «США больше не будут приносить экономику в жертву внешней политике, реализуя проекты Транстихоокеанского партнерства и Североамериканской зоны свободной торговли». Действительно, один из первых указов президента Трампа – это указ о выходе из ТТП. Во-вторых, президент Трамп вернется к концепции «мир через превосходство в мощи», существовавшей при президенте Р. Рейгане. И она подразумевает резкое наращивание военных расходов, прежде всего через увеличение количества военных кораблей и призыва к союзникам США, прежде всего Японии и Южной Корее, увеличить свой вклад в создание американского «военного кулака» в регионе. Неслучайно отставной генерал-лейтенант и «морской котик» Джеймс Мэттис совершил свой первый визит в качестве министра обороны США в Республику Корея и Японию. В заключение, В.Л. Сведенцов выдвинул предположение, что эта американская активность в АТР приведет к сокращению американской активности в других регионах.

Бойцов В.В. (ИСАА МГУ) выступил с докладом *«Позиции России, США и Китая во внешнеэкономических связях стран ЮВА во втором десятилетии XXI в.».* Он отметил, что, несмотря на относительно быстрые темпы расширения внешнеэкономического сотрудничества стран ЮВА с Россией, ее удельный вес во всем объеме внешнеэкономических связей этих стран остается крайне незначительным. Так, доля России в экспортной торговле стран ЮВА к середине 2010-х гг. достигла всего 0,4%, а в импортной – 1,4%. В то же время удельный вес Китая в экспортных и импортных операциях этих стран увеличился соответственно до 11,6% и 17,5%, что позволило ему стать крупнейшим торговым партнером этих стран, оттеснив с ведущих позиций как Японию, так и США. Последние, однако, хотя и снизили свой вклад в международную торговлю стран региона, сохранили в ней достойное место, обеспечивая 9,5% их экспорта и 7,3% импорта, что позволило им закрепиться в этих странах на третьей позиции в их экспорте и на четвертой в импорте. В результате, несмотря на опережающие темпы роста

внешнеторговых операций стран ЮВА с Россией, абсолютный разрыв между объемами торговли этих стран и Россией, с одной стороны, и величиной их внешнеторговых операций с Китаем и с США, с другой, значительно увеличился – в экспорте с Китаем до 145 млрд. долл. и с США до 117 млрд. долл. и в импорте – соответственно до 199 млрд. долл. и 77 млрд. долл.

Еще менее благоприятная ситуация для России сложилась в сфере международного перемещения капитала. Если ввоз прямых инвестиций из Китая в страны ЮВА с 2010 по 2015 гг. увеличился в 2,4 раза, а их приток из США сохранился практически на прежнем уровне, то из России он не только не возрос, но, напротив, сменился к середине десятилетия устойчивым оттоком. Докладчик подчеркнул, что при сохранении нынешней тенденции уже в относительно недалекой перспективе можно ожидать изменений в соотношении объемов китайских и американских прямых инвестиций, размещаемых в ЮВА, в пользу китайских и дальнейшего ослабления позиций российского капитала.

Подводя итог, В.В. Бойцов подчеркнул, что укрепление позиций России во внешнеэкономических связях стран ЮВА в ее пользу имеет перспективу только в случае существенных изменений в ее хозяйственном облике и смене приоритетов отечественного бизнеса.

Н. Г. Рогожина (НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова) в докладе *«Мягкая дипломатия Китая в Юго-Восточной Азии»* подчеркнула, что КНР пытается использовать «мягкую силу» для повышения привлекательности страны и улучшения ее имиджа с тем, чтобы расширить ее влияние в мире в целом и в ЮВА, в частности, с этой целью используются такие инструменты политики как культура, образование, идеологические концепции и ценности. Китайское руководство полагает, что без использования «мягкой силы» КНР не сможет стать великой державой и укрепить свои экономические позиции за рубежом. Хотя эффективность использования «мягкой силы» Китаем в целом невысока (по этому показателю страна в 2016 г. лишь 26-е место в соответствующем мировом рейтинге), однако применительно к ЮВА этот показатель, скорее всего, намного выше. Большинство населения стран ЮВА (за исклю-

чением Вьетнама) признает, что КНР оказывает сильное влияние на них, хотя в регионе доминирует в целом позитивное отношение к этому процессу. Н. Г. Рогожина дала анализ рисков, связанных с использованием китайской «мягкой силы», для стран ЮВА[3].

В докладе *«Кодекс поведения в ЮКМ – химера или шаг в правильном направлении?» Локшин Г.М.* (ИДВ РАН) указал, что страны АСЕАН в 2016 г. получили от Китая обещание завершить переговоры о рамочном проекте Кодекса поведения сторон (*англ.* COC) в Южно-Китайском море (ЮКМ), который призван заменить собой оказавшуюся неэффективной Декларацию (DOC), подписанную в Пномпене 4 ноября 2002 г. Докладчик проанализировал позиции сторон в процессе работы над Кодексом, перспективы его принятия и возможное значение. В частности, Г.М. Локшин рассмотрел общую позицию провозглашенного 31 декабря 2015 г. Сообщества АСЕАН в отношении территориальных споров в ЮКМ и особенности политики государств-членов в сложившемся треугольнике Китай-АСЕАН-США. Далее он остановился на неудавшихся попытках установить стабильный правовой режим в ЮКМ на долгом пути от подписания DOC 2002 до начала переговоров по проекту Кодекса, а также на событиях 2012-2013 гг. и усилиях Индонезии по преодолению возникшего кризиса в АСЕАН, объявлению первого (нулевого) проекта Кодекса. Особое внимание докладчик уделил анализу влияния вердикта Постоянного арбитражного суда в Гааге на переговоры по Кодексу и перспективам его принятия в свете изменения обстановки в ЮКМ в 2016-2017 гг. В заключение Г.М. Локшин сделал вывод о том, что в создавшихся условиях принятие Кодекса маловероятно, а продолжение переговоров для одних служит отвлекающим маневром, а для других – возможностью сохранить диалог с Китаем по проблемам безопасности в ЮКМ[4].

Я.В. Мищенко (МГУ) в докладе *«Сотрудничество и конкуренция России и Японии в борьбе за энергетические рынки стран Юго-Восточной Азии»* отметила, что в настоящее время в Восточной Азии в целом, и в Юго-Восточной Азии, в частности, развивается сложное, многоуровневое, состоящее из многих звеньев и большого количества участников взаимодействие

в области энергетики. Россия традиционно выступает на глобальном энергетическом рынке как экспортер энергетического сырья и энергоресурсов, а Япония является одним из покупателей российских энергоресурсов на восточном направлении. Докладчик особо подчеркнула, что российские энергоресурсы могут стать потенциальным фактором смягчения и улучшения усложняющейся энергетической ситуации в Японии, возможным подспорьем в преодолении дефицита энергоресурсов в регионе. Вместе с тем, Россия стремится трансформировать, расширить свою роль на энергетических рынках стран региона – и выступать уже не только в качестве поставщика энергоресурсов, но также поставлять в страны региона продукцию энергетического машиностроения, передовые энергосистемы. На данном этапе в продукции российского энергомашиностроения наиболее заинтересован Вьетнам, потенциально могут проявить заинтересованность и другие страны АСЕАН. Вместе с тем стремление РФ выйти на рынки стран региона в качестве поставщика энергосистем может натолкнуться на противодействие Японии. Докладчик пришла к выводу, что Япония вряд ли станет «проводником» России на энергетические рынки региона, так как сама стремится получать подобные контракты и может воспринимать Россию как потенциального конкурента на этих направлениях. Вместе с тем, уже есть примеры партнерства России и Японии на энергетических рынках ЮВА (например, создание российско-японско-вьетнамского консорциума VRJ-Petroleum Co, которое занимается разведкой нефти во Вьетнаме). Какая из тенденций – сотрудничество или конкуренция – будет превалировать во взаимодействии России и Японии на энергетических рынках стран ЮВА – актуальный и интересный вопрос исследования.

Л.С. Рубан (НИУ МЭИ) представила доклад *«Энергетическое сотрудничество Малайзии со странами АТР и мира в целом».* В своем выступлении докладчик проанализировала энергетическую ситуацию в Малайзии в период с 2006 по 2016. Для характеристики деловой активности компании «ПЕТРОНАС» в нефтегазовой сфере, производстве сжиженного природного газа и электроэнергетике в Малайзии и других странах были использованы экспертные мнения. Л.С. Рубан рассказала о разви-

тии нефтегазовой отрасли в Малайзии, о ресурсной базе углеводородов в стране и ее изменениях, о разведке и добыче нефти и газа, их экспорте за рубеж, развитии нефтехимии и нефтепереработки, трубопроводного транспорта и танкерного флота в этой стране, лидером энергетики которой является компания ПЕТРОНАС. Также в выступлении была проанализирована зарубежная деятельность компании в более чем 30 странах мира (в АТР, Африке, Европе, Северной и Латинской Америке, Каспийском регионе и Центральной Азии и др.)[5].

С докладом на тему *«Китайская "дипломатия добрососедства": курс на выстраивание особых отношений с АСЕАН»* выступил *Л.В. Гладченко* (РИСИ). Докладчик указал, что развитие отношений с АСЕАН является частью общей стратегии КНР по формированию «пояса добрососедства» по периметру своих границ, которая обоснованно рассматривается в числе главных приоритетов внешней политики нынешнего китайского руководства.

На текущем этапе происходит заметная активизация усилий Пекина по сближению сторон на платформе пространственной близости, цивилизационно-культурной общности, стремлению к взаимодействию на основе разделяемых интересов и признаваемых ими институтов в сфере экономики, торговли и безопасности. При этом в Пекине подчеркивают отсутствие собственных лидерских амбиций в этом процессе и готовность признавать «центральную роль» АСЕАН.

В качестве главного ресурса, привлекаемого Китаем для решения этой задачи, выступает экономический фактор. Согласно экспертным заключениям, в настоящее время Китай стал «ключевым экономическим партнером для всех членов «десятки». С выдвижением транспортно-логистического мегапроекта «Один пояс – Один путь» доктрина «добрососедства» оказалась поднята на более высокий уровень и получила новое наполнение.

Китай выдвигает собственные, альтернативные западным, концепции развития ряда азиатских регионов, в частности, странам ЮВА, которым Пекин предлагает стратегию «соразвития», подкрепленную значительными материальными ресурсами. Однако налицо резкое увеличение отрицательного сальдо

торгового баланса стран АСЕАН с КНР, что ведет к выстраиванию в регионе модели «китаецентричного» порядка.

Докладчик приходит к выводу, что отношения КНР-АСЕАН все более выходят за рамки традиционных межгосударственных отношений и приобретают новое качество. Перспектива образования «сообщества единой судьбы» КНР и АСЕАН, как в заключение подчеркнул Л.В. Гладченко, призвана стать прообразом одного из новых центров формирующейся полицентричной мировой системы, ядром и опорой которой будет выступать Китай.

Работу первой секции конференции завершили сотрудники МГИМО (У) МИД РФ *Е.В. Колдунова,* выступившая с докладом на тему *«АСЕАН: проблемы и перспективы развития в новых геополитических условиях»* и *В.В. Сумский* с докладом *«О предпосылках стратегического партнерства России и АСЕАН».*

А.Ю. Другов (ИВ РАН), представивший доклад *«Индонезия: реакция на перемены в США»,* открыл работу второй секции конференции.

Докладчик указал, что бывают политические события, значимость которых неожиданно выходит за их границы, и они играют роль неких индикаторов, позволяющих проявляться процессам и явлениям, казалось бы, напрямую с ними не связанным. В применении к Индонезии таких событий в последнее время было, по крайней мере, два: губернаторские выборы в Джакарте, заслуживающие отдельного скрупулезного рассмотрения, и президентские выборы в Соединенных Штатах Америки.

Отношение индонезийцев к США всегда было двойственным. Оно определяется, с одной стороны, необходимостью считаться с политической, экономической и военной мощью этой сверхдержавы и, с другой, постоянными латентными опасениями, что, если в какой-то момент собственные интересы США этого потребуют, Америка без колебаний пойдет на попытку смены режима в Джакарте, скорее всего, под предлогом насаждения демократии.

В настоящее время, как особо подчеркнул докладчик, некоторые индонезийские аналитики считают, что у Индонезии

есть три пути. Первый – встать на сторону США против Китая, чтобы вооруженные силы страны могли бы сотрудничать в сфере разведки и отслеживания передвижений китайских кораблей в прилегающих водах.

Противоположный вариант – Индонезия окажется втянутой в орбиту действий Китая в морских пространствах. При этом отмечается, что КНР всячески стремится к такому развитию событий и к сотрудничеству с Индонезией. Наконец, третий, нейтральный выбор – неуклонная самоидентификация Индонезии как нейтрального государства.

В целом, в политическом руководстве страны возобладала точка зрения, что Индонезия должна исходить из вероятности серьезных изменений во внешнеполитическом и внешнеэкономическом курсе Соединенных Штатов и необходимости формировать собственный курс с учетом этих изменений.

В заключение А.Ю. Другов отметил, что есть основания говорить о некотором более очевидном проявлении антиамериканских настроений в обстановке, сложившейся после президентских выборов в США[6].

С докладом на тему *«Перспективы развития ядерной энергетики в Индонезии»* выступил *А.В. Попов* (ИВ РАН).

Докладчик указал, что в соответствие с долгосрочной Программой развития экономики Индонезии на 2005-2025 гг., потребности в электроэгнергии в Индонезии к 2025 г. составят не менее 115.000 Мвт. Нынешнее руководство страны в настоящее время реализует 5-летнюю программу по созданию новых энергомощностей в объеме 35.000 Мвт, которая, и это уже очевидно, вовремя реализована не будет, что ставит вопрос и о развитии в стране атомной энергетики.

Президент страны Джоко Видодо и подконтрольное ему Министерство энергетики и минеральных ресурсов Индонезии выступают против строительства АЭС, ссылаясь на Постановление правительства №79/2014 «О национальной политике в области энергетики» от 17 октября 2014 г., в котором сказано, что атомная энергетика является самым последним вариантом из альтернативных видов энергетики, которая будет развиваться, если только прочие ее виды не смогут получить дальнейшего развития.

В настоящий момент в Индонезии работают три исследовательских реактора: в Бандунге, Джокъякарте, а также в Серпонге. Все они были построены по американской и западногерманской технологиям. В Серпонге также планируется сооружение и нового исследовательского реактора мощностью 10 Мвт, подготовка ТЭО которого осуществлялась при участии Росатома. Соглашение между Россией и Индонезией «О сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии» было подписано 1 декабря 2006 г. во время визита в Москву президента Сусило Бамбанга Юдойоно. Индонезия проявляет большой интерес к технологии плавучих АЭС, которая успешно развивается в России.

Подводя итог, А.В. Попов отметил, что крайне активно относительно строительства АЭС в Индонезии ведет себя Китай, который готов взять на себя практически на 100% финансирования, а также максимально использовать при строительстве АЭС и компоненты местного производства.

О.Л. Петрова (ИВ РАН) представила доклад *«Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений».*

Китайская диаспора в Индонезии, как отметила докладчик, является одной из наиболее крупных зарубежных китайских сообществ и занимает важное положение в социально-экономической структуре страны. Несмотря на то, что индонезийские китайцы составляют менее 3% населения страны, они являются доминирующей силой в экономике, другими словами, доля их участия в экономической деятельности статистически несоизмерима с их численностью. Это вызывает возмущение, а в некоторых случаях негодование со стороны остальной части населения (явление, часто упоминавшееся во время правления президента Сухарто как «социальная зависть»).

Китайскому меньшинству в Индонезии сейчас, с одной стороны, стало «легче дышать», но с другой, они все так же подвергаются дискриминации, иногда принимая слишком близко к сердцу то, что дискриминацией не является. Порой возникающие антикитайские движения являются умелым инструментом в руках политиков в борьбе за свои интересы и доходные места.

Басуки «Ахок» Чахая Пурнама – первый этнический китаец, ставший губернатором Джакарты, и первый немусульманин, занявший этот пост за последние полвека. Ахок был обвинен в богохульстве и осквернении ислама, когда использовал одну из сур, чтобы якобы ввести в заблуждение избирателей ради увеличения своих шансов на победу. Это происшествие развязало волну антикитайских настроений по всей стране. Многие этнические китайцы с тревогой следят за событиями в столице. Такого напряжения и тревоги, особо подчеркнула О.Л. Петрова, не было с 1998 г., когда по всей стране прокатилась волна китайских погромов и кровавых столкновений между мусульманами и христианами[7].

Доклад *«Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи»* представила *Н.Н. Бектимирова* (ИСАА МГУ). В своем выступлении она указала, что при реализации внешнеполитического курса нейтралитета, закрепленного в конституции страны, власти Камбоджи традиционно придерживались политики балансирования между ведущими внерегиональными и региональными державами. Важнейшее место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи занимали отношения с США, которые при администрации Б. Обамы получили новый импульс и достигли, по словам премьер-министра Хун Сена, невиданного доселе подъема. Позитивное выстраивание отношений с США было особенно важным лично для Хун Сена, так как служило дополнительным фактором легитимации его сверх длительного правления. Подъем двухсторонних отношений с США – экономических, политических, гуманитарных Хун Сен считал своей особой заслугой. Большое значение премьер придавал начавшемуся с 2010 г. сотрудничеству в военной области и сфере безопасности.

В ходе американской избирательной кампании Хун Сен «болел» за Трампа, предрекал ему победу и с большим воодушевлением встретил избрание республиканца на пост президента. Однако именно с приходом к власти администрации Трампа, у которой пока отсутствует четко выраженная линия в отношении стран ЮВА, у Камбоджи возникли определенные трения в отношениях с США. Они выразились, в частности, в односторонней отмене Камбоджей совместных военных учений

«Ангкор Сентинел», в появлении устойчивой антиамериканской риторики в публичных выступлениях Хун Сена, в отказе принимать депортированных из США кхмерских граждан и др.

Подводя итог, докладчик подчеркнула, что возникновение антиамериканских мотивов во внешнеполитической деятельности правящих кругов Камбоджи обусловлено целым рядом причин как внешнего, так и внутреннего характера. К наиболее важным, в первую очередь, следует отнести приближение в Камбодже очередного избирательного цикла.

Е.А.Фомичева (ИВ РАН) в своем докладе *«Внешняя политика военного правительства Таиланда: пределы маневра»* указала, что военный переворот в мае 2014 г. и сформированное после него военное правительство создали определенные проблемы для таиландской внешней политики в связи с реакцией стран Запада и, прежде всего, США. Давние американские партнеры Таиланда объявили о некоторых санкциях против Таиланда в торгово-экономической и даже военной сфере. Россия, так же как и Китай, подтвердили, что для этих стран важно развивать отношения с тайским государством, не вмешиваясь во внутреннюю политику страны. Таиландское правительство в этих условиях усилило сотрудничество с КНР и Российской Федерацией. В ходе выступления Е.А. Фомичева проанализировала, как будут развиваться отношения Таиланда с этими странами, есть ли пределы изменениям во внешней политике страны и каковы эти пределы.

Доклад на тему: *«Японо-американское военное сотрудничество и проблема Южно-Китайского моря»* представил *Е.А. Канаев* (НИУ ВШЭ). Докладчик указал на то, что новые нюансы в политике Японии в отношении проблемы Южно-Китайского моря свидетельствуют о готовности Токио не только активизировать ее направления, но и трансформировать военно-политическое сотрудничество с США в сторону изменения системы коллективной безопасности в АТР с «США – партнеры по альянсам» на «США – Япония – партнеры по альянсам».

В заключение Е.А. Канаев сделал вывод о том, что реализация таких планов приведет к раскоординации приоритетов стран АТР по выстраиванию унифицированного поля сотруд-

ничества на азиатско-тихоокеанском и евразийском пространстве, затруднив наступление «азиатского века».

В выступлении *Н.Б.Лебедевой* (ИВ РАН) *«Индия-АСЕАН: особенности взаимодействий двадцать пять лет спустя и некоторые новые внешние факторы»* были проанализированы итоги и перспективы развития взаимосвязей между Индией и АСЕАН к концу 25-летия, а также основные аспекты взаимной востребованности на двустороннем уровне с отдельными членами группировки (Вьетнамом, Сингапуром, Малайзией и др.). Были показаны новые направления в курсе Н. Моди, такие как «Делай в Индии», «Цифровая Индия», «Умелая Индия» и др., за счет которых предпринимаются меры по расширению сотрудничества с АСЕАН. Особое внимание было обращено на воздействие внешних факторов, приведшее, в частности, и к повышению стратегического партнерства в связке Индия-АСЕАН, с одной стороны. А с другой, обострение ситуации на стыке двух океанов – в ЮКМ – усилило значимость «индийского фактора» и для АСЕАН, и для США в их намерениях активизировать ее вовлеченность в дела региона. Где-то это удавалось, а где-то нет (подписание соглашения LEMOA с Вашингтоном, но отказ от совместного патрулирования и др.).

Подводя итог, докладчик указала, что Индия стремится проводить осторожную политику балансирования, учитывающую реакцию Китая.

Муранова А.П. (ИВ РАН) представила доклад *«Активизация экономической деятельности США в Мьянме после 2011 г.».* В выступлении была изложена хроника введения и снятия американских санкций против Мьянмы, а также основные шаги по нормализации отношений между странами. Докладчик представила статистические данные, которые свидетельствуют о том, что торговые отношения развиваются очень быстро, но большие трудности возникают в сфере инвестиционной деятельности[8].

С докладом *«Инвестиционное сотрудничество Вьетнама со странами региона и мира на современном этапе. Аспекты взаимодействия с Россией»* выступила *Е.М. Аксенова* (Торгпредство РФ во Вьетнаме). Она напомнила, что с момента вступления Вьетнама в ВТО, либерализации экономики и зна-

чительного увеличения притока инвестиций в страну прошло уже 10 лет. Вьетнам продолжает уверенно реализовывать политику региональной и международной интеграции, активизирует всестороннее экономическое взаимодействие и является привлекательным для иностранных инвесторов.

Однако сегодня на первое место встает вопрос: насколько иностранный капитал способен продвинуть Вьетнам в глобальной цепочке создания стоимости, решить ряд внутренних проблем, поднять технологический уровень вьетнамских предприятий.

Проведенный анализ и обзор форм и сфер инвестирования различных стран и регионов во Вьетнам позволил выделить некоторые тренды и особенности.

Вьетнам успешно диверсифицирует формы инвестирования в страну, снижая барьеры для инвесторов, создавая равное правовое пространство для иностранных компаний, модернизируя правовую базу и заключая новые инвестиционные соглашения. Особенный интерес к Вьетнаму по-прежнему проявляют именно азиатские ТНК: корейские, японские, китайские. А в определении стратегии и поведения на рынке Вьетнама решающую роль играет уровень развития и современная экономическая обстановка в стране-инвесторе.

По мере развития Вьетнама все больший акцент иностранные инвесторы делают на внутреннем рынке страны. Особенную активность можно заметить среди государств АСЕАН. Иностранные инвесторы начинают переходить на закрепление на рынке с собственной продукцией.

Помимо положительных аспектов, серьезная активизация во Вьетнаме слияний и поглощений может рассматриваться и как тревожный сигнал: вьетнамский бизнес постепенно переходит в руки иностранных компаний, ограничиваются возможности получения прибыли, а также определения направлений развития, исходя из собственных национальных приоритетов.

По итогам 2016 г. Россия занимает в списке инвесторов во Вьетнам только 23-е место, ключевой сферой инвестиционного сотрудничества по-прежнему остается нефтегазовая отрасль. Несколько парадоксально выглядит тенденция инвестирования Вьетнама в российский молочный сектор (компания True Milk).

Накопленные инвестиции из Вьетнама в Россию в 1988-2016 гг. (2,9 млрд долл. США) превышают российские инвестиции во Вьетнам (1,093 млрд долл. США)[9].

М.С. Зеленкова (РИСИ) представила доклад *«Проработка правовых основ деятельности гражданского общества во Вьетнаме: проблемы и перспективы».*

С докладом *«Вьетнамское литературное зарубежье: новые имена и тенденции»* выступил *А.А. Соколов* (ИВ РАН).

В.А. Андреева (ИЯ РАН) выступила на тему: *«Проект Вьетнамско-русского фразеологического словаря».*

Докладчик особо подчеркнула, что в последние годы во Вьетнаме наметился ощутимый прогресс в восстановлении позиций русского языка, при этом ощущается нехватка современной учебной и справочной литературы по русскому языку. В Институте языкознания РАН создается Вьетнамско-русский фразеологический словарь с культурологическим описанием, отражающий фразеологическую систему вьетнамского языка в сопоставлении с русским языком. Материалом словника словаря являются вьетнамские фразеологические единицы различных типов: идиомы, поговорки, устойчивые сравнения, пословицы, грамматические фразеологизмы, крылатые слова. Разработка словарной статьи включает в себя буквальный перевод фразеологической единицы, пояснения этимологического и культурологического характера, эквиваленты перевода, иллюстративный материал для лучшего понимания особенностей и сферы функционирования фразеологизма.

В заключение В.А. Андреева отметила, что Вьетнамско-русский фразеологический словарь – важный шаг в развитии культурного и гуманитарного сотрудничества России и Вьетнама.

Д.С. Панарина (ИВ РАН) представила доклад *«Новый этап дружественных российско-филиппинских отношений».*

В своем выступлении докладчик указала, что 40 лет дипломатических отношений между Россией и Филиппинами ознаменовались отсутствием пересечения каких-либо интересов, практически полным «не присутствием» в жизни друг друга, в первую очередь, по причине удаленности, а также в силу политических обстоятельств.

С момента разворота России в сторону Южнотихоокеанского региона, «возвращения в Азию» начиная с 2012 г., наблюдается «оживление» дипломатических отношений. Обе стороны проводят регулярные встречи, обсуждают возможности сотрудничества, упрощается режим въезда на Филиппины для российских граждан, налаживается импорт-экспорт товаров. Все эти явления, тем не менее, были весьма незначительны и оставались таковыми вплоть до окончания президентского срока Бенигно Акино III, выборов 9 мая 2016 г. и вступления в должность нового президента Филиппин – Родриго Дутерте.

С июня 2016 г. начинается новая внешняя политика Филиппин, которая подразумевает умеренную дружбу страны со многими государствами, помимо главного и давнего партнера Филиппин – США. Для России это создает ряд новых возможностей, в частности, дает шанс выйти на филиппинский рынок в разных областях.

На данном этапе по результатам встреч и обсуждений на высшем уровне, дальнейшее сотрудничество России и Филиппин видится сторонам через: обеспечение Филиппин российским оружием (сейчас – снайперскими винтовками); сотрудничество на государственном уровне по вопросам безопасности, защиту и совместные военные учения в целях борьбы с международным терроризмом и транснациональным криминалом; охрану правопорядка и морских территорий силами филиппинской и российской береговой охраны; развитие экспорта в Россию сельхозпродукции Филиппин (в основном фруктов) и импорта из России (в основном – зерновых культур). Также перспективными областями являются: развитие туризма и обмена интеллектуальными кадрами; поддержка Филиппин со стороны России в вопросах энергетического развития (в том числе через продажу Филиппинам российской нефти и нефтепродуктов); инвестирование российских капиталов в инфраструктурные проекты Филиппин (транспорт и энергостанции); предоставление Филиппинам статуса во всеобщей системе преференций России.

Интересна реакция филиппинской общественности на новый поворот внешней политики страны и непосредственно на дружбу Филиппин с Россией. По результатам опросов обще-

ственного мнения в начале декабря 2016 г. становится ясно, что, несмотря на то, что уровень доверия к США за последнее время среди филиппинцев несколько снизился по сравнению с показателями сентября 2016 г., он, тем не менее, остается на гораздо более высоком уровне, нежели степень доверия к России или к Китаю.

С докладом на тему: *«Перспективы валютно-финансового сотрудничества Центробанка России и Валютного Управления Сингапура»* выступила *М.Г. Осипова* (ИВ РАН).

После обретения Сингапуром независимости было образовано Валютное Управление Сингапура, выполняющее функции Центробанка в стране. Такое решение было продиктовано нежеланием властей иметь в стране Центральный банк, который мог бы осуществлять денежную эмиссию. Одним из основных положений экономического развития страны была политика максимального сдерживания и недопущения обесценивания национальной валюты. В результате проведения такой политики была построена система, при которой Валютный Комитет выпускал в обращение сингапурские доллары только в том случае, если они были обеспечены. Валютное Управление обладало всеми функциями Центрального банка, за исключением денежной эмиссии.

Центральный Банк Российской Федерации был образован 13 июля 1990 г. И является правопреемником Государственного Банка СССР. Де-юре Банк России был приравнен к Центральному Банку лишь в 2002 г.

По мнению докладчика, сотрудничество между Валютным Управлением Сингапура и ЦБ РФ может осуществляться в такой области, как реформа банковского рынка. Это сотрудничество может быть внешним и внутренним, открытым или и конфиденциальным. Состоялось несколько рабочих совещаний, о которых известно только то, что проходили консультации о возможности сотрудничества в сфере безопасности.

Как особо отметила М.Г. Осипова, при проведении своей денежной политики Валютное Управление Сингапура использует совершенно особый метод – информацию о валютном рынке: такая информация является решающей, ибо валютный курс является основным рычагом политики Управления.

В заключение М.Г. Осипова отметила, что в условиях проведения против нашей страны санкций со стороны США и стран западного мира, в том числе и в банковской сфере, сотрудничество с Сингапуром в этой области представляется выгодным и конструктивным.

Доклад *Симония А.А.* (ИВ РАН) *«Роль Китая в миротворческих процессах Мьянмы»* был посвящен одной из самых наболевших проблем страны, требующей неотложного решения – усмирению сепаратистского движения национальных меньшинств. Вооруженное сопротивление этнических повстанцев длится с момента обретения Бирмой независимости в 1948 г., т.е. уже почти 70 лет. Периодически между правительством и отдельными этническими вооруженными формированиями подписывались соглашения о прекращении огня. Перед пришедшим к власти гражданским правительством встал вопрос о подписании перемирия со всеми мятежными армиями, и в частности с Северным альянсом, в который входят четыре вооруженные сепаратистские группировки.

Далее докладчик отметила, что для Китая установление мира в приграничных северных районах Мьянмы имеет особую важность как в политическом, так и в экономическом плане в его стратегии на будущее. На протяжении всех прошедших десятилетий Китай всегда, в той или иной степени, был причастен к событиям в приграничных районах Бирмы/Мьянмы. После прихода к власти правительства Аун Сан Су Чжи миротворческая деятельность Китая по урегулированию военных конфликтов на севере Мьянмы еще более активизировалась. В конце 2016 г. состоялась серия китайско-мьянманских переговоров на высоком уровне. Китайская сторона даже предложила г. Куньмин (Юньнань) в качестве нейтральной территории для переговоров миротворческих сил с повстанцами. В обмен Китай рассчитывает на реанимацию замороженных экономических проектов на территории Мьянмы[10].

Д.В. Мосяков, подводя итог конференции, выразил глубокую благодарность всем выступающим за высокий уровень представленных докладов, вызвавших широкую научную дискуссию участников конференции.

[1] Подробнее см.: Мосяков Д.В. Парадоксы развития стран АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 18-23.
[2] Подробнее см.: Рогожин А.А. Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы // // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 26-31.
[3] Подробнее см.: Рогожина Н.Г. «Мягка сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 24-33.
[4] Подробнее см.: Локшин Г.М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС) – иллюзия или отвлекающий маневр? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 40-60.
[5] Подробнее о ПЕТРОНАС см.: Рубан Л.С. «ПЕТРОНАС» – энергетический лидер
Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 227-237.
[6] Подробнее см.: Другов А.Ю. Индонезия: реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 115-130
[7] Подробнее см.: Петрова О.Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 131-146.
[8] Подробнее см.: Муранова А.П. Мьянма: активизация экономической деятельности США, 2011-2016 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXV (№35, 2017), с. 170-183.
[9] Подробнее см.: Аксёнова Е.М. Тенденции инвестиционного сотрудничества Вьетнама со странами региона и мира на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017), с. 188-208.
[10] Подробнее см.: Симония А.А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIV (№34, 2017) с. 171-187.

© ***Кукушкина Е.С.***
ИСАА МГУ

К ИТОГАМ ЗИМНЕ-ВЕСЕННЕГО ЦИКЛА ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ОБЩЕСТВА «НУСАНТАРА» 2017 г.

Общество «Нусантара» 18 мая завершило заседания своего научного семинара в сезоне 2016/2017 г. Во втором полугодии цикла (с февраля по май) членами Общества было сделано 9 докладов.

Февральское заседание открылось выступлением *Н.В. Юрчикова* (ИСАА МГУ) на тему «Остров Батам как "индонезийский Сингапур": перспективы экономического роста».

Докладчик охарактеризовал Батам, лежащий в 20 км к югу от Сингапура, как один из наиболее динамично развивающихся районов Индонезии. В 1960-х гг. экономический подъем Сингапура потребовал новых площадей под производство, и десятилетием позже остров был превращен в индустриальную зону, где промышленное строительство осуществлялось совместно Индонезией и Сингапуром. В 1970-х – 1990-х гг. остров стал крупнейшим центром производства электротехники в Индонезии, а в XXI в. – во всей ЮВА. Он представляет собой одну из вершин «треугольника роста», района интенсивного сотрудничества трех стран (Сингапура, Индонезии и Малайзии).

Остров привлекает инвесторов статусом зоны свободной торговли с низкими налогами, дешевой рабочей силой, неосвоенными землями и хорошей инфраструктурой. Условия ведения бизнеса для зарубежных предпринимателей облегчены. В результате в 2015 г. на Батаме были представлены 1500 крупных компаний из 38 стран. Темпы роста населения составляют 7,5% в год, его численность превышает миллион человек, высок уровень урбанизации.

По мнению докладчика, концепция превращения Батама во второй Сингапур не может считаться успешно реализованной. Остров используется Сингапуром лишь для ввоза сырья, размещения производств и эксплуатации низкооплачиваемой

рабочей силы. Растут цены на жилье, ухудшилась экология, пришел в упадок рыболовный промысел, местное население пиратствует. При активном экономическом сообщении с Сингапуром вывоз продукции с Батама в другие районы Индонезии затруднен высокими налогами. Остров превращен не столько во второй Сингапур, сколько в придаток богатого соседа. В докладе подчеркивается необходимость искать для Батама свои пути развития в сторону большей самостоятельности, хотя такое движение неизбежно столкнется с сопротивлением инвесторов.

В выступлении к.ф.н. *М.В. Фроловой* (ИСАА МГУ) на тему «В поисках архаического варианта сунданского предания о Санг Курианге по фольклорным и литературным источникам» рассматривался сюжет народной словесности, популярный на Западной Яве. Предание существует в многочисленных версиях, в том числе современных – литературных и кинематографических. Оно повествует о дольних испытаниях пары изгнанных с небес божеств, которые возрождаются на земле в зооморфном обличье, дают жизнь главному герою Санг Куриангу. Ненамеренное отцеубийство становится причиной его скитаний, а затем – встречи с неузнанной им вечно юной матерью, на которой он хочет жениться. С подвигами героя связано возникновение нескольких объектов местного рельефа – гор и озера.

Изученные фольклорные варианты предания сохранились в изложении современных информантов, а в литературе представлены сказками для детей. В современной словесности к истории Санг Курианга обращались индонезийские писатели Утуй Татанг Сонтани, Аип Росиди и Айю Утами.

Сопоставление разных версий привело М.В. Фролову к выводу, что в наиболее архаичном варианте сюжет предания использовал сунданец Аип Росиди. В его творчестве присутствуют наиболее древние мотивы, отражающие ритуалы, которые скрываются за поступками героев. К числу архаических элементов в сюжете предания о Санг Курианге докладчица относит мотивы чудесного рождения героя и инициации, а также явные следы тотемических культов.

В докладе прослеживается параллель между западнояванским сюжетом и историей царя Эдипа. В основе архаичного

мотива о кровосмешении лежат представления о древней модели передачи власти правителя. М.В. Фролова показывает присутствие в предании о Санг Курианге сюжетных элементов, соотносимых с идеями о ритуальном убийстве (в данном случае отцеубийстве), чистой и нечистой жертве, ее искуплении.

Программу мартовского заседания научного семинара открыл *М.В. Курицын*, исполнительный директор Общества дружбы и сотрудничества с Индонезией, член Попечительского совета фонда сотрудничества «Россия-АСЕАН». Его сообщение было посвящено итогам рабочего визита в Индонезию и Малайзию председателя Общества дружбы и сотрудничества с Индонезией, председателя правления Российского исторического общества С.М. Шахрая и перспективам сотрудничества с Индонезийским обществом историков.

По словам докладчика, С.М. Шахрай, являющийся также проректором МГУ, деканом Высшей школы государственного аудита МГУ и председателем правления Российского исторического общества, провел в Джакарте и Куала-Лумпуре ряд плодотворных встреч. В частности, значительным успехом стало подписание соглашения о сотрудничестве между Российским историческим обществом и Индонезийским обществом историков. Обе стороны выразили готовность развивать контакты в сфере работы с архивными документами и прежде закрытыми индонезийскими источниками, а также в области обмена исследователями. Центральными темами совместных проектов могли бы стать история развития двусторонних отношений, государственных визитов на высшем уровне и проектов содействия Индонезии, которые осуществлялись Россией и СССР.

М.В. Курицын особо отметил большой интерес индонезийской стороны к разработанной в МГУ платформе программного обеспечения для создания виртуальных музеев с трехмерными моделями экспонатов, на базе которой при помощи российских специалистов могут быть разработаны музеи индонезийских исторических объектов.

Делегация также провела переговоры с Индонезийским юридическим обществом, а на встречах с представителями

местных университетов обсудила возможность открытия центров изучения русского языка.

В.М. Голикова (ИСАА МГУ) представила доклад «Роль политических династий в экономике Филиппин». Докладчица усматривает прямую связь между степенью экономического влияния ряда мощных филиппинских кланов с показателями уровня бедности в стране. Несмотря на положительную тенденцию развития последних 5 лет (5–6% годового роста), уровень бедности остается высоким. Снизить его мешает большое социальное неравенство, создающееся в результате доминирования непрерывно богатеющих династий.

Наиболее состоятельные семейные кланы Филиппин, как правило, обладают значительной политической властью и злоупотребляют ей. Злоупотребления особенно ощутимы в распределении земельной собственности, льготах на ведение бизнеса и в налоговой сфере. Богатейшие династии получают экономические привилегии и продолжают увеличивать доходы, одновременно приобретая все большую независимость от государства. Предпринимаемые правительством шаги (например, принятие в 2015 г. «Закона об антимонопольном регулировании») в этой ситуации не дают желаемого результата. Кланы неоднократно приводили к высоким государственным постам своих ставленников, и нынешний президент Филиппин Р. Дутерте, вопреки принятому мнению, имеет тесные связи с рядом влиятельных семейств. В своей политике кланы широко используют содействие популярных медийных фигур.

По оценке В.М. Голиковой, клановая сеть на Филиппинах представляет собой цельную политическую систему с ассиметричными взаимосвязями элементов. Она не предполагает открытости политических отношений. Значительная автономность от государства, активное лоббирование клановых интересов и отсутствие у династий стимула к содействию в решении проблем страны приводит к отрицательному воздействию клановости на развитие конкурентной экономики.

На апрельском заседании научного семинара Общества «Нусантара» его участники принимали Его превосходительство Чрезвычайного и полномочного посла Республики Индонезии в России, г-на *Мохамада Вахида Суприяди*, выступившего с со-

общением на тему «О достижениях и перспективах индонезийско-российских отношений». Он подчеркнул глубинное сходство характеров индонезийцев и россиян. На встречах руководителей двух стран была отмечена роль мирного характера ислама в сближении наших народов. По мнению Мухамада Вахида Суприяди, Россия является примером длительного мирного сосуществования ислама и православия, которые достаточно близки друг другу. Эта близость особенно сильно ощущается в России, воплощающей собой единство Европы и Азии.

Посол Индонезии отдельно упомянул теплый прием, оказанный на встрече на высшем уровне в Сочи президенту Индонезии Джоко Видодо, который получил в виде памятного подарка музейный кинжал-*крис*, выкованный 300 лет назад и попавший в российскую коллекцию. Подарок очень тронул индонезийского президента и стал символом «второго романтического периода» отношений Индонезии и России после тесной дружбы в эпоху Сукарно.

По словам М.В. Суприяди, в настоящее время в России очень много сторон, стремящихся вести бизнес с Индонезией. Развитие деловых и торговых отношений тем более важно, что пока объем двусторонней торговли явно недостаточен. За последний год индонезийский экспорт в Россию вырос на 4,5%, однако этого мало. Для улучшения показателей есть резервы, поскольку Индонезия и Россия не являются экономическими конкурентами, а напротив, дополняют друг друга. Например, Индонезия занимает 2-е место в мире по потреблению лапши и покупает в России пшеницу, а Россия нуждается в индонезийском пальмовом масле и текстиле.

По словам М.В. Суприяди, одной из приоритетных целей Индонезии является подписание договора с Евроазиатским экономическим союзом. Ведется активный обмен правительственными делегациями. Цель Индонезии и России – стать стратегическими партнерами друг друга. Огромный интерес россияне выказывают к индонезийской культуре – на недавнем фестивале побывало 68 тыс. человек.

Еще одним обширным полем деятельности является сфера образования. 400 индонезийских студентов в России – небольшое число, которое желательно увеличить. Посол Индонезии

высоко оценил возможности, предоставляемые иностранным студентами российскими вузами. Он считает, что российскому образованию надо больше рекламировать себя. Это касается и России в целом, о которой у части индонезийцев еще сохраняется предвзятое мнение. Оно меняется у тех, кто побывал здесь: в последнее время индонезийские туристы стали посещать не только Москву и Санкт-Петербург, но и Казань.

А.А. Шапошникова рассказала о своем опыте работы редактора-переводчика в проекте, имеющем прямое отношение к созданию положительного образа России в Индонезии. В выступлении на тему «Российские мультфильмы как инструмент мягкой силы на индонезийском рынке. Новый проект ЦТВ, практические вопросы перевода и дубляжа» она описала особенности и основные проблемы, которые приходится решать переводчикам российских мультфильмов на индонезийский язык. Положительным примером стал триумф в Индонезии мультсериала «Маша и Медведь».

При переводе ряда сериалов, которые будут предложены индонезийской стороне, возникает значительное число сложных переводческих задач. К основным из них А.А. Шапошникова отнесла точную передачу разговорных выражений и разговорного стиля; перевод реалий; адекватное воспроизведение языковых шуток и стихов.

Мультфильмы, обладающие значительным потенциалом воздействия на аудиторию и формирование ее мировоззрения, по убеждению А.А. Шапошниковой выступают как «мягкая сила», способная дать долгосрочный эффект и способствовать развитию двусторонних отношений.

Мохамад Вилки Ризкиянти, представляющий Педагогический университет Бандунга (Индонезия) выступил с докладом «О программе изучения индонезийского языка для иностранцев (BIPA)». Основное назначение программы заключается в том, что она выступает выразителем национальной самобытности индонезийского народа. Язык представляет собой одну из систем, через которые реализуется культурный код, что определяет роль программы как носителя и передатчика национальной культуры. В настоящее время в Индонезии насчитывается 45 учебных центров, предлагающих эту программу, за рубежом

таких центров около 130 в 36 странах. Помимо развития у слушателей четырех базовых навыков владения языком (чтение, письмо, понимание, речь), программа знакомит учащихся с мировоззрением и системой ценностей индонезийцев. Используемые в процессе преподавания учебные материалы подбираются с учетом этой важнейшей функции обучения.

На заключительном семинаре сезона 2016/2017 г. *Н.В. Пракапович* (ИСАА МГУ) представила доклад «Влияние американской образовательной политики на современный социально-экономический уклад жизни филиппинцев». Проведенный анализ показал, как были сформированы стереотипы самовосприятия народа Филиппин, заложенные колониальной системой образования – сначала испанской, а затем американской. Принципы американского подхода сохраняются во введенной бывшим президентом страны Б. Акино образовательной программе К-12, которая вызывает большие дискуссии.

В рамках данной программы продолжительность обучения была увеличена с 9 до 12 лет; из нее были исключены предметы, имеющие непосредственное отношение к национальной самобытности (изучение языка филипино, истории и культуры Филиппин); были введены курсы по овладению профессиональными навыками низкой квалификации. Сторонники К-12 в правительстве и министерстве образования утверждают, что она имеют целью улучшение качества образования и конкурентоспособности выпускников местных школ в условиях рынка.

Противники программы настаивают, что она сокращает внутренний потенциал страны, обслуживая интересы международного капитала, которому поставляется дешевая филиппинская рабочая сила. Среди жителей страны насаждается образ «гражданина мира» – наемного рабочего. Правительство Филиппин эксплуатирует ориентированность населения на неквалифицированную работу за рубежом, финансируя агентства по найму и поощряя трудовую миграцию. Объем денежных переводов, высылаемых в стану мигрантами, достигает 8% ВВП. При этом половина филиппинцев, остающихся работать у себя в стране, трудятся в сфере услуг.

По словам Н.В. Пракапович, несмотря на формальное порицание отношения прежних колонизаторов (испанцев) к образованию местного населения, американцы по сути продолжили их линию. Они сделали ставку на ликвидацию неграмотности посредством введения всеобщего начального обучения и развитие профессионального образования. К этому было добавлено воспитание «патриотизма и духа свободы». Образ либеральных колонизаторов, какими стремились подать себя американцы, скрывал прагматичный расчет: внедрялось образование с минимальными элементами академичности, учащимся прививались простейшие навыки для удовлетворения базовых жизненных потребностей, консервировалось положение коренного населения в роли обслуживающего персонала. Такой подход скрывался за идеями протестантско-светской идеологии и трудовой этики, которая привилась на Филиппинах, несмотря на малое влияние протестантской церкви.

Как полагает Н.В. Пракапович, американская образовательная политика получила продолжение в современной концепции образования на Филиппинах, которые экономически и политически по-прежнему сильно зависят от США.

Завершало программу цикла научных семинаров Общества «Нусантара» в текущем учебном году выступление Президента Общества профессора *В.В. Сикорского* (ВКИЯ МИД РФ) на тему «Политика, история, философия яванизма и многое другое в романе индонезийской писательницы Айю Утами “Число Фу”». По мнению докладчика, Айю Утами продолжает усилия нескольких известных индонезийских авторов, которые интерпретировали в своих произведениях вопросы истории страны, мировоззрения ее народа и философии. Роман “Число Фу” (2008) основан на обширном материале, изобилует самобытными идеями и оценками. Как полагает В.В. Сикорский, творчество Айю Утами выходит за рамки популярного женского течения *састра ванги* (буквально “ароматная литература”), хотя ее считают одной из его главных фигур.

Роман отчасти имеет вид научной работы, снабжен тематическим указателем, насыщен вставками статей из научной периодики, реальными и имитированными. В произведении очень заметна политическая и философская позиция автора, ра-

тующего за сохранение окружающей среды во всех смыслах – природном и духовном.

В сфере политики Утами противостоит государственному милитаризму, в области мировоззрения – фундаментализму и ортодоксальности, жесткому монотеизму. Ее протест реализуется через описание перипетий жизни главного героя, который борется с добывающими компаниями, варварски эксплуатирующими ресурсы страны, и в конце концов гибнет от рук исламских фундаменталистов-фанатиков.

По мысли писательницы, уважение к народным традициям и верованиям способствует уважительному и бережному отношению к окружающей среде. Гибель героя становится своего рода катарсисом, который приводит к снятию растущего напряжения, сближению и примирению противоборствующих сторон.

Роман насыщен символикой, сюжетными ходами и мотивами разнообразного происхождения, которые порождают множество идей и ассоциаций. Они связаны в своей массе с традициями и духовностью яванского мистицизма *кеджавен*, также имея выход на другие религиозные и культурные дискурсы. К числу таких мотивов относится обретение младенца-подкидыша и его усыновление, история мифологических близнецов, кровосмешение, отшельничество, телесное уродство. Одной из центральных является тема мистического странствия (например, в виде подъема к вершинам гор или, напротив, спуска в пещеру, что понимается как возвращение в лоно Матери-земли).

Целью главного героя и его соратников является поиск тайного магического числа-знака, умножение и деление которого дает один и тот же результат, в котором все части целого едины и самодостаточны. Это Божественное число, эманация Бога. Утверждается свойственная яванской культуре идея равновесия, которая всегда имела в глазах яванцев священную природу. Устами своих героев и самой формой своего романа Айю Утами говорит о необходимости единства и равновесия между вдохновением и рациональной мыслью.

Научный семинар Общества «Нусантара» возобновил свои заседания в сентябре 2017 г.

Мосяков Д.В. *Новое качество конфликта в Южно-Китайском море*

В статье указывается, что смысл глобальности в отношении конфликта в ЮКМ состоит не только в масштабе освещения в мировой прессе, более важным является то, что переход к глобальному уровню, коренным образом меняет всю политическую архитектуру в ситуации, сложившейся в ЮКМ. В новых условиях и конфликт Китая и Вьетнама, и конфликт стран АСЕАН с Китаем, как бы отходят на второй план, они уступают место глобальному противоборству. Меняются и основные мотивации и реперные точки, определяющие характер конфликта.

Ключевые слова: *Южно-Китайское море, Китай, США, Вьетнам, конфликт, глобализация*

Канаев Е.А. *АСЕАН четвертая промышленная революция*

В статье проанализировано влияние Четвертой промышленной революции на Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в современном глобальном и региональном контексте. Выявлены основные ожидаемые направления такого влияния, уточнен характер стоящих перед АСЕАН вызовов в их совокупности, определены практически-ориентированные мероприятия, позволяющие АСЕАН купировать негативные последствия Четвертой промышленной революции в стратегической перспективе. Аргумент автора таков, что предпосылки успешной политики АСЕАН в купировании вызовов Четвертой промышленной революции могут быть усилены ее участием в проекте Большая Евразия.

Ключевые слова: *АСЕАН, Четвертая промышленная революция, возможности, вызовы, проект Большая Евразия*

Костюнина Г.М. *Государственная поддержка инвестиционных проектов в странах АСЕАН*

Статья посвящена практике государств АСЕАН в сфере государственной поддержки инвестиционных проектов. Во всех странах-участницах сформированы подобные системы на основе предоставления инвесторам, главным образом, налоговых и в гораздо меньшем объеме – неналоговых стимулов, разработки государственных программ поддержки инвестиций в

приоритетных отраслях промышленности, поддержки кластерного подхода к развитию промышленности и создания свободных экономических зон, особенно в депрессивных регионах. Несколько отличается практика Сингапура, Малайзии и Индонезии, в которых достаточно широко используются неналоговые стимулы для поддержки инвестиционных проектов, как и в экономических развитых государствах Европы или Америки.

Ключевые слова: *АСЕАН, государственная поддержка, инвестиционные стимулы, промышленность*

Бэ Бумки. *Асеаноцентричные диалоговые форматы и эволюция морских территориальных споров СВА в контексте Большой Евразии*

Статья посвящена выявлению влияния асеаноцентричных многосторонних диалоговых форматов по вопросам азиатско-тихоокеанской безопасности – Регионального форума АСЕАН (АРФ), Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатского саммита (ВАС) – на снижение остроты морских территориальных споров Северо-Восточной Азии (СВА) в контексте реализации проекта «Большая Евразия». Определены направления и механизмы такого влияния, сформулированы практически-ориентированные предложения по переводу необходимых мероприятий в практическое русло и повышению их отдачи.

Ключевые слова: *Асеаноцентричные диалоговые форматы, безопасность, территориальные споры, АРФ, СМО АСЕАН+8, ВАС, СВА, Большая Евразия*

Королев А.С. *ВРЭП в системе многостороннего экономического сотрудничества в АТР*

В статье анализируется место ВРЭП в системе многостороннего экономического сотрудничества в АТР. Рассматриваются основные особенности инициативы с точки зрения ее функционала и механизмов реализации.

В ходе исследования выделяются ключевые факторы (экономические, технические и политические), препятствующие продвижению инициативы ВРЭП. Помимо этого, подводятся итоги последних раундов переговоров и встреч в многостороннем формате. В частности, речь идет о 18 и 19 раундах

переговоров, а также о 3-й Межсессионной встрече министров торговли стран ВРЭП и 5-й встрече министров торговли стран ВРЭП прошедшей в сентябре 2017 г. на Филиппинах.

Ключевые слова: *ВРЭП, АСЕАН, Индия, Китай, интеграция, Азиатско-Тихоокеанский регион*

Пале С.Е. *Закат «тихоокеанской державы»: США стремительно теряют вес в Океании*

С приходом к власти в США нового президента Дональда Трампа в 2017 г. отношения между Вашингтоном и государствами Южнотихоокеанского региона претерпели кардинальные перемены. Исполнение заявленных Трампом принципов торгового протекционизма и антиглобализации привело, в частности, к выходу США из Парижского соглашения по климату, что испортило отношения с островными странами Океании. Более существенные осложнения последовали после выхода США из переговоров по Соглашению о Транстихоокеанском партнерстве, инициированных Новой Зеландией и Австралией. Главным же фактором напряженности в американо-южнотихоокеанских отношениях стало нагнетание Трампом ядерной угрозы в отношении Северной Кореи, поскольку в случае вооруженного конфликта первыми пострадают страны южной части Тихого океана – Австралия, Гуам, Маршалловы Острова и целый ряд других территорий. Подобная политика привела к потере доверия к США со стороны южнотихоокеанских государств. Однако ниши, из которых уходят США, стремительно заполняет Китай, действуя, как всегда, «мягкой силой», которая не дает осечек и идет на благо всему Южнотихоокеанскому региону.

Ключевые слова: *Южнотихоокеанский регион, Океания, США, Дональд Трамп, Китай*

Другов А.Ю. *Индонезия: что показали выборы губернатора в Джакарте*

В ходе кампании по выборам губернатора в столице Индонезии в 2016-начале 2017 гг. определенные партии и политические деятели Индонезии апеллировали к радикально-исламистским и ксенофобным настроениям части населения, чтобы добиться избрания своего кандидата и упрочить свои по-

зиции в предвидении президентских выборов 2019 г. При этом отмечалась недостаточная активность ряда партий правительственной коалиции, и основную политическую роль в сохранении стабильности приняла на себя армия.

Встревоженное успехом оппозиции на выборах в столице правительство президента Джоко Видодо приняло ряд мер, включая президентский указ о порядке роспуска общественных организаций, нарушающих законы. Распущена радикальная исламистская организация Хизбут Тахрир Индонесиа.

Ключевые слова: *президент, выборы, партии, религия, радикалы, Фронт защиты ислама, армия.*

Петрова О.Л. *Обзор индонезийско-китайских отношений за последние годы*

В статье рассматриваются особенности развития экономических отношений между Индонезией и Китаем за последние годы. Проводится анализ текущих проблем и сложностей во взаимоотношениях двух стран. Особо отмечается значение китайских инвестиций для повышения конкурентоспособности экономики Индонезии.

Ключевые слова: *Индонезия, Китай, экономическое партнерство, инвестиции, торговля, туризм*

Бектимирова Н.Н. *Межпартийное противостояние в Камбодже в 2017 г. тенденции и перспективы*

В статье рассматривается проблема политического противостояния Народной партии Камбоджи и Партии национального спасения Камбоджи, резко обострившегося накануне выборов в органы местного самоуправления, состоявшихся в июне 2017 г. Итоги избирательных баталий подтвердили существование глубокого раскола в обществе. Разрыв в уровне электоральной поддержки между правящей и оппозиционной партиями составил всего 7% голосов избирателей. Результаты выборов внушали оппозиции надежду на возможность победы на парламентских выборах 2018 г. Стремясь не допустить подобного развития событий, правящая партия направила все усилия на выдавливание ПНСК с политической арены, используя для этого судебную систему.

Ключевые слова: *Народная партия Камбоджи, Партия национального спасения Камбоджи, политическое противостояние, оппозиционная партия, местные и парламентские выборы, «цветная революция», роспуск партии*

Симония А.А. *Массовый исход бенгальцев-рохинджа: кто виноват и что делать?*

В статье дается краткая историческая ретроспектива взаимоотношений коренных жителей штата Ракхайн − араканцев (ракхайнов) и бенгальцев (рохинджа) с колониального периода. Автор делает вывод, что первопричиной конфликта стали политика и действия британской колониальной администрации. Особое внимание уделяется возникновению военизированных формирований среди бенгальцев уже в период новейшей истории. В статье подробно рассматриваются попытки разрешить этот застарелый конфликт, частности рекомендации комиссии, возглавляемой бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном.

Ключевые слова: *Мьянма, штат Ракхайн, араканцы, бенгальцы, беженцы, Армия спасения рохинджей Аракана (АСРА), репатриация*

Астафьева Е.М. *Безальтернативные президентские выборы в Сингапуре в 2017 г. и первая женщина президент: а была ли возможна альтернатива*?

Статья посвящена президентским выборам в Сингапуре 2017 г. Автор анализирует нововведения в порядке избрания президента страны, излагает краткую хронологию президентской кампании и её итогов, а также знакомит с краткой биографией нового президента Республики Сингапур – Халимы Якоб.

Ключевые слова: *Сингапур, президентские выборы, президент, Халима Якоб*

Локшин Г.М. *Российско-вьетнамские отношения и фактор Китая*

В статье указывается, что на современном этапе российско-вьетнамские отношения остаются, несомненно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в регионе ЮВА, так и в АТР в целом. Для Вьетнама эти отношения - важная составная часть независимой, самостоятельной, много-

сторонней и многовекторной внешней политики. Политика России в АТР в целом остается открытой и нацеленной на создание климата доверия и тесного взаимодействия со всеми странами, большими и малыми. У России нет никаких идеологических или иных противоречий ни с Китаем, ни с традиционно дружественным Вьетнамом, ни с какими другими государствами АСЕАН. Автор указывает на то, что самое главное - установить приемлемые для всех правила игры.

Ключевые слова: *Россия, Вьетнам, сотрудничество, Южно-Китайское море, Китай, США*

Ле Ван Выонг *Основные направления обеспечения качества подготовки в системе высшего образования СРВ в условиях международной региональной и двусторонней интеграции*

В статье рассмотрены особенности системы высшего образования (СВО) в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ), дается периодизация стратегического плана развития высшего и профессионального образования во Вьетнаме – его основные этапы, достижения и проблемы. В статье содержится описание и анализ основных форм развития СВО в СРВ; содержания пакета критериев и стандартов качества подготовки в вузы Вьетнама и т.д.

Ключевые слова: *Вьетнам, глобализация, международная интеграция, система высшего образования, Министерство Высшего образования и подготовки кадров (МВОП), экспертиза, контроль качества, реформы, модернизация*

Теханович А.И. *Вьетнам в контексте борьбы США и КНР за влияние в Юго-Восточной Азии*

В последние годы развернулась серьезная борьба между США и КНР за влияние в Юго-Восточной Азии. Стремление Пекина к доминированию в регионе провоцирует США вести все более активную политику по созданию «линии сдерживания» Китая. Для того чтобы укрепить свои позиции, Соединенные Штаты развивают отношения с Вьетнамом с целью превращения его в своего союзника. В этой ситуации Ханой вынужден лавировать между КНР и США и создавать свою собственную систему противовесов в отношениях с этими странами.

Ключевые слова: *Вьетнам, США, КНР, ЮКМ, геополитика, безопасность, стратегия хеджирования*.

Захаров А.О. *Заметки о политогенезе в Юго-Восточной Азии в I тыс.*

В статье рассматриваются особенности становления индианизированных государств Юго-Восточной Азии, анализируются связи генезиса властных структур с войнами и другими формами насилия. Основные источники – надписи на санскрите, древнемалайском, древнеяванском, древнекхмерском языках. Политогенез понимается как становление властных структур, в том числе государственных. В статье обосновывается гипотеза, согласно которой ключевым в становлении территориального государства в регионе был VII век, когда в местной эпиграфике появились обозначения не только всей подвластной правителю территории, но и отдельных её областей.

Ключевые слова: *индианизация, государственность, надписи, санскрит, Фунань*

Москалев П.Э. «*Зарубежные китайцы» в историческом развитии Лаоса*

В статье рассматривается положение представителей китайской иммигрантской общины («зарубежных китайцев») в истории Лаоса с конца XIX в. до начала XXI в. Анализируются особенности формирования китайской общины на территории лаосского государства, специфика взаимодействия «зарубежных китайцев» с местным населением и представителями государственной власти в этой стране. Выводы статьи содержат периодизацию истории Лаоса применительно к положению «зарубежных китайцев» в нем.

Ключевые слова: *Лаос, история, XX век, зарубежные китайцы*

Фомичева Е.А. *Таиланд: культура и политика*

Автор в своей статье рассматривает политику правительства Таиланда в сфере культуры как элемента построения современного государства и воспитания национального самосознания на основе традиционных ценностей тайской культуры и истории.

Ключевые слова: *Таиланд, культура, искусство, культурная политика, традиционные ценности*

Сюннерберг М.А. *Франко-вьетнамский «Правовой журнал» как источник о семейно-брачных отношениях в позднем колониальном Вьетнаме*

Задача данной статьи – дать общее представление об источниковой базе, которую возможно задействовать при изучении семейной проблематики в различные периоды исторического развития Вьетнама, и более детально познакомить читателей с ранее не используемым как в отечественной, так и в *западной* вьетнамистике франко-вьетнамским «Правовым журналом» (вьет. – Pháp Viện báo), издававшемся в 1931–1932 гг. На основе анализа его содержания в статье демонстрируется, как он может быть использован для исследования семейно-брачных отношений в период 1920-1930-х гг., и какое место он занимает среди прочих источников по семейной проблематике во Вьетнаме.

Ключевые слова: *семья во Вьетнаме, источники по семейно-брачным отношениям, «Правовой журнал», женщины во Вьетнаме, вьетнамское законодательство, колониальный Вьетнам*

Dr. Dmitri Mosyakov. *The new quality of the conflict in the South-China Sea*

The author pointed out that the meaning of globality with regard to the conflict in the SCS is not only in the scale of coverage in the world press, but which is more important - the transition to the global level fundamentally changes the entire political architecture of the SCS. Under the new conditions, both the conflict between China and Vietnam, and the conflict between the ASEAN countries and China, as if recede into the background, giving way to the global confrontation. It also changes and the main motivations and reference points that determine the nature of the conflict**.**

Keywords: *the South-China Sea, China, the US, Vietnam, conflict, globalisation*

Dr. Evgeny Kanaev. *ASEAN and the Fourth Industrial Revolution*

The article focuses on the influence of the Fourth Industrial Revolution on the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the current global and regional milieu. The key dimensions of this influence are revealed, the nature of challenges ASEAN is encountering is specified, and the practical directions of activity that will allow ASEAN to curtail the negative repercussions of the Fourth Industrial Revolution in the strategic perspective are outlined. The author argues that the prerequisites for ASEAN success in encountering the challenges of the Fourth Industrial Revolution can be strengthened by its participation in the Greater Eurasia project.

Keywords: *ASEAN, the Fourth Industrial Revolution, challenges, the Greater Eurasia project*

Dr. Galina Kostyunina. State Support for Investments Projects in ASEAN States

The article is devoted to the practice of ASEAN states in the sphere of state support of investment projects. In all member states similar systems have been formed on the basis of providing investors mainly with tax and, to a much lesser extent, with non-tax incentives, government programs to support investments in priority industries, supporting a cluster approach to developing industry and creating free economic zones, especially in depressed regions. The practice of Singapore, Malaysia and Indonesia is slightly different,

but all of them widely use non-tax incentives to support investment projects, as well as the developed economies of Europe or America.
Keywords: ASEAN, state support, investment incentives, industry

Bae Bumki. *The ASEAN-Centric Dialogue Formats and the Evolution of Maritime Territorial Disputes in Northeast Asia: the Greater Eurasia Dimension*

The article outlines the influence of ASEAN-centric multilateral dialogue frameworks on security issues – ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN Defense Ministers Meeting (ADMM) + 8 and East Asia Summit (EAS) upon the mitigating of contradictions over the maritime territorial disputes in Northeast Asia in the context of the Greater Eurasia project. The directions and mechanisms of this coordination are identified, practical suggestions aimed at turning the necessary steps into reality and increasing their feedback are offered.
Keywords: *ASEAN-centric dialogue formats, security, territorial disputes, ADMM+8, EAS, Northeast Asia, Greater Eurasia*

Alexander Korolev. *Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) in the system of multilateral economic cooperation in the Asia-Pacific region*

The paper explores the role of Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) in the system of multilateral economic cooperation in Asia-Pacific. It discusses the basic features of the initiative in terms of its functionality and implementation mechanisms. The study identifies the key factors (economic, technical and political) that hinder the advancement of RCEP. Besides, it summarizes recent rounds of negotiations and meetings in multilateral format. In particular, it is referred to the 18th and 19th rounds of negotiations as well as the 3rd RCEP Intersessional Ministerial Meeting and the 5th RCEP Ministerial Meeting held in September 2017 in the Philippines.
Keywords: *RCEP, ASEAN, India, China, integration, Asia-Pacific region*

Dr. Sophiya Pale. *The decline of the "Pacific Power": the US quickly lose their weight in Oceania*

After Donald Trump had come to power as the US President in 2017, the relations between Washington and the South Pacific states changed drastically. The implementation of such Trump's policies as trade protectionism and antiglobalization resulted in the US withdrawal from the Paris climate agreement that worsened the relations with the island states of Oceania. More troubles followed when the US withdrew from the negotiations on the Trans-Pacific Partnership initiated by New Zealand and Australia. The most unpleasant issue in the American-South Pacific relations was Trump's stoking tension with North Korea, which could have lead to a nuclear conflict and thus affect, first of all, Australia, Guam, the Marshall Islands and many other territories. As a result, the South Pacific states lost confidence in the USA. Yet, China quickly refills the niches left by the USA, achieving it, as usual, with its "soft power" that never fails and brings much benefit to the whole South Pacific region.

Keywords: *South Pacific region, Oceania, USA, Donald Trump, China*

Dr. Alexey Drugov. *Indonesia: What governor election in Jakarta demonstrated.*

During the campaign of the governor election in Jakarta in 2016-2017 several parties and politicians exploited radical Islamist and xenophobic feelings still existing in some sections of the population to have their candidate elected as the governor and to strengthen positions of their candidate pending presidential election in 2019. The parties of the government coalition were not active enough, so the Army played the main political role in maintaining stability.

Worried with the success of the opposition in Jakarta Joko Widodo's government took several steps including presidential decree on the procedure of dissolution of mass organizations violating law and disbanding radical Hizbuth Tahrir Indonesia Islamist organization.

Keywords: *president, election, parties, religion, Front of the Defenders of Islam, Army.*

Olga Petrova. *Overview of Indonesia-China economic relations in recent years*

The article examines the development of economic relations between Indonesia and China in recent years. An analysis of current problems and difficulties in the relations between the two countries is being conducted. The importance of Chinese investment is particularly noted for increasing the competitiveness of Indonesia's economy.

Keywords: *Indonesia, China, economic partnership, investments, trade, tourism*

Dr. Nadezhda Bektimirova. *Interparty Rivalry in Cambodia in 2017: Trends and Prospects*

This article considers the political rivalry between the Cambodian People’s Party and the Cambodia National Rescue Party. This rivalry intensified drastically in the run up to local elections in June 2017. The election results proved the existence of a deep divide in Cambodian society. There was only a 7% gap between the ruling and opposition parties. The election results gave the opposition party reason to hope that winning the 2018 parliamentary elections was within the realm of possibility. Determined not to let that happen the ruling party concentrated its efforts on squeezing the Khmer National Rescue Party out of the political arena, through the judicial system.

Keywords: *Cambodian People’s Party, Cambodia National Rescue Party, political rivalry, opposition party, local and parliamentary elections, “colour revolution”, party dissolution.*

Dr. Aida Simoniya. *The Exodus of the Bengali-Rohingya people from Myanmar: who is to blame and what to do?*

The article gives a brief historical retrospective of relations between the Arakanese and Bengalis in Rakhine state (Arakan) since the colonial period. The author concludes that the root causes of the conflict were the policies and actions of the British colonial administration. Special attention is paid to the emergence of paramilitary groups among the Bengalis in the period of recent history. The article describes in detail attempts to resolve this protracted conflict, in particular the recommendations of the Commission headed by former UN Secretary General Kofi Annan.

Keywords: *Myanmar, Rakhine state, the Arakanese, the Bengali, refugees, Arakan Rohingya Salvation Army (ARSA), repatriation*

Ekaterina Astafieva. *The non-alternative presidential elections in Singapore in 2017 and the first woman president: was there an alternative possible?*

The article is devoted to the presidential elections in Singapore in 2017. The author analyzes the innovations in procedure to elect the president of the country, sets out a brief chronology of the presidential campaign and its results, and introduces the brief biography of the new president of the Republic of Singapore, Halima Jakob.
Keywords: *Singapore, presidential election, president, Halima Jakob*

Dr. Grigory Lokshin. *Russian-Vietnamese relations and the factor of China*

The article points out that, at the present stage, Russian-Vietnamese relations remain, undoubtedly, an important factor in ensuring peace and security both in the Southeast Asian region and in the Asia-Pacific region as a whole. For Vietnam, these relations are an important part of an independent, multilateral and multivector foreign policy. Russia's policy in the APR as a whole remains open and aimed at creating a climate of trust and close interaction with all countries, large and small. Russia has no ideological or other contradictions either with China, or with traditionally friendly Vietnam, or with any other ASEAN countries. The author points out that the most important thing is to establish rules of the game that are acceptable for everyone.
Keywords: *Russia, Vietnam, cooperation, the South-China Sea, China, the USA*

Le Van Wuong. *The main directions of ensuring the quality of training in the system of higher education of the SRV under the conditions of international regional and bilateral integration*

The article features the special features of the higher education system in the Socialist Republic of Vietnam (SRV). The periodization of the strategic plan of higher and professional education development in Vietnam - its main stages, achievements and problems - is given. The article describes and analyses the main forms of development of the system of higher education in the SRV; the con-

tent of a package of criteria and quality standards for training in universities in Vietnam, etc.

Keywords: *Vietnam, globalization, international integration, higher education system, Ministry of Higher Education and Training (MEP), expertise, quality control, reforms, modernization*

Anna Tekhanovich. *Vietnam in the context of the United States and China struggle for influence in South-East Asia*

In recent years, there has been a serious struggle between the US and China for influence in Southeast Asia. Beijing's desire to dominate the region provokes the US to pursue an increasingly active policy of creating a "deterrent" line for China. In order to strengthen its position, the United States is developing relations with Vietnam with a view of making it their ally and strengthening their position. In this situation, Hanoi has to maneuver between the PRC and the US and create its own system of counterbalances in relations with these countries.

Keywords: *Vietnam, the USA, China, the SCS, geopolitics, security, hedging strategy*.

Dr. Anton Zakharov. *The Notes on Political Genesis in Southeast Asia in the 1st Millennium A.D.*

The article examines the peculiarities of the formation of Indianized states of South-East Asia, analyzes the links between the genesis of power structures and wars and other forms of violence. The main sources are inscriptions in Sanskrit, Old Malay, Old Javanese, and Old Khmer languages. Politogenesis is understood as the formation of power structures, including state structures. The article proves the hypothesis that the key to the formation of a territorial state in the region was the 7th century, when in the local epigraphy notations appeared not only for the entire territory subject to the ruler, but also for individual regions.

Keywords: *Indianization, statehood, inscriptions, Sanskrit, Funan*

Peter Moskalev. *"Overseas Chinese" in the historical development of Laos*

The article considers the position of the Chinese-speaking immigrant community ("Overseas Chinese") in the History of Laos from the late 19th century to early 21st century. The peculiarities of the formation of the Chinese community on the territory of the Lao-

tian state, the specificity of the interaction of "Overseas Chinese" with the local population and representatives of the state power in this country are analyzed. In conclusions of the article the author gives a periodization of the History of Laos in relation to the position of "Overseas Chinese" in it.

Keywords: *Laos, History, 20th century, Overseas Chinese*

Dr. Elena Fomicheva. *Culture as a means of state building in Thailand*

In this paper the author attempts to touch upon the subject of Thailand government’s cultural policy with the aim to build a modern state and create a nation identity on the basis of traditional values.

Keywords: *Thailand, culture, arts, cultural policy, national identity*

Dr. Mikhail Syunnerberg. *Franco-Vietnamese "Legal Journal" as a source on family-marriage relations in the late colonial Vietnam*

The purpose of this article is to give a general idea of the source database that can be used to study family problems in different periods of the historical development of Vietnam, and to introduce the readers in more detail to the previously unused in both domestic and Western Vietnamese studies of the Franco-Vietnamese "Legal Journal" (v. - Pháp Viện báo), published in 1931-1932. On the basis of analysis of its content, the article demonstrates how it can be used to study family-marriage relations in the period 1920-1930-ies, and what place it takes among other sources on the family issues in Viet Nam.

Key words: *family in Vietnam, sources for family and marriage relations studies, "Legal Journal", women in Vietnam, Vietnamese legislation, colonial Vietnam*

Астафьева Екатерина Михайловна – научный сотрудник, ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Бектимирова Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ

Бэ Бумки - аспирант ИМЭМО РАН

Другов Алексей Юрьевич - доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Захаров Антон Олегович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО

Королев Александр Сергеевич - аспирант НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Костюнина Галина Михайловна - доктор экономических наук, профессор, МГИМО (университет) МИД России

Кукушкина Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ

Ле Ванг Выонг – аспирант РУДН

Локшин Григорий Михайлович - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН

Москалев Петр Эдуардович - аспирант Восточного факультета СПбГУ

Мосяков Дмитрий Валентинович - доктор исторических наук, заведующий Центром ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН

Пале София Евгеньевна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Петрова Ольга Леонидовна – младший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

Симония Аида Алексеевна - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Сюннерберг Максим Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент ИСАА МГУ

Теханович Анна Игоревна – аспирант Восточного факультета СПбГУ

Фомичева Елена Алексеевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН